

Эзотерический

Бестселлер

Том 2

Александр Рей

Мистическая повесть

Гомель
Издательство ГИСФИР
2014

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бен=Рус)-44
Р35

Серия основана в 2013 году

Издание предназначено
для некоммерческого распространения в сети интернет
по программе «ThanksForPay».

Сказать спасибо автору за книгу

можно на сайте

<http://perepevnik.ru/spasibo>

Рей, А.

Р35 Клубок 31 / Александр Рей. – Гомель : ГИСФИР, 2014. – 156 с. –
(Эзотерический бестселлер).
ISBN 978-985-90321-5-8.

У каждого из нас за плечами километры опыта, воспоминаний — потерь и приобретений. Часто они настолько запутываются, сплетаясь в тугой клубок, что мы теряем самих себя, да так сильно, что не можем разглядеть дорогу ведущую вперед. Так как же выбраться? Как распутать переплетения прошлого?

«Каждая ворсинка в этом клубке — поступок. Каждый поступок совершён мной. Именно я и никто другой делал выбор, приведший к тому, что пожинаю сейчас. Именно я сам ткал нить моей жизни...»

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бен=Рус)-44

ISBN 978-985-90321-5-8

© Рей А., 2013
© ООО «Издательство
ГИСФИР», 2014

первое доброе издательство

Гисфир
издательство

[Перейти на сайт](#)

Pererevnik
ru

Оформление книг

сказать спасибо автору

Все Книги Александра Рея участвуют в проекте «ThanksForPay». Это значит, что вы абсолютно бесплатно скачиваете или читаете любую книгу автора, и если книга нравится, вы сами решаете каким способом и на какую сумму отблагодарить автора.

«Если тебе, мой читатель, какая-либо из моих работ принесла пользу или просто приятные минуты, от чистого сердца, я этому рад. И я с радостью приму от тебя благодарность, а значит и возможность продолжить свой писательский труд. Мои книги не могут заинтересовать людей, не умеющих отдавать в ответ. Поэтому я и участвую в проекте «Спасибо за оплату» издательства «ГИСФИР»

Александр Рей

Пролог

— Слышишь? Можешь ли ты слышать хоть что-нибудь, кроме собственного голоса? Вряд ли! Но я всё равно скажу...

— Что происходит? — шепчу я.

— Ты ещё не знаешь, где оказался, как, впрочем, и все... никто не знает, где ты. Ведь тебя на самом деле не существует, тебя нет — ты потерял себя. Потерял, как теряют счастье в бесконечной череде серых будней. А кем становится человек, если у него нет даже себя?

— Пустотой... — неуверенно выдыхаю я слово.

— Но ведь даже у пустоты есть своё место, а у тебя нет... тебя нет...

Я удивлённо смотрю на то место, где должно быть её лицо.

— Так что же мне делать?

— Найди себя! Отыщи свои следы и, не теряя из виду, следуй за ними.

— Где же мне искать? С чего начинать свои поиски? Подскажи мне!

— Загляни внутрь себя, только там найдёшь ответ. Смотри по сторонам, замечай оттенки собственных чувств, желаний и мыслей — они приведут тебя к ответу. Найди себя! Ты

должен сделать это, иначе будешь бесконечно блуждать между двумя мирами. Пока ты ни жив, ни мёртв, тебя не сможет принять ни один из миров: ты везде будешь чужим. Найди следы...

— Я не понимаю...

— Прошое, настоящее и будущее, жизнь и смерть, иллюзия и реальность неразрывно сплелись, смешались, став единым целым. Теперь ты должен распутать их, собирая по крупинкам себя, чтобы в конце пути ответить на вопрос.

— Какой вопрос? — я всё ещё пытаюсь хоть что-то понять.

— *Ищи следы... Найди себя... Ответь на вопрос...*

Последние слова раздались, будто издалека. Казалось, голос терял последние силы. Я понял, что погружаюсь в темноту.

Во мраке были размешаны холод и спокойствие...

Часть 1. Я умер

Я умер?

Хм-м... Я — умер.

Я умер, и ничего в этом плохого нет. Просто так получилось...

Бывает так с некоторыми. И будет с каждым. Тут уж ничего не поделаешь. Нет, и в самом деле, ну что тут можно сделать, если умер?

Интересно, как это — умереть? А никак!

Просто ничего не чувствуешь, кроме холода и спокойствия.

Спокойствия...

Теперь я понимаю, почему бабушка так спокойно относилась к моим переживаниям и неудачам. Она всегда была спокойна, глядя на меня своими глубокими, умными глазами. Вернее будет сказать, глубокими, мудрыми глазами со множеством морщинок вокруг них. Смотрела, улыбалась и была спокойна. И мне вдруг тоже становилось спокойно. Видя её такую, бабушку, я всегда, *всегда* успокаивался. Вне зависимости от величины моей проблемы. Просто я понимал, точнее, даже чувствовал, глядя на бесчисленные морщинки и на спокойствие в глазах, что всё будет... ну, если не хорошо, то хотя бы так, как должно быть.

И я думал, именно потому что, она старенькая (а старенькая — значит, много прожила, много прочувствовала и поэтому многое может, по крайней мере, мне так казалось), бабушка знала, что вот так оно и будет — холод и спокойствие. Зачем тогда переживать?!

А почему холодно? Ведь я же умер! Мне, по идее, не должно быть холодно. И холод какой-то неестественный. Скорей, даже не холод, а зябкость. Если вообще есть такое слово — зябкость.

Так вот, я — зябну. Это когда кожа покрывается пупырышками, а тело начинает немного дрожать.

В отличие от холода, зябкость — это не неприятное чувство. Оно никакое. Холод — неприятен, зябкость — никакая. Всё понятно.

Но иногда зябкость бывает нужным чувством.

Например, когда просыпаешься рано-рано утром в детском лагере, где-нибудь возле моря, допустим в Анапе, а за окном — ноябрь. Так вот, просыпаешься, а в комнате стекло выбито. И ты под одеялом. Вспоминаешь вчерашний вечер, как пил невкусную водку, как ждал и боялся, но потом всё-таки решился, как с молоденькой воспитательницей танцевал, какая она близкая и тёплая. И хорошо так. И ты под одеялом, окно выбито, Анапа... ноябрь... И зябко, когда под одеялом. Нос из-под него высунешь — холодно. И обратно под одеяло, чтобы зябко было. А в туалет-то хочется...

Точно также и мне сейчас — зябко.

Я лежу на своей кровати, в своей квартире. Мёртвый, но сердце при этом колотится. Иногда мне начинает казаться, что... жалко, что оно бьётся. Хочется, чтобы замерло и больше не мешало наслаждаться смертью, не раздражало своими надоедливыми тук-туками. Чтоб сердце остановилось, и я мог спокойно, ни на что не отвлекаясь, себя оплакать.

Всё-таки редко когда приходится оплакивать себя. Не жалеть, а именно оплакивать. Жалеем мы часто себя. Мы уже привыкли к этому чувству. Для кого-то оно является всей жизнью, единственным смыслом и способом существовать.

Если бы я был жив, то сказал, что для меня это привычно — жалеть себя. А так как меня уже нет, то остаётся только — это БЫЛО привычно.

Сейчас же я буду оплакивать всего себя — душу, что мечется где-то очень далеко; тело, где пока ещё теплится жизнь (но это ненадолго); людей, когда-то важных для меня и составлявших смысл моей жизни...

Но теперь это всё позади, все ненужно, всё неважно...

Лежу на кровати, глаза закрыты. Так лучше, когда темно.

Открываю их — передо мной потолок.

И полумрак. Ведь прежде чем умереть, я задвинул шторы. Последнее, что я сделал в этой... ой, уже в *прошлой* жизни — это задвинул шторы. Чтобы было темнее. Ведь гибель приходит в темноте. Обязательно, где смерть, там темно. Так кем-то заведено.

Даже в детстве, ещё не зная, что это такое, ещё не столкнувшись с ней, мы догадываемся, что тьма — это и есть смерть. И боимся её.

Это знание приходит вместе с жизнью. Животное знание. Такое же, как и умение дышать, чувствовать, бояться.

И мы боимся её — темноты и того, что в ней заложено.

Поэтому, умирая, я решил, что шторы обязательно должны быть закрыты.

А сейчас мне всё равно. Я же не знал, а мог только догадываться, что мёртвому темнота не понадобится, её не будет. Не знал, что за гранью жизни есть только зябкость и спокойствие.

Но всё равно, когда темно — лучше. Ведь можно представить, что моя защита безгранична, её никто не пробьёт, и вместе с тем, никто не потревожит меня.

Когда же глаза открыты, я вижу потолок, и с этим сразу приходит понимание, что моя защита хрупка, как стена из бетона. Она заканчивается там, за окнами этой квартиры.

Там — мир живых.

Вокруг меня — кокон из железа и камня. Он окутал меня, защищая от жизни. Пока я внутри, мне ничего не грозит, я могу позволить себе быть мёртвым, надо мной ничто не властно. Даже время... Оно здесь не то чтобы остановилось — его просто нет. Умерло вместе со мной. И от этого ещё спокойнее.

Ведь не надо куда спешить. Уже не надо...

Да и смерть никогда не спешит. Она просто есть.

Приходит всегда вовремя. Именно тогда, когда *нужно*.

Теперь я знаю, не смерти *нужно*, а самому покойнику. Каждый выбирает свой день и свой час сам, когда ему суждено уйти. Не бывает, что я хочу жить, но умер. Это не так. Я выбираю смерть и поэтому умираю. Выбираю: медленно или быстро, днём или ночью, рядом с близкими или в одиночестве...

А смерть... Она просто так не опаздывает. Она очень пунктуальна и серьёзно относится к своей работе. Ей всё равно, что думают об этом близкие люди умершего. Смерть слышит только голос самого человека, очень чутко улавливает решение, которое он принял. Затем просто хорошо выполняет молчаливую просьбу — «Я хочу умереть».

Ей безразличны деньги, сила, ум, счастье... Она просто трудяга.

«Смерть заказывали? Пожалуйста! Причем совершенно бесплатно и именно то, что Вы хотели».

Затем она берёт тебя за руку, оставляя уже ненужное тело позади, и ведёт в ТВОЙ НАСТОЯЩИЙ МИР, который ты же и создал.

Тёмное небо, затянутое грязными тучами, и касающиеся его холодные трубы-гиганты, без усталости плюющиеся мутным дымом. И запаххлама... Может быть, ты создал этот мир, он твой и туда приведёт тебя за руку смерть?

Или слепяще-яркое солнце, фиеста с безудержным желанием танцевать — этот мир твой? Ты его творец?

Всю жизнь люди пытаются заглянуть внутрь себя, увидеть, что же у них там? Пустота? Гниль? Свежесть? Хаос? Мир ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ помогает, наконец-то, это выяснить. Увидеть свою душу настоящей, не обманывая самого себя. Ты просто просыпаешься, открываешь глаза и видишь всё, что создал и что разрушил.

Смерть лишь помогает найти в бесконечном коридоре судебных комнат твоим именем на двери.

Она спутница, провожатый, Харон, не просящий за свои услуги ничего.

Её незачем бояться. Как она может причинить вред? Как?

Она?

Почему ОНА?

Почему смерть женского рода? Почему я говорю о смерти как о ней?

Потому что ко мне смерть явилась молодой девушкой. Без ли-

ца.

Я смотрел на неё, сидящую на моей кровати и терпеливо ждущую, пока я решусь протянуть ей руку.

Я заставил смерть ждать!

Я был её хозяином. Я владел ею. Ведь она была создана специально для меня. Как только моя смерть выполнит своё предназначение — исчезнет. Поэтому она меня не торопит — тоже хочет успеть пожить.

Смерть хочет жить! Ха-ха... Абсурд.

Но она слишком перфекционистка, чтобы противиться установленному порядку. Так что просто подождёт, пока я войду в дверь, на которой висит обычная табличка с моим именем. И растворится, выполнив свою работу «на отлично».

Эта леди, сидящая рядом, была мне симпатична. Я бы даже с ней поболтал. Ведь она единственная, кто пришёл разделить мое одиночество. Одиночество её создателя. Ведь только потому, что я захотел умереть, была создана она.

В душе у меня была пустота, и именно поэтому она пришла без лица. Она была отражением меня самого, моего незнания, кто я такой.

Будь у меня возможность умереть счастливым, я уверен, смерть имела бы облик самого близкого для меня человека, ушедшего раньше. Ведь что может быть приятнее, чем увидеть старого друга после столь долгой разлуки, что лицо его почти стёрлось из памяти?

Единственное, чего я не понимаю, почему до сих пор бьётся сердце?

После того, как я протянул ей руку, мы пошли по коридору. Очень длинному, широкому, светлому. Нас то и дело обгоняли парочки. Кого-то обгоняли мы. Кто-то из них был полупрозрачен, как тень с чуть заметными очертаниями, а кто-то был ярок, будто светился солнцем изнутри. Мужчины и женщины, дети и старики. Обнажённые, в лохмотьях, в строгих костюмах и клоунских нарядах. Бесконечно разные.

Неизменно оставалось одно — их сопровождала смерть. И

сколько было людей, столько и образов смерти.

Ребёнок держит за руку здорового мужика. Тому пришлось изрядно наклониться, чтобы малыш мог держаться за руку. Они идут и увлечённо о чём-то болтают, смеются... Провожатым был ребёнок. Наверное, не так плохо, когда к тебе приходит голубоглазый карапуз и, улыбаясь, спрашивает: «Пойдём?».

Некоторые же существа, ведущие мрачных, испуганных или, чаще всего, просто уставших людей, были невероятны: вызывающие равнодушное омерзение или приступы пустой тошноты.

И я всему этому не удивлялся!

Это сейчас при воспоминаниях обо всех этих лицах и образах мне становится не по себе. А тогда я понимал, что всё идет нормально, всё так, как должно быть.

Наконец, мы подошли к нужной двери, к моему миру.

Я спросил безликую: «Сюда?».

Она качнула головой: «Да».

И тогда, протянув руку и, лишь слегка коснувшись ручки, отворил дверь.

...

После я очутился там же, где всё и началось — на моей кровати в моей квартире. В коконе, созданном мной самим.

Только я, зябкость, спокойствие и непонимание остались после моей смерти. Хотя нет... Не только. Со мной рядом на кровати лежал, воплощая всё, недавно произошедшее со мной, небольшой красный клубок.

Откуда он здесь? Наверное, я его захватил оттуда... Откуда не возвращаются. А может это подарок от неё... *безликой*.

Как-то в детстве я посмотрел один фильм. Хотя, скорее, не фильм, а сериал. Кажется, он назывался «Запретная зона» или «Сумеречная»... Короче, какая-то «зона». Одно время его показывали по телевизору и все: и взрослые, и дети — фанатели по нему, каждая серия являла собой новый, захватывающий фантастико-мистический сюжет, заставляющий ждать развязки, неот-

рывно таращась на экран.

И вот в одной из серий рассказывалось про мужчину, обладавшего волшебными часами.

Что же в них было колдовского? А то, что раз в сутки, с двенадцати до часу ночи, они останавливали время и все, кроме владельца этих часов, замирали в неподвижности, повинаясь всемогущим чарам. И за этот час хозяин времени мог делать всё, что ему заблагорассудится, не боясь быть разоблаченным.

Если задуматься, то что можно делать, обладая такими часами? В голову обычно приходит только что-то противозаконное. Вряд ли кто-нибудь додумался бы за этот час успеть накормить и одеть несчастных и обездоленных. Вот и герой фильма, не обладая развитым воображением, занимался грабежом ювелирных магазинчиков. Хотя мне—то обвинять его в скупости фантазии было негоже...

После просмотра этой истории я регулярно, обычно перед сном, начинал мечтать, будто у меня есть такие волшебные часы. Мне так хотелось останавливать время и делать всё, что захочу, всё, что в обыденной жизни я себе позволить не мог. В детском мозгу созревали вожаемые фантазии грабежа главного универмага моего города, мести лютым врагам и овладения одноклассниками в момент «волшебного часа».

Все эти иллюзии были так сладки и так желанны! Ведь в них умудрялось вмещаться всё, что я никак не мог позволить себе в настоящей жизни — денег не было, обидчикам сдачи дать не мог, да и среди девчонок особой популярностью не пользовался. Оставалось уповать только на волшебную палочку, а, точнее, на часы.

Мечтая в детстве о подобном чуде, я и не предполагал, что когда-нибудь ко мне в руки попадёт вещь, способная играть со временем, будто с домашним питомцем.

Я не знал, ЧТО ЭТО. Я не понимал, ЗАЧЕМ ОНО МНЕ ВООБЩЕ НУЖНО! Я вообще ничего не понимал. Но, глядя на небольшой красный клубок, я видел в нём силу и власть прошлого, с которыми мне нужно было научиться мириться и совладать.

Сила и власть...

Что с ними сейчас делать?

Для начала нужно разобраться, как этот клубок оказался у меня и зачем он здесь? ЧТО всё-таки произошло до того, как я очутился там же, где все и началось — на моей кровати, в моей квартире, в коконе, созданном мной?

Только я, зябкость, спокойствие, непонимание и... маленький красный клубок остались после моей смерти.

И, всё-таки, я умер?

Нет, я только что родился...

Часть 2. Почему я стал психотерапевтом?

В прошлой жизни я работал психотерапевтом.

Каждое утро (естественно, кроме выходных) я совершал все необходимые ритуалы — застилание кровати, чистку зубов, умывание, бритьё, завтрак — в строгой последовательности. Это была привычка, и нарушить её я мог позволить себе только в выходные. С каждым пройденным этапом, ставя себе пунктик о выполнении, я как бы просыпался и, ободряя себя, говорил: «Так, начинается новый рабочий день. Очнись!». Выполнив все положенные обряды, уже свежий и полный сил, я отправлялся на работу.

До психиатрической больницы было около часа езды. Маршрут был всегда однообразен и до тошноты предсказуем. Сначала я втискивался в вечно переполненный троллейбус. Спустя минут 15, помятый со всех сторон и уже еле живой, выползал в центре города, на большой транспортной развилке, через которую проходили почти все маршруты. Следом пересаживался на автобус, идущий до самой окраины, и ещё более плотно забитый людьми. Поэтому достаточно часто приходилось сражаться, распихивая неугомонных бабулек с кошелёчками и скалоподобных заводских трудяг, за место в транспорте и, следовательно, за своевременный приход на работу.

Поначалу, когда я только ступил на трудовую стезю, вечная толкучка и ругань пассажиров меня жутко забавляли. Ещё бы! Каждый день в час пик — бесплатные американские горки! Но спустя пару месяцев я стал замечать, что духота и скованность, за которую я плачу, а мне дают билетик, начинает меня раздражать. И единственное, о чём мог думать по дороге — это когда я, наконец-таки, выберусь из этого тесного Ада.

Ещё через некоторое время у меня начало возникать ощущение

ние, стоило только открыть глаза и оглядеть окружающих меня людей, будто я единственный живой в царстве Аида. Пустые, безжизненные лица, по привычке обрекающие себя на движение к ненавистой работе, наступали со всех сторон — умершие ещё при жизни.

Ещё чуть-чуть — и подобные мысли перестали меня волновать. Видимо, я стал таким же. Но поездки всё равно меня утомляли.

В конце концов, решение было найдено — я купил себе маленький МПЗ плеер, служивший своего рода защитным костюмом, позволяющим за счёт музыки и размышлений отгораживаться от всего этого дорожного хаоса. Музыка захватывала мысли и позволяла погрузиться глубоко в себя. Туда, где я уже успешен, богат и езжу на своей машине, а не в воняющем смесью перегара, пота и дешёвого одеколona автобусе. Чувствуя в очередной раз, как «прелести» дороги вызывают подкатывающие к горлу ощущения тошноты, я брался за моего спасителя — чудо современной техники. С наушниками и музыкой дорога до больницы переносилась легче.

Лечебница находилась почти на самой окраине города: там, где начинались сосновые леса и жило мало людей.

Вопреки общепринятому мнению, территория психушки ничем не отличалась от обычного медгородка — с десятков двухэтажных зданий из белого кирпича, высокие сосны и ухоженные клумбы с цветами.

Большинство людей, приходящих сюда, чтобы получить справку «На учёте не состоит», необходимую при приёме на работу и получении водительских прав, чаще всего остаются разочарованными. Обычно, взяв с собой для пущей храбрости кого-нибудь из друзей, люди, ступившие на территорию дома скорби, боятся картин, нарисованных их воспалённой (вследствие чрезмерного просмотра голливудской белиберды) фантазией. Но они не оправдываются: ни тебе гигантов с выпученными от безумия глазами, ни буйнопомешанных, дружно шагающих в смиренных рубашках и при первом удобном случае кидающихся на тебя,

бешено вопя и брызгая слюной, перемешанной с пеной.

Максимум, что появившиеся на территории могут увидеть — это мирно подметающих и так уже чистый асфальт людей в однообразных серо-бесцветных рубашках, просящих закурить у каждого прохожего, да лица, торчащие из-за зарешеченных окон и бубнящие что-то себе под нос.

Хотя, может, я просто уже к этому привык и не обращаю внимания, а для кого-то такой поход оборачивается полным кораблем впечатлений.

Моё отделение находилось в первом корпусе, что ближе всех к воротам.

Весь первый этаж занимало 15-ое детское отделение, где я, собственно, и работал. Сверху соседствовало 16-е платное, где лечили от лёгких невротозов и нервных срывов. Пациентов 16-го отделения можно было всегда встретить оккупирующими лавочки возле общего подъезда и дружно пускающими клубы сигаретного дыма, создавая подобие тумана.

Сейчас, по прошествии стольких лет, я могу ответить на вопрос, который задавал себе после увольнения достаточно долго: «За те годы, что проработал психотерапевтом в больнице, я больше приобрёл или потерял?»

Ответ: «Я не знаю!».

Я не знаю, чего было больше: взлётов или падений, успехов или неудач? Не знаю, правильно ли я сделал, что оказался там.

Раньше бы я сильно парился, изводил себя, задавая вопрос «А что если?». Короче, занимался тем, что, в общем, называется «эмоционально-моральная мастурбация». Бесконечный перебор всевозможных вариантов исхода и анализ, анализ, анализ... Крыша может съехать!

Благо, теперь этого нет благодаря отцу. Он мне когда-то сказал:

— Любое решение, которое ты примешь, будет единственно правильным и верным.

— Почему? — я совсем тогда не понял этого утверждения.

— А потому, что ты не знаешь, как бы было, сделай ты другой

выбор, — ответил папа и принял выражение лица мудрого аксакала. Я тогда всё равно ничего не понял: ведь мне было лет 10—11.

Фраза же запомнилась, несмотря на кажущуюся бессмысленность и сложность, и стала одним из жизненных кредо. Жаль только, что для отца сказанное им ничего не значило.

Поэтому, зная, что я поступаю правильно, ничего не остаётся делать, как быть благодарным за опыт.

В то время в моей совсем ещё детской голове помещались огромные весы, на которых я постоянно взвешивал тщательно отобранный и отсортированный товар — правильные или вредные поступки, слова, встречи...

Теперь этого нет.

Я знаю, что работа в психушке многому меня научила и так же много безвозвратно отняла.

Как говорил один очень известный писатель: «Однажды мы оказываемся в точке, где нам хорошо, где мы счастливы. И вместе с тем постигаем, что цена нынешнего состояния — все проклятые неудачи, вся невыносимая боль, все побеждённые страхи. Если бы не проблемы-преграды, мы бы остались там, где были. Они помогают нам расти, заставляя двигаться вперёд, не позволяя стоять на месте, ожидая, когда счастье само, растолкав горе, ворвётся в нашу жизнь. Нам же остается сказать, когда приходим к счастью: «Спасибо, что были в нашей жизни! Спасибо, страх! Спасибо, боль! Спасибо, печаль!».

Красивые слова и очень мудрые, но для меня бесполезные. Потому что я способен сказать «спасибо» только тогда, когда достигну заветной цели, земли обетованной. А, двигаясь к ней, я, как и все, проклиная, ненавижу, жалею...

Все богатство моего отделения добывалось тяжким трудом заведующей, имевшей врождённый талант находить и добиваться необходимого у людей, желающих очистить душу благотворительностью. Техника, тренажёры, игрушки, вкусности — всё это поставлялось в отделение с завидной регулярностью и рвением со стороны любителей детских болезней. Всегда найдутся люди,

жалеющие больных детей и сирот и желающие наградить их за болезнь или сиротливость всеми земными благами.

Просто сталкиваясь с благотворительностью, я понял, что, во многих случаях, кроме удовольствия от материальных благ, она ещё и воспитывает в человеке психологию нахлебника, знающего, что за неудачи, горе и обездоленность тебя будут кормить, поить и одевать. Тебе же для этого ничего не надо делать, кроме как быть несчастным.

Только в последнее время зарубежные спасители поняли это. И, вместо традиционного обеспечения «рыбой», они учат умению обращаться с удочкой, в общем, добывать улов самому. Но, к сожалению, не все. Сейчас также находятся много желающих «помочь» и «наградить» — англичанки пенсионного возраста, стремящиеся поскорей смыться от гомонящей толпы маленьких почтитчеловеков; молоденькие итальянки, говорящие только о предстоящем вечере в баре, а также немцы, американцы и даже немного французов (видимо, у них и своих регулярно болеющих хватает).

Короче, все были довольны: заведующая — тем, что находила себе в вечных поисках занятие и смысл творческой жизни; иностранцы — тем же и ещё спасенной душой.

Правда, заведующая периодически «ломалась» (ноги, руки, почки) и укладывалась на «ремонт» на неопределённые сроки. Но она, видимо, не сильно-то была и против.

Пока она находилась в отлёжке, почти все её материальная добыча дружно ломались весёлой ребятней с молчаливого согласия равнодушного персонала. И с очередным выходом на предстартовую позицию, после выздоровления, она тяжело вздыхала и, засучив рукава белого медицинского халата, принималась в очередной раз катить тяжёлый камень, подражая уставшему Сизифу, в гору, ею же самой и воздвигнутую. Никому её жалко не было: ведь человек сам себя развлекал, придумывая себе занятие.

Разновидностей помощи нашей бедной стране было много. В том числе и обучение местных, с позволения сказать, «специали-

стов» хитростям и тонкостям работы с несчастными и обездоленными. Но такие тренинги-семинары, к сожалению, проводились редко. «К сожалению» — потому что от них была хоть какая-то более-менее ощутимая польза. А «редко» — потому что затраты на обеспечение семинаров были значительными, а пользу разглядеть достаточно сложно — пощупать нельзя, понюхать тоже, да и лизнуть — навряд ли. Легче купить телевизор, подарить детишкам, сфотографировать улыбчивых детдомовцев на его фоне и привезти фото в свою далёкую от наших бед страну — «Мол, щупайте на здоровье, дорогие денеговладельцы!». После обучения аборигенов иностранные спасители приезжают к себе и сообщают, что обучили уму-разуму. Эффект совсем другой: ведь в мозги не заглянешь и не увидишь, кто чему научился и какую практическую пользу принёс по приезде на место службы.

Я, кстати, думаю: «И слава Богу, что мысленное содержимое черепной коробки другого до сих пор недоступно». Иностранцы бы удивились, узнав, что, как минимум 80% их денег, вкладываемых в обучение специалистов, работающих с детьми, уходит впустую. Потому что около 8 человек из 10, приходящих на тренинги — это профессиональные тусовщики, появляющиеся на подобных мероприятиях исключительно ради веселья и разнообразия, а никак не для повышения профессионализма и расширения горизонта. Общение, фуршеты, чаепития — вот что мило сердцу их.

Что же касается остальных 20-ти процентов, то сюда входят люди вправду толковые. В смысле, люди, желающие познавать новое и развиваться: ведь работа с детьми — их творчество и любимое дело.

Может быть, случайно, а, может, благодаря доброй воле судьбы и особой её благосклонности, называемой верным решением, такие люди, поступая в универ, на удивление бойко интересуются выбранной профессией и изучаемыми предметами. К тому же они не боятся тратить деньги (чаще всего свои) на приобретение книг, дополнительные тренинги и наработку практического опыта.

Таких людей, как ни грустно признать, подавляющее мень-

шинство.

Чем это могло быть вызвано, абсолютно не представляю, но могу предположить.

Во-первых, благодаря исторически сложившемуся убеждению, что работа должна быть тяжким бременем и нравиться никак не должна. Прямо как в христианских традициях: «Потом и кровью будете зарабатывать хлеб свой».

Во-вторых, из-за явной инфантильности моих современников — не знают, чего от жизни можно хотеть, куда идти и как чего-либо добиваться. А если даже и знают, вовремя в этом разобрались, то не умеют противостоять чрезмерно активным и «лучшезнающим» родителям, желающим видеть дочь нынче модным психологом и совершенно не пытающимся понять её нелепую идею стать учительницей физкультуры.

Наверное, из-за этих наиглупейших, но вполне естественных причин молодые люди выбирают путь от противного и бредут по жизни с низко опущенной головой и вечно кислым выражением лица, не умея да и не желая что-либо менять в тошнотворном, но вполне устоявшемся мирке: то ли из-за страха перемен, то ли просто из убеждения, что «уже поздно».

Результаты налицо: талантливые актёры работают стоматологами, маэстро продаж копаются в сводах законов, а вполне вероятный нобелевский лауреат по физике хамит пьяным пассажирам, по ошибке зашедшим в его вагон.

Так вот, когда заведующая отправила меня на четырехдневный тренинг, где английский социальный работник, леди пожилых лет, должна была учить нас премудростям работы с трудными подростками, я обрадовался, так как до сих пор с надеждой относил себя к тем самым двадцати процентам.

В творчески активное меньшинство, которое выделилось в первые 15 минут занятия, также, на мой придиричивый взгляд, попала молодая женщина — Татьяна, со дня на день собиравшаяся стать счастливой мамой. С большим красиво округлым животом и ярко выраженной харизмой, она каждый день тренинга

неизменно приходила минута в минуту, плавно громоздилась на стул рядом со мной. К тому же, была она интересной собеседницей и человеком, имеющим своё, вполне даже конкретное, мнение. Несомненно, с моей стороны это вызывало тактичный интерес и уважение. Наверное, именно поэтому все 4 дня я держался неподалёку от неё и, когда для очередного упражнения или игры круг разбивался на тройки, четвёрки или же пятёрки, мы всегда оказывались рядом.

Упражнения, в основном, носили характер психолого-коррекционных игр и были направлены на сближение, развитие сплочённости, расслабление и так далее. В общем, то, что мы должны были проделывать с подростками, опробовали сначала на себе.

Оказавшись в очередной раз вместе с Таней в подгруппе, мы делились своими мыслями, чувствами, воспоминаниями. И, что самое главное, я рядом с ней чувствовал себя свободно и раскрывался без страха и утайки.

В то время я был в состоянии мимолётного увлечения, чувствовал себя воздушно-беззаботным, поэтому прошлое казалось красочным и вполне сносным, что я, естественно, не подвергая сомнениям, преподносил другим. Идеальные родители, верные друзья, вечная любовь и только — вот что встречалось на моём пути.

Пока я всё это рассказывал, Таня с интересом смотрела на меня и ждала, пока закончу. Когда же я замолчал, она задала мне один, всего один вопрос, ставшим впоследствии чем-то глобально важным. Она спросила:

— Если у тебя было всё так идеально, как ты говоришь, — медленно, растягивая слова, произнесла она, будто читая что-то в моих глазах, — почему же ты тогда стал психотерапевтом?

И я задумался, желая, легко отмахнувшись, пробубнеть что-нибудь...

Но вместо этого прислушавшись к себе, я понял: что-то тяжёлое и вязкое схватило меня за горло и тянет вниз, увлекая за собой...

Вопрос, заданный на том семинаре Таней, стал пусковым механизмом. Он что-то переменял внутри, открыв глаза на то, что я так яростно старался забыть. Мне кажется, что именно в тот самый момент, как она произнесла слова, сложившиеся в один из главных вопросов жизни, мой, невидимый доселе, комочек плотно скрученных нитей начал превращаться в реальность.

Прошлое ожило, поглощая меня.

А внутри...

Часть 3. Детство

*Когда мне снова будет восемь,
Я постучусь в огромный дом,
Где все, конечно, хором спросят,
Хочу ли я пожить в таком.
Накроют стол, обнимут даже,
И каждый будет очень рад.
А перед сном мне тихо скажут,
Что я для них — не сын, а клад.
Меня уже никто не бросит,
Чтоб поскорей мой взгляд забыть,
Когда мне снова будет восемь,
Я стану тем, кем должен быть.*
Дарья Снигирёва

Обида, слёзы, трудно дышать, одиночество, страх, непонимание, боль...

Смех, удивление, теплота, гордость, увлечение, желание, страсть, оргазм, гром...

Я сидел в одиночестве где-то в районе центрального парка. В левой руке почти допитая бутылка пива, рядом пачка «Честер-филда» тоже с остатками сигарет.

Стеклянный взгляд устремлен в небо, где покорно умирают предпрассветные гирлянды звезд.

Звуки вокруг, цвета и запахи умерли. Их нет. Меня нет в этом мире.

Кадры в голове сменяются и вместе с ними — моё настроение.

На моих губах вкус того вопроса. Я пытаюсь прочувствовать, какого это — произносить такие значимые слова без эмоций, без страсти и страха. Я пытаюсь понять, почему слова о моём прошлом стали так важны для меня, почему я нашёл в них такую силу? Почему?

Моё прошлое... Оно уже было... Оно не вернётся? Неправда: оно во мне, а я в нём...

Я в прошлом, там, куда боялся заглянуть, но где ответы и освобождение от меня самого, такого, какой я сейчас — искусственного, созданного заново, пустого...

А внутри — обида, слёзы, трудно дышать...

На улице холодно. Зима ведь...

А надо идти в школу.

Бабушка одевает меня, как всегда, очень тепло — когда идёшь, становится совсем невыносимо и, кажется, что ты внутри горящего дома. Ну что тут поделаешь! Разве бабушку можно переубедить? Она всегда знает лучше, что мне надо.

Она целует меня и брата липким, мокрым поцелуем и закрывает за нами дверь.

Мы выходим из квартиры, спускаемся на первый этаж. Брат сразу же выходит на улицу, а я немножко хочу постоять. Мне нравится представлять, что я космонавт и сейчас выхожу из ракеты на новую, неизведанную планету. И капюшон у куртки кстати — прям как настоящий скафандр! Хорошо вот так стоять и воображать, что...

Брат резко открывает дверь, заглядывая с улицы в темноту подъезда:

— Ну, где ты там? Я из-за тебя в школу опоздаю!

Приходится выходить, и сразу нос начинает щипать, а дышать становится трудно.

Снег под ногами скрипит. Мне нравится этот звук, и я стараюсь идти там, где не протоптана дорожка.

Даська идёт чуть впереди, я медленно, ели переставляя ноги, плетусь за ним. Он старше на год и учится уже в четвёртом.

Мы прошли около половины пути, и я понимаю, что или сейчас, или будет уже поздно.

Сделав несколько широких шагов, я быстро его нагоняю и беру за руку. Он поворачивается ко мне и с удивлением смотрит.

— Дань, — выдавливаю я из себя почему-то виноватым голо-

сом, — Я в школу сегодня не хочу идти. Ты маме не расскажешь?

— А что такое? — лицо его очень серьёзное.

— Не знаю. Просто не хочу, — я чувствую себя виноватым. Он молчит, вглядываясь в меня, а я не могу на него смотреть. Почему-то становится невыносимо стыдно.

— Хорошо, — будто выдохнув, сказал он, — Я ничего не расскажу. Только где ты будешь ждать? Холодно же! А домой не пойдёшь.

— Ничего-ничего! — стал я его уверять, обрадовавшись, — не замёрзну! Пошли, покажу, где я буду стоять. А пойдёшь домой из школы, заberi меня, и мы пойдём вместе.

Я завожу его во дворик, к гаражам.

— Вон, между ними, — сказал я, показывая рукой на щель между двух железных гаражей, красным и зелёным. Я там спрячусь.

— У меня пять уроков. Пока...

И он уходит.

Я захожу между гаражей и кладу портфель на снег.

Если поднять голову вверх, то через полоску почти смыкающихся гаражных крыш виднеется затянутое тучами небо, а ещё — сосульки.

Здесь немножко тесно. Чтобы развернуться, нужно приложить усилия. Зато можно посидеть на портфеле, а ещё — здесь никто не ходит. Правда, у самого входа в моё убежище кто-то написал, и я туда не подхожу.

Я даже не знаю, почему так сильно не хочу в школу — ведь раньше было нормально. Тоже не ахти, но, по крайней мере, не так ужасно. Может, это из-за новой учительницы мне тяжело?

Почему, когда ждёшь, время тянется так долго? Очень долго. Сколько я уже здесь? Урок? Два? Жалко, часов нет...

Ноги уже совсем одервенели. Если по ним чем-нибудь ударить, то боли практически не почувствуешь. Я — знаю так было, когда мы с папой в парк ходили.

Совсем недавно мне было холодно, а сейчас и холода уже не чувствую, только скука.

Я больше не могу здесь быть. Что бы придумать? Если просто

придти, бабушка ругать будет. Она дома, папа с мамой на работе. Что придумать?

Мой взгляд падает на жёлтый снег возле входа.

Точно! Можно попробовать. Как раз я и хотел, только надо не перестараться, чтобы сильно не было видно.

Самое сложное — это остановиться, когда уже начал.

Всё...

Через пять минут я уже дома. Отворяет дверь бабушка, как я и ожидал.

— Ты чего так рано? — недовольно и с подозрительным прищуром спрашивает она.

— Вот... — я расстегиваю куртку, доходящую мне до колен, тем самым открывая вид на мокрые штаны.

— Это плохо! — констатирует бабушка, — Как это получилось?

Я начинаю рассказывать уже заготовленную по пути историю, что сидел на уроке, а потом — бац! Чувствую: мокро... Говорю, что дети смеялись, а учительница велела идти домой.

Бабушка командует идти переодеться. Я радуюсь! Пронесло...

Как хорошо дома!

Завтра я обязательно пойду в школу. Не хочу больше испытывать стыд и холод...

Но завтра всё повторится.

Как только школа приближается, я начинаю испытывать ужас и, вслед за ним, панику. И решаю: пусть будет со мной что угодно, лишь бы не к НЕЙ на урок. Пусть холод! Пусть скука, но не к НЕЙ! Тогда я ещё не знал, что то, что она со мной делает, называется унижение.

И был холод, такой же, медленно поднимающийся от ступней всё выше. Потом он уходил, и наступало полное бесчувствие ног.

И была скука, замедляющая секунду до часа.

И снова было решение. Только теперь вместо мочи было говно.

Я шёл домой от моего убежища и плакал. Ревел тихо и сдав-

ленно, про себя. Мне было противно и страшно.

Пусть ругают, но не школа!

Когда дверь открылась, первое, что она спросила:

— Опять?

Я понял, что пропал. Начал быстро-быстро говорить, что-то бормотать и с ужасом уставился на становившееся пунцово-красным лицо бабушки. Она очень быстро дышала.

— Раздевайся и в комнату... — сквозь зубы, скомандовала она.

Я очень испугался. Страх окутал мои лёгкие, сжал их, не давая возможности вдохнуть. Но я повиновался: снял куртку и сапоги, уселся на диван в гостиной.

Она вышла из соседней комнаты, держа в руке длинную пластмассовую палку.

— Нет! Бабушка, не надо! Я больше не буду делать так! Пожалуйста! Пожалуйста!!!

Сначала она попыталась хлестать меня по бедрам, но потом ей стало неважно, по чём.

Я забился в угол дивана и, закрыв лицо руками, вопил, молил, просил...

Но удары продолжались.

Услышав хруст, я открыл заплаканные глаза и увидел только часть палки в бабкиной руке, другая часть валялась на полу.

Тогда она выбросила обломок и подобрала лежащий на полу кабель, проведенный к телевизору...

Именно тогда я закрыл себя в первый раз.

Звёзд на небе уже не различить: вот-вот родится новое солнце. Я буду смотреть на него через солёную воду моих глаз.

Обнимаю свои колени. Тело само, повинаясь внутреннему ритму, покачивается из стороны в сторону. Так немного легче.

Я плачу и слёзы, падая, возвращаются назад, сквозь года. Обратно ко мне, ещё доверяющему себе и миру вокруг, но уже начинающему догадываться, каким нужно быть и что нужно делать, чтобы тебя любили.

Я прощаю её — ту, которой уже нет. Вместе с рыданиями уходит злость, бессилие и смирение. Я отпускаю их, оставляя себе только теплоту, любовь и силу, которые она мне дарила. А ещё — спокойствие...

Она — моя бабушка.

Кадры в голове сменяются. Именно в них возрождается моё прошлое.

Ну, вот, куда теперь? Как узнать, где они будут стоять?

Я был на распутье. Можно пройти через стадион, но там почти не ходят взрослые, и, если они всё-таки там караулят, то мне будет полный абзац!

Ещё можно через дворы. Хм-м-м... Наверное, так лучше.

Или всё же через магазин? Там много людей, там все ходят. С одной стороны, и взрослых больше... Ну, а если кто из одноклассников увидит? Да и Тотик там идти может. А если ещё и он к этим дебилам присоединиться, то на мне точно живого места не останется...

Всё-таки надо идти через дворы, там есть вероятность, что не увидят.

Я свернул с широкого тротуара, по которому почти каждый день ходил в школу, во двор пятиэтажки, в которой живёт мой лучший друг Лёшка. Жалко, что он сегодня в школу не идёт. Хотя, тогда наверняка и ему достанется, если что.

Не понимаю, что я им сделал?! Ни с того, ни с сего. Видите ли, им не понравилось, как я иду, и денег у меня с собой не оказалось. Только за это? И за то, что я слабак! Это они мне уже сами сказали. Но ведь я же их не трогаю! Ну почему?!

Мне стало так обидно! Глаза сами начали увлажняться. Надо дышать, чтобы не заплакать.

Сквозь слёзы я увидел впереди две фигуры. Они меня тоже заметили. Одна была в голубой куртке. За это мы с братом называли его «голубицей».

Голубица и его друг (я не знал их имён, знал, только, что они

учатся на два класса старше меня — в шестом) стояли в проходе между домами, за которыми находилась школа.

— Мы своё обещание выполнили — нашли тебя. Теперь иди сюда, чертило, — ухмыляясь, сказал второй, у которого не было прозвища. Он явно был старшой среди них, а Голубица просто придатком к нему, шестёркой.

«Чертило! Иди сюда! Нашли тебя!» — скакали его слова в моей голове.

Что-то вдруг случилось. Резко. Быстро. Я не понял, что...

Я просто пошёл к ним, с каждым шагом всё ускоряясь. Обида и страх заполонили меня полностью, без остатка. Теперь я плакал по-настоящему, не скрывая себя, не стыдясь. Бежал и плакал...

И уже не мог разобрать их лиц, только силуэты. Опять силуэты.

Я с разбегу напрыгнул на второго (того, что без прозвища) и повалил наземь. Затем, усевшись сверху, я взял его за шкурку и начал приподнимать и резко бросать на землю, даже не видя, как его голова беспомощной тряпичной куклой глухо падает на асфальт.

Я кричал. Я ревел. Ревел и кричал!

А потом начал бить, видя перед закрытыми глазами его ухмыляющуюся, приторную морду. Начал бить. В лицо.

— За что?! Что я вам сделал?! За что вы меня?! За что?! — орал я, снова и снова нанося удары.

Подо мной этот тоже пытался кричать, звать друга на помощь, но я обрывал его крик кулаками.

— Дима! Дима! Убери его! Дима!..

Мне не нужно было даже видеть Голубицу, чтобы понять, почувствовать, как он вжался в стену, боясь шелохнуться. И его страх.

Дерьмо!

А я бил, ревел, кричал, боялся...

Только когда этот, без имени, замолчал, я, остановившись, тяжело дыша, открыл глаза. Первое, что я увидел — свои руки.

Они были красными.

И только тогда я понял, ЧТО произошло — Я СДЕЛАЛ ЧЕЛОВЕКУ БОЛЬНО!

Это был первый раз, когда я по-настоящему кого-то ударил! Я причинил вред! Я сделал больно!

Что я натворил?!

Он лежал на земле, боясь открыть глаза. Или просто не мог сделать этого.

Каждый его вздох был виден — из ноздри, медленно возрастающая, появлялся большой красный пузырь и, лопааясь, разносил красные брызги по лицу.

СДЕЛАЛ БОЛЬНО!!!

Сколько раз они меня били? Сколько раз, упав, я ждал, прикрыв лицо руками, когда удары прекратятся? Сколько раз я видел распахнутые от ужаса глаза бабушки, смотрящие на мое виновато улыбающееся лицо-месиво? Сколько раз я не чувствовал боли, пока грязные ботинки искали мою улыбку?

А сейчас он лежит! Он чувствует боль!

И Я СДЕЛАЛ ЭТО!

Вдохнуть не получалось.

Шаг назад. Ещё один...

— Извини, — только хриплый шёпот смог вырваться из меня, — Извини. Я... Я не хотел. Слышишь?! Извини! Я не мог! Не хотел!!! Извини...

Я не хотел, но меня заставили.

Холода не должно быть. Почему же тогда дрожь по телу?

Я когда-то человеку сделал больно. Давно. Очень давно. Человеку, который только и мог причинять боль другим.

А я не мог. Тогда не мог. И нёс его боль сквозь года. Сквозь близких и чужих людей. Нёс в себе, внутри, не умея от неё скрыться. И каждую секунду вносил его боль в свою жизнь.

Люди были со мной и не знали, что одновременно общаются с

его болью, соединившейся, слившейся со мной, ставшей частью меня самого.

Я их обманывал, говорил: «Это я!», а на самом деле это была его боль, мои обиды, непонимание, страхи... И немного меня самого. Совсем чуть-чуть.

Все эти годы я пытался ответить на тот вопрос.

ЗА ЧТО?

Искал ответы в нужных книгах, в умных людях, и в других — в таких же, как тот, без прозвища. Но тщетно: куда бы я ни направлял свой взор, везде был путь, ведущий в интеллект, в логическое объяснение. Будь то не любящие его родители или мое неумение отстоять свою свободу, моя трусость.

Тщетно...

Рассудок здесь непричём, есть только сердце. Только оно позволяет освободиться.

«Понять — значит простить», — твердили веками.

Чушь!

Простить — значит простить. Открыть сердце. Признать и принять прошлое. Разрешить себе быть таким, каков был, а значит, каков есть.

Оплакать себя.

Похоронить и начать жить снова, заново.

Все моё прошлое — это Я.

Я весь состою из прошлого. Все мои ошибки, печали и радости живут вместе со мной, в настоящем. За ними, практически, невозможно разглядеть себя.

И что теперь делать, чтобы отыскать себя в лабиринтах минувшего? Нужно ли вернуться туда? Или всё здесь, всё сейчас, со мной? Нужно ли оборачиваться?

Каждую секунду прошлое неотделимо от меня и движется следом. Если я хочу найти своё Я, открою глаза, наострю уши, почую носом и дотронусь ладонью.

Изменить настоящее, пронзив прошлое.

Просто решиться.

Просто...

Я теперь знаю, почему решил стать психотерапевтом. Чтобы узнать «почему»!

Почему появляется боль, как уходит страх, что такое счастье и какой воздух необходим, чтобы вскормить его.

Обосновать, узнать, понять...

Я даже не мог предположить, что освобождение и прощение себя приходит через чувства. Что это самое главное — уметь чувствовать. Слышать собственные ощущения.

Я всего лишь хотел найти себя и, кажется, понял, как это сделать.

Как я оказался в своей квартире, исчезнув из парковой тиши, даже не знаю. Помню только, как мелькали редкие люди и пропадали машины. А я шёл и шёл, не видя их. Ведь их не могло быть в моём увядающем мире — они были в том мире, где кишит жизнь... В котором, также, не было меня.

А я тоже хочу жить...

Но для этого я сначала должен умереть...

Слишком светло. Солнце бьёт прямо по глазам.

Медленно оторвавшись, с трудом, будто выдирая корни, я встал с кровати и, еле передвигая ногами, волоча их по полу, будто неподъёмные кандалы, подошёл к окну. Задёрнул шторы. Затем вернулся к кровати, мечтая только об одном: утонуть в ней.

Всё это заняло минут пять, не меньше — жизнь уходила из меня, покидая тело, забирая энергию и силы.

Прошлого скоро не будет.

Будущее всегда будет далеко.

Есть только настоящее, и я хочу в нем жить... Но для этого нужно действовать. Из последних сил надо протянуть руку барышне, сидящей на краю койки-могилы.

Той, что без лица...

Часть 4. Самый длинный день

Балкон.

Промозглая стылая ночь.

Луна мечется среди рваных туч.

А за окном — свет и тепло.

Как хорошо, что можно вернуться!

Наталья Иванова

...Наконец, мы подошли к нужному проёму, к моему миру.

Я спросил безликую: «Сюда?».

Она качнула головой: «Да».

И тогда, протянув руку и лишь слегка коснувшись ручки, я отворил дверь.

Увиденное заставило отступить на несколько шагов назад. Я ожидал чего угодно, но только не того, что предстало передо мной. Мне было безразлично, окажется мир за дверью полным света или тьмы. Для меня не играло никакой роли, где я проведу остаток Вечности — только лишь не в той точке, где я был.

Дверь вела в ту самую комнату, которую мы (я и моя смерть) совсем недавно покинули.

Я стоял и смотрел на кровать, на которой лежала блёклая тень — всё, что осталось от меня прежнего. Я смотрел на сумрак, заполонивший всё свободное пространство, понимая, что я стою перед входом в жизнь, от которой только что бежал.

Чувствуя, как начинается паника, я ничего не мог понять!

Глянул на безликую. «Наверное, я ужасно выгляжу, — почему-то подумал я, — глаза в немом ужасе, открытый рот, застрявший в глотке крик...»

— Что происходит?! — моя тревога достигает предела. — Почему?!

В ответ лишь молчание...

— Я не хочу!!! Слышишь?! — держусь я за кипящую голову.

— А ты слышишь? — раздаётся у меня внутри. — Можешь ли

ты слышать хоть что-нибудь, кроме собственного голоса? Вряд ли! Но я всё равно скажу...

— Что происходит? — шепчу я.

— Ты ещё не знаешь, где оказался, как, впрочем, и все... Никто не знает, где ты. Ведь тебя на самом деле не существует, тебя нет — ты потерял себя. Потерял, как теряют счастье в бесконечной череде серых будней. А кем становится человек, если у него нет даже себя?

— Пустотой... — неуверенно выдыхаю я слово.

— Но ведь даже у пустоты есть свое место, а у тебя нет... Тебя нет...

Я удивлённо смотрю на то место, где должно быть её лицо.

— Так что же мне делать?

— Найди себя! Отыщи свои следы и, не теряя из виду, следуй за ними.

— Где же мне искать? С чего начинать свои поиски? Подскажи мне!

— Загляни внутрь себя — только там сокрыт ответ. Смотри по сторонам, замечай оттенки собственных чувств, желаний и мыслей: они приведут тебя к ответу. Найди себя! Ты должен сделать это, иначе будешь бесконечно блуждать между двумя мирами. Пока ты ни жив, ни мёртв, тебя не сможет принять ни один из миров, ты везде будешь чужим. Найди следы...

— Я не понимаю...

— Прошрое, настоящее и будущее, жизнь и смерть, иллюзия и реальность слились воедино, смешались, став одним целым. Теперь ты должен распутать их, собирая по крупинкам себя, чтобы в конце пути ответить на вопрос.

— Какой вопрос? — я всё ещё пытаюсь хоть что-то понять.

— Ищи следы... Найди себя... Ответь на вопрос...

Последние слова раздались, будто издалека. Казалось, голос терял последние силы. Я понял, что погружаюсь в темноту.

Во мраке были размешаны холод и спокойствие...

Я верю в судьбу.

Теперь верю...

Точнее, даже не верю, а знаю, что она есть.

Он, рок, банален. И объяснение его тоже банально — есть предрешённый кем-то когда-то исход. Человек от него деться никуда не сможет, даже если и захочет. Есть силы, решающие, что, где и когда. Человек же, со своей стороны, может хоть на стену лезть, а на фатум повлиять у него не получится.

Проще говоря, рождённый быть повешенным не утонет.

Любые встречи, несчастья или удачи, смерть — всё записано в книге судеб, находящейся где-то в районе небес.

ВСЁ! Компромиссов быть не может.

Я во всё это, конечно же, верю. Но с одной оговоркой — судьбой управляют не боги, а прошлое. Прошлое и есть судьба. Всё будущее предопределено минувшим.

Если я захочу узнать, почему со мной случилось что-либо, развернусь на сто восемьдесят градусов, прищурю глаза и всмотрюсь. Там будет ответ.

Я верю в судьбу.

Но не сейчас... И не со мной. Она невластна в настоящем. Она хозяйка прошлого и тех, кто в нём живет. А я живу здесь и сейчас. По крайней мере, я теперь знаю, как это — жить сейчас. И начинаю превращать это знание в жизнь.

Но для начала нужно сделать одно ДЕЛО, на которое придётся потратить драгоценные минуты. Как же мне этого не хочется!

Хочется, как всем, чтобы всё и сразу. Только сел за фортепьяно — и мгновение спустя пальцы сами отправились в путь, с лёгкостью находя заветные клавиши и создавая изящные звуковые арабески.

СРАЗУ!!!

Без труда и затраченного времени. Без ошибок.

Но нет, на этот раз я не позволю остановить себя, никому и ничему. Даже страху, заставляющему пасовать перед любой, даже малейшей трудностью, преградившей дорогу. Не позволю!

Я должен ЭТО сделать! Я должен. Я хочу...

Моя цель — раствориться в настоящем, впервые научившись

жить в нём. А для этого нужно распутать клубок прошлого.

Хм-м... Интересный парадокс получается: хочешь жить сейчас — уничтожь прошлое.

Прошлое. Оно есть. Есть всегда. От него нельзя избавиться, но можно иметь в виду, учитывая. Оно не должно властвовать над человеком, а обязано быть всего лишь его частью. Частью, которую принимают с покорностью и благодарностью.

Вот что действительно нельзя изменить — это прошлое. Вот где на самом деле — жребий, фатум, беспощадный рок. Остаётся только смириться и принять.

«Но я-то здесь, я живу сейчас...» — вот правда, которую нужно принять!

Нужно? Смириться? Принять?

К чёрту! Нельзя изменить? Было нельзя. Теперь можно. Что-то сломалось в устройстве Вселенной, и я не ушёл, когда должен был. Теперь я не в этом мире и не в том.

Погрузить руки в плоть тумана, скрывающего меня и, схватив его, разорвать на части. Тем самым открыв обзор, чтобы можно было осмотреться.

Мой клубок длиной в 31 год вдруг остановился, прекращая отсчитывать секунды. 31 — столько я живу на свете, и ровно столько мне предстоит пройти, отматывая время назад, чтобы добраться до первого вздоха, став чистым листом.

Что находится за гранью жизни, я уже узнал. Осталось посмотреть в глаза началу начал. Посмотреть, ЧТО находится ТАМ, за отметкой номер ноль...

Справа, на тумбочке, как всегда, лежали пачка «Честерфилда лайт» и пепельница с пивным именем «Балтика».

Я легко нашёл силы сесть на край кровати, подвинуть поближе пепельницу и поджечь сигарету.

М-м-м...

Затяжка, как в первый раз. Хотя, если подумать, то это и была моя первая затяжка в жизни. Жизни заново.

Я по традиции закашлялся. Но это нисколько не омрачило

того наслаждения, что я получил от бледно-тлеющей сигареты с запахом жизни.

Как будто на самом деле впервые, я начал крутить красивую пачку в руках. Под самым названием тускло виднелись напоминки — «Минздрав предупреждает...», «...причиной раковых заболеваний!».

Зачем это мне? Чтобы я боялся? Или это такое проявление заботы?

Хренотень какая-то! Как может быть вредно то, что приносит столько удовольствия?

Как бы в отместку правильной и приторно-скучной надписи я смачно затянулся, затем медленно выпустил густой дым в просторы сумеречной комнаты. Дым красиво извивался, будто танцуя, принимал причудливые формы и исчезал в потолке.

Ещё одна затяжка.

Вредно то, что мы считаем таковым. По-моему, ещё ни один человек не умер от переизбытка чего-нибудь, что дарит истинную радость. Наркотики и бухло не в счёт — это всего лишь суррогаты реальной жизни. Они к радости никакого отношения не имеют.

Несомненно, сигареты тоже могут убить. Точнее будет сказано, не убить, а помочь человеку убивать себя. В этом случае курево будет лишь помощником в достижении цели, инструментом.

Помогает убивать всё, что перестает приносить удовольствие, а становится лишь данью традиции, обязанностью, которую не можешь не выполнить.

Ещё... С наслаждением...

Ху-у-у... И дым опять лениво перебирается к потолку. Там ему, видимо, интереснее.

Помню, как-то спросил у Фатимы:

— Слушай, Фатим, — говорю я ей, — Ты же врач, в реанимации работаешь, много людей у тебя на руках умирает, а ты своей жизнью совсем не дорожишь: по две пачки в день выкуриваешь.

— Знаешь, — ухмыльнулась она той противной улыбкой, какая получается только у неё, — Именно потому, что я повидала

столько смертей, не боюсь этой гадости.

И покосилась на пачку, лежавшую неподалёку.

— Когда привозят стариков стародавних лет, всю жизнь дымивших, как неисправные паровозы, и пьющих, что под руку попадёт... Привозят из-за того, что по оплошности топором себе по ноге заехали, а вслед за ними — сопляков двадцатилетних, сигарет и водку на дух не переносящих, с раком лёгких или желудка. Где здесь истина? И при чём здесь сигареты? И, тем более, при чём здесь грёбаная медицина? Из-за этого я часто себя спрашиваю: «А что я, чёрт возьми, здесь вообще делаю?». Может, ответишь на них, раз такой умный?

Тогда я был умный, поэтому не придумал, что ответить. Пришлось молчать.

— По-моему, — после минуты задумчивости продолжила она, — единственный вред от сигарет — это когда дым попадает в глаза. Да и это совсем уж вредом назвать сложно. Дым попал, глаза начинает щипать, они слезятся, и чувствуется своеобразная боль. А боль, в свою очередь, помогает понять, что ты — живой.

Последний раз затянувшись, я потёр слезящийся глаз и остаток сигареты затушил в пепельнице. Тушил долго, с увлечением и удовольствием не меньшим, чем курил.

Чад рассеивался, пропадая где-то в районе потолка. Вместе с ним, казалось, уходит и тупая тяжесть из головы. Гнёт имел своё, вполне конкретное, предназначение — он охранял от ощущения жизни, от чувства, что есть время и оно идёт вперед, что есть дела и обязанности, которые я должен выполнять, а ещё есть люди помимо меня.

Секунды снова двинулись послушным осликом по кругу. Стрелкострелка прытко бегущей стрелки постепенно становилось слышно сначала, будто из соседней комнаты, а затем всё четче, словно приближалось.

«Тик-тик-тик-тик-тик...» — короткими шажочками семенила стрелка.

Я посмотрел на часы, висевшие на стенке, прямо над кроватью. Большой круглый хронометр с Гомером Симпсоном посре-

дине. Когда-то мне их подарил лучший и единственный друг как напоминание — не стань таким, как Гомер. Потому что у меня все задатки для этого были.

Большая стрелка замерла на трёх, маленькая — на девяти. Пятнадцать минут десятого.

Понедельник.

Оказывается, моя смерть похитила всего лишь около двух часов. Так много и так мало...

Я встал, разыскивая глазами рубашку. Нужно одеваться и идти на работу, на которую давно уже опоздал.

Знаю, что там надо кое-что завершить...

Хочу ли я идти на работу? Хочу ли выходить наружу? Хочу ли появляться на людях?

Ответ — да.

Но не для того, чтобы, как раньше, вставать каждое утро, включая уикенды, проклиная всё, на чём свет стоит, и тащиться в ненавистную психушку. Выходя на улицу, смешиваться с безлико-серой толпой таких же живых трупов, как и я. Не для того, чтобы смотреть на грустные от безысходности лица работяг и самому быть таким же, потому что с удовольствием и улыбкой ехать на любимую работу нельзя.

Работу вообще любить нельзя. Работа — каторга! И это закон. Нельзя работать, можно поскорей отрабатывать и спастись бегом в свое убогое, унылое жилище до следующего утра.

Нет. Не для этого.

Я всего лишь хочу посмотреть, что же изменилось во мне, как я теперь воспринимаю всё, что создаю и разрушаю... Только выйдя во внешний мир, я могу в полной мере оценить всю разницу меня «до» и «после». Мне нужно идти, иначе как я смогу найти свой след?..

Через пятнадцать минут я готов.

Одел не то, что положено (строгий костюм), а то, что удобно и нравится — джинсы-классик, синюю хлопчатобумажную майку с надписью «Tommy SPORT» и летние светло-коричневые туфли.

Глядя в зеркало, поймал себя на мысли, что первый раз в жизни одеваюсь для себя. Остался доволен.

Захватив деньги, телефон и книжку, с шестого этажа — по ступенькам. Не потому, конечно, что лифт не работает, а, просто захотелось ощутить своё тело, почувствовать, что у меня есть ноги и я умею ходить. Ощущение быстро бьющегося сердца — тоже здорово. У меня бьётся сердце.

*В августе ночью
Что так нежно коснулось моего лица?
Крыло мотылька или
Опадающий лист?
Дыхание осени...*
Наталья Иванова

Уже давно я кое-что заметил. Кое-что про жизнь.

Эта мысль или, скорее, даже подозрение, была где-то глубоко внутри — ощущения всегда возникают раньше, чем человек их осознает.

Я гонялся за каким-то важным чувством, про которое совершенно ничего не знал, кроме того, что оно важное. Пытался схватить, чтобы успеть осознать, но мне всегда это не удавалось.

И вот теперь, я, стоя на улице, напротив моего подъезда, вдыхаю корпускулы ветра, глаза устремлены в беззаботно голубое небо, по которому лениво перебираются пузатые духи воды. Стою и ощущаю то, зачем так долго бегал.

Всё важное в жизни происходит неожиданно и за очень короткий срок. Как моя смерть, например. Или как осень в этом году, давшая мне кое-что понять про жизнь.

Странное дело: ещё вчера я жил и кругом было лето. Сейчас же повсюду царит осень. Как пахнет воздух, как греет солнце, как говорят листья, как ходят люди — осень живёт во всём.

Так, вместе со мной, умерло лето, не дожив до положенного срока всего несколько дней.

В жизни всегда происходит именно так — мы живём-живём, а потом... ОП! — и что-то изменилось, навсегда и вернуть это ЧТО-ТО нет никакой возможности. Всё произошло за день или неделю — быстро.

После этого учиться жить приходится заново, а это сложно.

Не знаю, хорошо это или плохо. Скорей всего, это просто есть. И некуда деваться, остаётся только приспособливаться.

Почему-то для меня осень всегда была особенным сезоном. Наверное, потому, что именно в эту пору со мной происходили такие вот метаморфозы, помогающие жизни стать с ног на голову. А, может, из-за температуры, когда и не холодно, и не жарко, а «самое то». Такие условия оптимальны для слияния с окружающим миром.

Вот тогда на меня и находит...

Просто когда у человека «самое то», ему всегда хочется что-нибудь поменять, изменить или в себе, или в окружении, а ещё лучше — везде.

А другие поры года...

А что другие?

Просто зима, просто весна и просто лето.

Зимой мне всегда хочется весны и побыстрей. Зима же, в свою очередь, то ли из принципа, то ли из вредности решительно не хочет уходить.

Она обычно медленная и заставляющая спешить. Медленная, когда находишься в помещении и смотришь в окно и ты тоже — медленный... А там зима, и, как всегда, медлит заканчиваться. От этого обычно становится грустно. Зато, когда, на свою беду, зачем-то выполз на улицу, она, как и положено, остаётся медленной, а ты, наоборот, быстрым и спешащим. Спешащим, но ненадолго — до следующего помещения. Когда в него залетаешь пулей, сначала кажется, что зима всё-таки ушла. Но это только кажется. К сожалению, совсем ненадолго. Затем, спустя пару минут, повинувшись настрою зимы, снова становишься медленным. И так до следующего выхода на холод. И всё по кругу.

Поэтому зима для меня ничего не значит. Зима — всего лишь

довесенные циклы медлительности и спешки.

С весной проще да и поприятнее будет. Весна для меня — неискоренимо и невероятно приятная привычка ждать и готовиться к лету. Весной ничего не остается делать, кроме как ждать, готовиться, наблюдать, как до этого полудохлая природа начинает воровать у солнца жизнь и, заодно, то же самое похищать у весны. В ожидании и грабеже время проходит быстро и абсолютно бесполезно.

Лето...

Лето — это отдых и релакс. И абсолютно естественно, что ничего толкового в таком состоянии произойти не может. Пиво, девочки, катамараны — все серьёзное оставим на потом...

Три сезона в ожидании одного.

Может, я просто ещё не определил, зачем они мне нужны? Про осень всё понял, а про весну, зиму и лето — нет.

Осень — мой личный парадокс: кругом всё никнет, а у меня только жизнь закипает. Произошло что-нибудь, поменялось и... Пошёл жить, проверять полезность модификаций в себе.

И так каждый год: настанет пора «самого того» и осень забирает меня себе.

Чего-то определённо не хватает, чтобы осень сейчас и меня заполонила целиком. Я, видимо, этот момент пропустил, потому что, окруженный аурой лета, никак не решаюсь войти в раскинутый передо мной осенний шатёр.

Я достал из тугого кармана джинсов плеер. Еще движение — и осень начинает густой музыкой проникать внутрь. Я стоял в не принадлежащей мне вселенной, упиваясь заполняющей душу грустью — созданием Tiesto, его лёгким Nayan.

Теперь я тоже часть осени.

Можно ли идти по жизни с закрытыми глазами? Можно, но вероятность того, что ты, споткнувшись, упадёшь и расквасишь нос, сильно возрастает. Так почему большинство людей, которых я знал «до» и знаю сейчас, именно так и поступают? Гребут про-

тив течения реки жизни или, наоборот, повинуюсь суровым волнам отдаются их воле? Причем неважно, «против» или «по» течению плывут, главное, что ПРОСТО плывут — из ниоткуда и в никуда. И чтобы вода не попадала в глаза, обычно закрывают их. А на самом деле, они это делают не для сохранности своих природных видеоприборов. Просто с задраенными окулярами можно плыть, ни о чем не думая, и, тем более, не задавать этих глупых вопросов «откуда», «куда» и, вообще, «зачем».

Может, и мне так попробовать? А вдруг получится?

И получилось...

Сомкнул веки сразу, как почувствовал, что уже готов. Затем открыл, оказавшись у входа в моё отделение. Оказалось, что всё очень просто: ты здесь — закрыл — открыл — ты там. Очень просто. Может, так стоит поступать всегда? Может, именно поэтому все так и делают?

Передо мной были двери, а я был пред ними. Каждый пытался разглядеть сущность другого. Я — их, а они — меня.

Интересно, сколько же раз, тысяч раз, я открывал и закрывал их, а они — впускали и выпускали, не являясь серьёзной преградой? И сейчас, в первый раз за все эти годы общения с ними, я остановился и посмотрел на них по-настоящему. Я стоял и смотрел на «голые» двери 15 отделения местной психбольницы.

Они явно с удовольствием играли свою роль. Они наслаждались и берегли собственное предназначение, и, скорее всего, чувствовали себя особенными. Хотя так оно и было: они и впрямь были особенными, входящими в элитный дверной клан, девиз которого: «Не выпускать!». Если обычные двери создаются не впускать, то эти — наоборот.

В эту дверную элиту включены тюремные, пыточные и психбольничные двери, такая разновидность порталов-садистов. Входить можно, а выходить — НЕТ. И это закон!

Я опустил руку, похлопал себя по карманам в поиске ключа. Его нигде не было и не должно было быть: ведь я оставил его дома специально. Просто ещё раз хотел насладиться тем, что ненавистный ключ от ЭТИХ дверей не со мной. Что я сознательно не

взял его!

Почему я ненавижу этот холодный кусок металла, столько лет оттягивавший карман моего больничного халата и служивший единственным провожатым в любую комнату или кабинет? Почему мне всегда хотелось вышвырнуть его куда-нибудь, где его никто бы не нашел? Почему?

Да потому, что я помню эти лица-морды и глаза-молитвы.

Как только я сюда устроился, мне выдали этот блестящий, пахнущий мазутом и холодом, кусок железа «г-образной» формы, всеми именуемый «ключ», хотя на ключ, в обычном понимании, он был менее всего похож. Я сразу почувствовал СИЛУ, которая за ним крылась. Сотрудники отделения будто и не замечали меня, пока я в течение нескольких недель ходил сюда на «смотрины». Пока мне не выдали ЕГО. Помню, вручали даже с какой-то торжественностью, будто это царский скипетр — символ власти. «Вверяла» инструмент санитарка, странно ухмыляясь, будто говоря, мол «теперь и ты станешь обладателем секрета». Так оно и случилось.

Как только я появился на вновь обретенной работе с ключом, из чужого я мгновенно превратился в своего, знающего секрет носителя отмычки.

Для детей-пациентов он был символом высших сфер. Казалось, что ребятня воспринимала ключ как артефакт, наделявший имеющих его врачей и санитарок сверхчеловеческой силой и могуществом, возможностью быть свободным, то есть правом повелевать дверями.

Могущество? В принципе, так и есть. Ведь часто за непослушание маленькие страдальцы одачивались слабыми, но невероятно болючими ударами ключом. И, если малыш провинился в чём-нибудь, остановившись и постигнув, ЧТО говорят его глаза, можно было прочесть в них просьбу и мольбу: «Только не ключ!» В этом состояла ЕГО сила.

Сегодня этот жезл власти я оставил дома. И знаю, что больше им не воспользуюсь никогда.

Никогда!

В момент зачатия, слияния сперматозоида с яйцеклеткой, появляется новая книга. Книга без названия, содержания и состоящая из белоснежно-пустых страниц. Она абсолютно чиста.

С каждым новым днём, даже в утробе матери на её страницах появляются буквы, слагающиеся в слова, а слова в — предложения.

Каждая буква, записанная на страницах этой книги, сама по себе — ничто. Но эти же знаки, соединяясь в нечто целостное, обретают смысл.

Все записи этого фолианта несут наиважнейшие сверхсмыслы, приобретённые за время его существования. Эти значения — чувства, знания, умения — одним словом, весь полученный опыт.

Такая книга обязательно имеет свой уникальный сюжет и логику создания: всё написанное вначале непременно отзовется дальше. Прямо, как то злосчастное ружье, бесхозно висящее на стене, но по законам жанра обязанное выстрелить в конце пьесы. Имея определённую структуру развития сюжета, всё последующее является следствием написанного ранее. И каков будет жанр (мелодрама, триллер или комедия) — полностью зависит от её первых страниц.

Это можно назвать книгой жизни. Ведь на её страницах запечатлевается всё: что такое любовь и как надо ПРАВИЛЬНО бо-
яться; что хорошо, а что плохо; где начало и конец...

Абсолютно всё!

Сначала мы смотрим на своих родителей, как они любят, ненавидят, страдают, радуются, какие роли играют и учимся делать *то же самое*. Затем учителями жизни становятся окружающие нас другие люди. Мы, как проститутки или пылесосы, привыкаем впитывать чужое, не умея разграничивать: принять или отвергнуть, нужное или ненужное нам. Таким образом, мы превращаемся во вместилище тысяч чужих судеб.

Я ничем не отличаюсь от окружающих (разве чуть выше многих) и точно так же состою из чужих жизней, не зная, где моя собственная.

Вернее, не знал.

А теперь — знаю. Пытаюсь знать. Учусь различать, где же, собственно, моё «Я»? Чего хочу, а чего нет? Теперь могу тщательно пожевать то, что мне предлагают другие, ощутить, моё это или нет, а затем выбрать — проглотить или выплюнуть.

Но это сейчас...

Когда же я только начинал работать с вечно гомонящей оравой детей (обычно их в отделении лежало около пятидесяти), я их — любил. Потому что был ДОЛЖЕН.

Ведь как можно их не любить? Это же дети!

Поэтому и любил. Должен...

Когда приходилось сражаться за тишину и внимание с ребятнёй (наученной какать на всех, кроме себя) возникала злость. Я убегал в тишину и там, испытывая вину за свои чувства, пытался разобраться в себе. Там, в холоде моего кабинета, я убеждал себя в бесчеловечности зла и в собственной психологической беспомощности. Убеждал себя, что дети о'кей, это я ненормальный, что не могу с ними справиться. Вдох-выдох... И снова к ним, в этот маленький ад.

Но это тогда...

А сейчас я доверяю своим эмоциям. Они говорят правду, и я им доверяю.

«Тихо! Слышишь голос внутри? Что он тебе говорит? А? Неужели это правда? Ай-ай-ай! Как тебе не стыдно! Неужели тебе, в самом деле, не по душе эта бесящаяся, превращающая всё отделение в хаотический водоворот пятидесятиголовная армия? Как же так? Ай-ай! Что? Что ещё говорят чувства? Да-а-а??? Оказывается, ты не любишь, когда твои труды уходят в никуда? Не нравится, когда парнишки и девчонки, не умеющие и не знающие, что же такое — быть счастливыми, после кропотливой работы над собственной душой возвращаются домой и там их заставляют стереть добела всё, что ты вложил в их сердца? Неужто не по нутру? Станный ты! Всем хорошо, а тебе плохо! Ах, ты ещё и хочешь получать удовольствие не только от процесса работы, но и от результатов! Ну и наглец! Иш-ш, чего захотел! Видите ли, ему не нравится сизифов труд! А ну-ка, быстро, чувствуй вину! Ведь

это же не в их семьях, отказываясь что-либо менять к чертям собачьим, в пух и прах разбивают весь ваш — твой и детей — труд, все достижения! Ведь это ты во всем виноват! Ведь это у тебя, господин дерьмовый психотерапевт, недостаточно опыта и компетентности! Ах, ты так?! Ах, ты не хочешь чувствовать за собой вину? Ну, погоди!!!»

Как хорошо всё осознавать, не обманывая себя! Разрешать себе не любить! Как здорово разграничивать ТВОЮ вину и вину другого! И принимать всё это, вместе с тем принимая и себя.

Передо мной были двери, а я был перед ними. Они до сих пор с удовольствием выполняли отведённую им роль.

Даже не притронувшись к ненавистным церберам, я узнал всё, что хотел. Начал понимать, что же во мне изменилось. Правда, только начал. Но это УЖЕ много.

Главное — я смог ухватить конец нити и начал распутывать охватывающий с головы до пят клубок. Это стоит того — на другом конце нити буду Я.

Я настоящий...

Я вышел с территории больницы и напрямик направился на остановку. До прихода автобуса оставалось чуть меньше десяти минут.

Сев на скамейку, я первым делом достал пачку сигарет, извлёк одну, закурил и только потом взялся приводить свои мысли в порядок. Вообще, разбор полётов в последнее время становится привычным делом. По-моему, это хорошо — не спускаю полученный опыт в унитаз. Назову это «временем для размышлений».

Итак, сегодня понедельник. Понедельник по календарю, двадцать седьмое августа. Вчера был выходной, но не у меня. Я его пропустил, так как скитался по тому свету. На работе я больше не появляюсь. Осталось определиться: «Чего же я хочу?»

Да просто отдохнуть. Хорошо, это понятно. Что для этого нужно?

Я достал из кармана мобильник и отключил его. Честно говоря, удивительно, как это мне до сих пор никто не позвонил. В обычный день в это же время мой сотовый уже бы давно трещал каждые две минуты. А если вспомнить, что я и на работу чёрт знает насколько опоздал... Старшая медсестра давно бы достала звонками. Странно, что никто не ищет меня. Ну вот, теперь телефон отключен и я уж наверняка, *по-настоящему*, могу остаться один.

Ещё через пару минут подъехал автобус, как всегда в это время, почти пустой.

Рассчитавшись с кондуктором, я нашёл свободное место у окна и сел. Удобно устроившись, даже не задумываясь, подчинился недавно приобретённому рефлексу — рука сама, помимо моей воли потянулась за плеером. На экране современной музыкальной шкатулки отражалось всего пару моих любимых песен из нескольких сотен заложенных в её память...

Я люблю читать книги про хороших людей. И фильмы про них смотреть тоже люблю. Да и вообще, я хороших людей люблю. Я всегда в восторге, когда на жизненном пути попадается добрый человек.

А ещё я очень радуюсь, если думаю, что тот хороший человек, которому радуюсь при встрече я, так же радуется встрече со мной. Немножко запутано, но ничего... Главное — я осознаю свои мысли. Иначе как вообще ещё кому-нибудь смогу хоть что-нибудь донести, если сам не буду понимать себя?

Мысли куда-то уходят не туда.

Короче, я хочу сказать, что если хороший человек мне радуется, то и я, наверняка, тоже могу оказаться очень даже неплохим человеком.

А для меня это важно...

Я определённо хотел бы быть хорошим человеком. Просто хорошим!

Не для кого-то конкретно и уж, тем более, не для всех в об-

щем. Для себя...

Ведь так приятно жить, осознавая что ты — хороший, то есть совсем неплохой. Тогда и жизнь хороша!

А как это проверишь, хороший ты или нет?

Как только я задал себе этот вопрос, спросил у самого себя, то сразу в голове возникла картина.

Значит, сидит мужчина в кресле. Скорее всего он — мой внук. «Усатый» такой, лет под сорок.

Ага, тогда я уже, наверняка, блещу безукоризненно белыми косточками глубоко под землей. Ну, это не важно. Сейчас о другом...

Сидит мужчина в кресле за здоровенным рабочим столом и что-то, бубня себе в усы, набирает на ноутбуке.

Короткий стук, открывается дверь, и в комнату заходит тинэйджер.

— Пап, — зовет пацан, после чего мужчина отрывает взгляд от монитора и переводит его на парня. Видно, что он с трудом отрывается от своего дела.

— Да, сынок, — усы мужчины разъезжаются гармошкой в улыбке.

— Нам тут... — немного замаявшись, произносит парень, — Нам тут по биологии задание дали. Твоя помощь нужна.

Мужчина жестом показывает на стоящий рядом стул. Парень широкой походкой в несколько шагов оказывается возле него и садится.

— Мы щас в школе гене-ало-гию, — медленно проговаривая слова, произносит парень, — Нужно составить ге-неало-ги-ческое дерево с описанием характеров предков. Задание, по-моему, дурацкое, но выполнить надо. Всех кого знаю, уже описал.

— Интересно, что ты там про меня накалякал? — усато улыбается мужик, — Ты уж там приукрась меня немножко. Так кто тебе сейчас нужен?

— Я до прадедушек и прабабушек дошёл. Мама мне про её ветвь уже рассказала, а со своими, говорит, ты сам с удовольствием справишься. Ну, так давай с прадеда начнём.

Мужчина на минуту задумался.

— Он... — поглаживая усы и уставившись невидящим взглядом поверх макушки сына, начал мужчина, — Его звали «дэда». Так к нему все всегда и обращались. Естественно, кроме моих родителей. А так «дэда» и «дэда».

— Угу, — кивнул парень, мол «всё понятно».

— А ещё... Дэда был хороший.

Парень оторвался от бумажки, в которой периодически делал какие-то пометки, и вопросительно взглянул на отца.

— В смысле «хороший»?

— Просто хороший человек. Мне кажется, этого достаточно, чтобы в полной мере показать, как его видел я. А если хочешь знать больше, КАКОЙ он был человек, вот... — рука мужчины, выдвинув ящик в столе, залезла в него, чуть порыскав и пошебуршав внутри, извлекла на свет небольшой целлофановый пакетик.

— Что это? — с явным любопытством юнец принял пакет из рук отца.

Внутри лежал маленький белый, явно сделанный из пластика и стекла, предмет. Из него тянулась пара наушников-таблеток на коротких чёрных проводках.

— Раритет! — с наигранной гордостью воскликнул мужчина и выпрямил (для пущего эффекта), направив в потолок, указательный палец, — Это плеер твоего прадеда. Он его ещё в молодости купил и через всю жизнь с ним прошёл. Удивительно, как эта штука до сих пор работает. Я его даже иногда слушаю.

Пластиковая музыкальная коробочка явно произвела на юнца впечатление. Он вертел её в руках, заморожено вперив взгляд.

— Классно! — восхитился парень, — Я такие только в музее видел.

— Ещё бы! — было видно, что мужчина доволен произведённым на сына впечатлением, — Думаю, ты разберёшься, как этот «динозавр» работает, коль с легкостью справляешься со своим био-компом.

Парень неуверенно кивнул.

И ВСЁ!

Он уйдёт, уляжется у себя в комнате на любимую кровать,

включит музыку, отправит наушники когда-то моего плеера по месту назначения и будет слушать все песни подряд. Слушать, затаив дыхание, боясь потревожить собственные впечатления и ощущения.

А потом, спустя несколько часов, а, может, и дней, вернётся к отцу отдавать «память о дедушке» с глубоко укоренившейся уверенностью в том, что прадеда был хорошим человеком. Ведь такую музыку, в такой разнообразии сочетаний, мог слушать только интересный, добрый, веселый и... хороший человек.

Может, пацан и не «понял» большинства песен: ведь у него совсем иная культура. Но то, КАКАЯ звучит музыка, КАКИЕ чувства она вызывает и САМО СОЧЕТАНИЕ мелодий может сказать только то, что человек, поместивший все эти песни это в крохотный ларчик (чтобы они стали саундтреками его жизни), мог быть только хорошим.

Вот и получается, что, как ДНК в неповторимом сочетании, собрание МОИХ любимых песен смогут передать сквозь годы весть о том, что я ХОРОШИЙ.

На экране музыкальной шкатулки отражалось всего пару моих любимых мелодий из нескольких сотен заложенных в его память, а, вместе с ними, — и моих настроений. Я давно заметил, что, подбирая песню, всегда ищу в ней те чувства, которые сейчас испытываю. Сиротливо сидя наедине с горем, я никогда не поставлю Продиджи или какую другую ересь, заставляющую тело танцевать. Если мне плохо, я, скорее всего, выберу Моби или «Ткани» Дельфина. В общем, что-нибудь, что сможет погрузить на самое дно беды, усилив её до полного растворения в ней. И, наоборот, когда меня пронизывает благодать и спокойствие, я, наверное, поставлю «Поинт оф ноу реторн» дядюшки Френка Синатры или ещё что-либо в таком же жизнеутверждающем духе. Если мелодия выбрана правильно, то она как бы помогает высвободить твоё нутро, усиливая переживаемые чувства. Веселиться — так до упаду! Грустить — так до точки! Что-то вроде этого...

Я выбрал Моджо и его вечную «Леди». Беспредельную для

меня, как дорога, которую она символизирует. Сразу, только лишь начинает звучать этот мотив, мне хочется сесть в авто и ехать, куда глаза глядят, взяв багажом только себя.

Я не буду осуждать окружающих за банальность, потому что она меня самого пропитывает с ног до головы. Особенно юмор и мечты. Юмор у меня, как говорит отец, «жопно-сортирный». А мне нравится, хоть и над банальным «пуком вовремя» я буду долго и безудержно смеяться.

Я не буду осуждать окружающих за банальность, потому что она меня самого пропитывает с ног до головы. Например, мои мечты тоже избитые. Ну, там, как и у всех — деньги, семья большая, любовь сладкая... Но есть в запасе, наверное, самая банальная, какую лелеяло уже не одно поколение банальных людей. Эта мечта — поймать момент...

Поймать момент... Это когда едешь ты в машине, обязательно в своей, обязательно в любимой и обязательно за рулём. В салоне темно: свет выключен. Только красными огоньками горит приборная панель. Уже глубокая ночь. А спать вовсе не хочется. В воздухе тихо растекаются уверенное спокойствие, запах летней ночи и гитара Норы Джонс из динамиков. Справа сладко посапывает любимая, позади развалился лучший, да и, в принципе, единственный, друг. Шум колёс, борющихся с дорожными ухабами, вежливо провожает остатки дневного напряжения.

Сейчас ты едешь, прихватив с собой самое ценное, сопящее рядом, осваивать новые земли и впечатления. В кармане — деньги и беспечность.

Ты едешь, управляя жизнью, как автомобилем. Или, наоборот, автомобилем — как жизнью. Неважно! Главное — едешь, слившись с жизнью-автомобилем, временем-дорогой и сопящим счастьем, в единое целое и... Кайфуешь, что живёшь!

Что вот так вот живёшь...

Когда-нибудь я так и сделаю. Но пока нет машины, нет прав и нет лёгкости.

Всё будет позже. Просто немножко нужно подождать. Пока же

я здесь, подхожу к концу моего пути... К началу новой жизни...

Я живу в большом городе. Точнее, не в большом, а в «самом том». Ещё говорят «то, что надо», но это почти тоже, что и «самое то». То есть, выражение такое существует — «самое то». По идее, фраза должна означать, мол, «достигнут оптимальный вариант», а может и не достигал его никто, он с самого начала оптимальным был. Чего не коснись, у всего в жизни есть оптимальная доза, ну или «самое то» — будь то выпивка, секс, работа или отдых, злость и дружба и так далее... Доза «в самый раз» — не много и не мало — везде есть.

Главное что? Что я этим хотел сказать? Точно! Я этим сказать хотел, что живу в городе не сильно маленьком и, в тоже время, не чересчур большим для меня. Одним словом, «в самый раз». Население — около миллиона, когда больше, когда меньше. Большой для городишек, маленький для столицы. Живу в моём городе...

Если честно, не совсем моём: я здесь только десять лет. Родом, естественно, тоже не отсюда. Но, в тоже время, город мой! Потому что я его люблю. Но сейчас не об этом...

Живу в моём городе, зная, что он мой и принимая его всей душой. Живу...

Но иногда, по неизвестным и уж точно неподвластным моему разуму причинам, мне хочется сесть в автобус-машину-поезд и поехать в какой-нибудь захолустный «Жопадрищев» с населением не более десяти тысяч почти живых душ. Поехать, чтобы, наконец, ощутить одиночество. Я там никого не знаю, меня — никто. Только так можно его почувствовать — НАСТОЯЩЕЕ ОДИНОЧЕСТВО! С маленьким добавлением безысходности.

Не то лицемерное чувство жертвенного отшельничества, когда, находясь в родном, пусть даже и нелюбимом городе, сетуешь на пустоту внутри. Притворяясь, что рядом нет телефона, на котором в любой момент можно набрать хорошо известный номер и выкупить себе лекарство от скуки и пустоты в лице знакомого голоса.

Иногда так хочется по-настоящему ПОБЫТЬ ОДНОМУ! Когда на выручку никто не сможет прийти и придётся столкнуться с собой лицом к лицу.

Можно, конечно... Иногда получается... В самом центре толпы или в забитом до отказа транспорте почувствовать себя реально одиноким. Можно и так, зная, что, чуть что — никто не придёт, а все будут обходить стороной как можно дальше, боясь столкнуться с чужим несчастьем, наклепать на себя своё одиночество. Можно...

Но, всё равно, лучше уехать в гости к одиночеству, подальше. Устроиться там, за тридевять земель, на совершенно незнакомую работу, выбрать неизведанную профессию. Я бы выбрал такси-ста. Давно хотел попробовать. Или проводником.

А почему бы и нет, в самом деле? Ведь меня здесь ничего не держит. Что мешает? Страх перемен? Опасность неведомого?

Это не про меня! Я теперь не боюсь рисковать. У меня, как и у мира, на который я смотрю новыми глазами, нет границ.

Лондон? Нью-Йорк? Токио? Москва?

Или ещё лучше... Челси? Нью-Джерси? Саппоро? Ростов?

Есть границы, но нет ограничений. Я хочу испытать, ощутить по полной этот удивительный, впервые снявший маску, мир! Понять его, не боясь удивляться...

Да будет так!

Уж если я творю собственную жизнь, то какие преграды мне не по плечу? Да будет...

Моя остановка.

Выйдя у центрального парка, я сразу подошёл к придорожным ларькам. Взял пива и плитку горького шоколада. Ещё — про запас пачку «Честерфилда», хотя у меня и оставалось больше половины. Расплатившись, пошёл искать свободную лавку под зеленью парковых деревьев, желательно — с видом на реку.

Подходящее место нашлось только минут через пятнадцать быстрой ходьбы вдоль реки, — несмотря на будний день и дообеденное время, большинство скамеек было занято. Точно! Ведь до

начала учебного года ещё целая неделя. Присмотревшись, на самом деле заметил, что сиденья оккупированы, в основном, молодёжью: компаниями, парочками и одиночками. Все они следовали моему примеру, и у большинства из них в банках или бутылках плескалось пиво.

Распластавшись на широкой деревянной лавке, я стал смотреть то на небо, то на реку. Небосвод отдавал бледной голубизной, как и всегда на стыке лета и осени. Река же, наоборот, могла похвастаться насыщенным серым оттенком, периодически разбавлявшимся солнечными бликами. Так и не поняв, где красивее, решил выбрать третий, нейтральный, вариант (чтоб никому не было обидно) и остановил взгляд на влюбленной парочке напротив, усердно пытавшейся съесть друг друга. У них это никак не получалось: видимо, размер проглатываемого товарища совсем не соответствовал реальным возможностям собственного тела.

Прошло достаточно много времени, прежде чем влюблённые решили покончить с людоедством, а я вспомнил, что у меня есть пиво и шоколад. Парочка ушла, я же, открыв ключом бутылку и распаковав шоколад, начал с аппетитом их поглощать, поочередно то запивая пивом шоколад, то заедая шоколадом пиво. Мне часто говорили, что смешивать подобные продукты — чистое извращение, но я ничего не мог (да, честно говоря, и не хотел) с собой поделаться. Обожаю шоколад с пивом. А если б ещё в пиво добавить дольку лимона! М-м-м... Аж слюнки потекли.

Немного насытившись, я начал ковыряться в пакете, отыскивая «Норвежский лес» Мураками. Нашёл. Закурив, отыскал нужную мне страницу и стал читать.

Оказалось, что времени прошло изрядно с тех пор, как я одну за одной начал поглощать страницы. В процессе чтения куда-то без следа ушли и пиво, и шоколадка. Нужно было хоть куда-нибудь двигаться. Во-первых, я уже начитался, да и тень от дерева, всё это время милосердно прикрывавшая от горячего солнца, решила предать и переехала на соседнюю лавку. Во-вторых, тело настойчиво требовало похода в туалет и у меня не было причин

ему противиться. Быстро собравшись, выкинув мусор и положив фолиант в пакет, я отправился в путь.

Плеер, на свой вкус выбирая песни, безошибочно остановился на Ferry Corstene, который в такт моему внутреннему настрою переливался электронными голосами, беспрерывно напоминал: «Soul, I'm soul...».

Почему, когда в голове доминирует техно, восприятие погружается в глубокие воды, и там, на дне, облекаясь в целлофан, выдаёт совершенно абстрактные картины мира? Например, сейчас мои органы чувств работают, полностью отвергая и переворачивая традиционные законы физиологии и психики. Будто время сходит с ума — то ускоряясь, то замедляя свой ход. В таком состоянии невозможно определить, в каком отрезке времени и координат ты сейчас находишься. Будто во вселенной что-то сломалось и волей случая, а, может, наоборот, по плану и с какой-то, ведомой только богам, целью меня поставили в центр мира, заставив наблюдать, как всё и вся движется по своей обычной временно-координатной траектории. Всё, кроме меня. А я как бы не у дел — замерев на месте, смотрю, как универсум тонет и переворачивается в реке Хронос, потоке времени. Будто под коноплём — дым иллюзий, проникший в центр управления моим телом, играя, всё изменит, как ему заблагорассудится.

Я выключил музыку — иначе долго так не протянешь: мир может погрузиться в хаос потерянности. А мне этого сейчас никак не хочется — себя бы собрать.

Первым делом я нашёл относительно пустынный двор. Чуть порыскав глазами, наткнулся на укромное местечко за гаражом, где нетерпеливо отлил. Дальше мой путь пролегал через магазин, чтобы заправиться следующей порцией пива и шоколада. Зайдя в первый попавшийся, купил, что нужно и, немножко поборовшись с вечным попрошайкой — желудком, поддался его позывам, купив сверх задуманного пачку чипсов и банку оливок — ещё одна моя слабость. Гулять — так гулять!

В парк решил больше не идти: захотелось побыть в толпе. Не-

долго думая, отправился в ближайший кинотеатр, благо тот был неподалёку.

Ещё через десять минут у меня на руках были билеты на два сеанса подряд, с разбежкой в полчаса. Фильм на обоих сеансах показывали один и тот же — какой-то очередной шедевр по Стивену Кингу. Рекламный плакат обещал феноменальные спецэффекты, хотя, в большей степени, *что* смотреть, мне было все равно. Главное — хотелось снова ощутить себя среди людей.

Достигнув законного кресла в кинозале и усевшись, я неосознанно начал ерзать по нему задом, пытаюсь устроиться удобнее. Будто кресло — перина, и от этих глупых движений станет мягче. Наконец, найдя оптимальное положение, успокоился и, не дожидаясь, пока в зале выключат свет, открыл одну из банок. Ещё одна увязла в недрах пакета. До начала оставалось минут семь (если верить часам), надо было покурить, вполне ещё мог успеть. Когда до показа оставалось чуть менее двух минут, я вдруг понял, что надежда ощутить себя частью города была напрасной. В зале, помимо меня, сидело всего шесть граждан. Такое количество людей, бессмысленно рассредоточенных по большому залу, называть толпой было бы нечестно. А чего ещё можно ожидать от полудня в начале недели?

Оставалось только смотреть фильм, попивая любимый напиток и заедая его любимым лакомством — оливками, что я с удовольствием и начал делать сразу, как зажёгся большой экран.

Хватило меня минут на двадцать, несмотря на обилие яркой графики, страшных монстров и шумных колонок, расставленных по всему периметру зала. Не добив вторую банку, я отключился...

Проснулся, как по таймеру, только начались титры. Судя по времени, фильм длился два часа с лихвой. На повтор идти не захотел: во-первых, уже выспался, а во-вторых, с толпой, скорее всего, опять не повезёт.

Выйдя из кинотеатра, направился в сторону главной улицы. Как и положено, по центральной магистрали, пронизывающей город насквозь удачно выпущенной стрелой, бешено сновали блёклые машины. Видимо, из-за большой скорости они казались

какими-то наигранно-ненастоящими, как призраки. Ну что ж, игрушечные, так игрушечные, мне всё равно...

Вдруг, сам не знаю почему, мне невероятно, просто нестерпимо захотелось, чтоб настал вечер. Вот так, резко, кто-то большой и умелый, только для меня, по моей прихоти нажал бы рычаг и... Оп — сразу вечер неожиданно и со вкусом упал тяжёлым камнем на макраме из улиц, разбросав зажжённые фонари по траектории моего пути.

«Ничего, — успокаивал я себя, — ещё пару часов — и солнце начнёт привычно умирать, даря ощущение целесообразности происходящего, распутанных узлов дневных горестей и обид. Вечером тревоги всегда уходят. Кем-то заведено, что именно с приходом сумерек мы можем полностью довериться самим себе. Нужно отдаться этой благодатной темноте, а не той, что приходит с нашим одиночеством и которую положено бояться».

Я решил дожидаться столь желанного вечера в каком-нибудь баре, всё равно в каком. Главное — чтобы там был полумрак и разрешалось курить.

В моём городе, наверное, как и везде, большинство баров, ресторанов, кафе, да и самых заурядных забегаловок находится в центре. Есть всё, на любой вкус и состояние кошелька. Поэтому, чтобы в поиске подходящего обшарить, одно за другим, несколько заведений общепита, ушло времени совсем чуть-чуть. Так что уже тускнеющий солнечный свет не успел добить окончательно, прежде чем я прошмыгнул в прохладный, освещённый редкими лампами, мрак помещения.

Порыскав глазами в поиске самого дальнего и тихого места, я наткнулся на столик, отвечающий моим запросам. Он располагался в конце бара, в самом незаметном из всех самых незаметных закоулков города (как я и хотел). Мертвенный свет настольных ламп практически не доставался ему, погружая угол в столь желанную темень. На стене, почти у самого потолка, висел до удивления безвкусный натюрморт, изображающий здоровенную дохлую рыбину (судя по всему, осетра) в окружении почему-то оранжевых лимонов и вялого одуванчика, как и положено, на-

сыщенного жёлтого оттенка. Точно уж мёртвая природа, мертвее некуда.

Усевшись за выбранный столик, я жестом подозвал официантку, до этого со скучающим видом усердно разукрашивающую квадратики в японском кроссворде. Подобрав попку сундучком, она обиженно и с нескрываемым видом большого одолжения направилась ко мне. Видимо, девчонке не понравилось, что её оторвали от занятия более важного, чем обслуживание какого-то недотёпы.

При более внимательном рассмотрении официанточка оказалось очень даже ничего. Пожалуй, будь у меня другой настрой, я вполне мог бы позаигрывать с ней или пофантазировать, как раскладываю её мясистое тело на столике. Сейчас подобные мысли казались мне неуместными.

Приблизившись, она ожидающе уставилась на меня хорошо отточенным учтиво-скучающим взглядом.

Я попросил кофе с молоком, бутылку «Туборга» и пепельницу (почему-то на всех столах пепельницы были, а на моём — нет). Не став записывать, она вернулась к барной стойке, а я в ожидании заказа от нечего делать стал разглядывать других посетителей.

Их было всего несколько. Парочка молоденьких подруг, шёпотом перемывавших кости какому-то Грише. Несмотря на играющий фоном, романтично-отрывной «Сиренити» господина Ван Бурена, всё было прекрасно слышно. Наверное, потому что шептались они как-то громко. Ближе к выходу сидел седой, но хорошо сохранившийся мужчина, явно с недавних пор пенсионного возраста. Ещё возле барной стойки занимал столик парень примерно моих лет.

Подруги пили кофе с наполовину съеденными пирожными. Мужчина, быстро работая ложкой и челюстями, жадно давился борщом, не забывая периодически подсыпать в него изрядную дозу перца. Парень же отрешенно потягивал «Миллер», заедая напиток Принделсами. На большой тарелке возле полупустой бутылки лежали обкусанные отрывки пиццы.

Наконец, официантка, спешно семеня, принесла чашку рас-

творимого кофе, в меру разбавленного молоком, и ещё — влажную пепельницу. Кивком поблагодарив её, я дождался, пока она уйдёт, затем достал из кармана пачку сигарет и положил её на столик рядом с пепельницей. Курить пока не хотелось. Намного интереснее было смотреть на парня — он мне кого-то напоминал. Точнее, не он конкретно, а то, как он сейчас выглядел. И я с любопытством и настойчивостью, будто играл сам с собой, ковырялся в прошлом, пытаюсь найти в нём аналог того, что наблюдал сейчас.

В отрешённо-равнодушных жестах этого парня, в его скуке, заражающей весь бар, в этом обречённом чавканье было что-то очень знакомое.

Точно!

Всё его естество напоминало моего одногруппника по университету — Митю.

Когда мы вместе ходили куда-нибудь отдохнуть (посидеть да выпить), Митя обязательно заказывал, как говорится, «по высшему разряду». Он всегда был при деньгах и соответственно им выбирал. Откуда они брались, меня совершенно не интересовало, суть в другом...

Митя, точь-в-точь, как этот парень, набивал себе рот деликатесами (деликатесами, естественно, для меня: в то время мне и «Принделс» могли только сниться) и с миной отвращения и пресыщенности вяло их пережёвывал, чем-то напоминая овцу. Помню, меня тогда это удивляло: как можно к таким ценным вещам относиться столь равнодушно и наплевательски? Словно, придя домой, встретить там опротивевшую до тошноты, обрюзгшую и скучную жёнушку и всё равно начать её целовать.

Спрашивая об этом, в ответ я, обычно, получал снисходительную ухмылку и внутренний дискомфорт. Это позже Митю стало просто жаль: изыск для него стал обыденностью, драгоценность — дешёвой бижутерией. Я искренне сочувствовал — ведь он утратил навык смакования мелочей, потерял вкус к жизни, пресытился повседневными бытовыми благами. Секс, еда, прогулки, кино, книги — всё было предметом лишь только критики и брюзжания. Он забыл, как славно этим наслаждаться. И что удо-

вольствие — неотъемлемая часть бытия, именуемая «упоение прелестью мира».

У меня тогда не было денег, но, всё равно я имел право жалеть его. Имел тогда, имею и сейчас.

Скорей всего, узнай он об этой жалости, послал бы меня, а может быть, как всегда, снисходительно ухмыльнулся «философии нищенства».

Мне вдруг стало безумно жалко этого холёного молодца, набивающего рот вкусными чипсам и почти не ощущающего их вкуса.

Наверное, в этом и заключена ценность алмазов и золота — редкость. Ведь не каждый может почувствовать их красоту и блеск, их прохладу и лёгкость. А если всё-таки посчастливиться заполучить их, то каждая секунда, каждое ощущение будет ловиться человеком. Он будет дорожить каждым мигом.

Этого, наверное, парню с «Миллером» и не хватало. Может, он получил возможность иметь, что захочет, слишком легко, не прикладывая усилий и, поэтому, не умея ценить и ликовать.

Если так будет продолжаться, парень потеряет и то, что у него есть. Ведь жизнь сама всё регулирует, она лучший наставник. Она научит его видеть, ЧТО у него есть, а не слепо пользоваться имеющимися благами. А какой самый надёжный и простой способ добиться этого? Ответ прост — потерять! Как там было? «Что имеем, не храним...»

Вдруг навалилась какая-то невероятная усталость, и я больше не захотел думать. Взяв прохладную бутылку «Туборга», набрал в рот великолепного пива. Смакуя, глотал его маленькими порциями, как бы вспоминая, что умею так... наслаждаться.

Покинув бар, я увидел именно то, чего так жаждал. Запах просто удивительный — воздух уже успел пропитаться вечером, словно торт — сливочным кремом, и сочными красками затопил город. Фонари маленькими солнышками озаряли путь неспешно прогуливающимся парочкам и шумным компаниям. Тепло, истоиво обнимая, спешило подарить себя всем, кому повезло раствориться в этом медленном городе. Всё как всегда — обычный

уже осенний вечер заполонил собой каждую улицу, каждый двор, каждое сердце.

Интересно, много ли сейчас людей, точно также сумевших остановиться и поймать момент, наслаждаясь миром вокруг?

Жаль, раньше я не мог себе этого позволить. Не мог остановиться. Вечно бежал куда-нибудь решать свои чрезвычайно важные дела. Бежал, чтобы, совершая, делая, решая, улучшать и улучшать без конца свою жизнь. Бежал, чтобы ПОТОМ, когда остановлюсь, было хорошо.

Потом... чтобы... было...

А когда потом? Когда это самое ПОТОМ настанет, даже и не задумывался. Как это называется на оставленном мной профессиональном языке? Кажется, «фиксация на будущем» или дело ради дела.

Тыфу ты! Аж противно! Не хочу думать, как было раньше. Если бы я мог, то сказал тому, которого уже нет, себе самому: «Замри! Остановись хотя бы на секунду! Открой глаза... Оглянись вокруг... Направь взгляд в небо... Что ты видишь? Божественно-голубую крышу мира? Или усыпанные гроздьями звезд небеса и разлитый по ним Млечный Путь? А что в тебе самом? Ощущение яркого мира? Осознание исключительности сегодняшнего дня? Что в тебе самом?». И я бы уже не смог бежать. Потому что, один раз ощутив ЖИЗНЬ, больше не смогу по-другому.

Он, то есть я, но тот, другой, которого уже нет, остановившись, прислушался бы к себе... И насладился бы тем, ЧТО видит (и что вообще *может* видеть), ЧТО слышит (и что *может* слышать), ЧТО чувствует (и что он жив)...

Я стою посреди площади моего города и... улыбаюсь.

Наверное, со стороны выгляжу ужасно глупо. Ну и что? Мне всё равно. Мне сейчас хорошо, и это — главное!

Домой решил пойти пешком.

Неспешно прогуляться в такой вечер, заглядывая в слепящие квадраты окон — святое дело.

Нет, я не извращенец и не мечтаю увидеть что-нибудь пикантное. Причина, по которой я люблю без разрешения влады-

ваться в застеклённую жизнь других людей, совсем в другом.

Если оглядеть город через держащий его колпак темноты, то можно поразиться разнообразию и количеству бетонных ульев и разноцветных окон-сот, замурованных в них.

Включив дарованный свыше талант воображения, каждый человек, обративший внимание на светящиеся окна-прямоугольники, может поразиться количеству судеб и разнообразию событий, опутывающих их. Сквозь каждое окно можно разглядеть туго скрученные клубки самых ярких чувств — личных удач и трагедий. И ни одна человеческая жизнь в окне никак не может быть скучна и, уж тем более, банальна. Естественно, если на них смотреть как на хранителей быта, то ничего увидеть не получится. В том-то талант (такой же, как у художника, фотографа или музыканта) и заключается — уметь смотреть на человека через призму переживаемых им чувств и ощущений. Ничто так ни интересно, живо и естественно, как простые человеческие эмоции: страх, ревность, боль, обида, гнев, раздражение или, наоборот, радость, эйфория, спокойствие, сочувствие, уверенность, счастье, интерес...

Вот и я, заглядывая в окна, вижу разнообразные интерьеры, посуду, достаток, красоту или, наоборот, убожество. А, главное — вижу других людей и, неотделимые от них, другие жизни. ДРУГИЕ ЖИЗНИ — совершенно непохожие на мою, со своими ПЕРЕЖИВАНИЯМИ.

Нет, это совершенно не значит, что моя жизнь мне не нравится. Нравится и очень! Особенно сейчас. Просто хотелось бы побыть другим, пожить по-другому. Это потребность очень похожа на желание путешествовать, то есть посмотреть иные страны, иные цвета, иные языки, а главное — увидеть иные жизни! То есть узнать, как другие живут по-другому, в других условиях. Узнать! А ещё лучше, если уж совсем повезёт, попробовать пожить по-другому. Правда, на это надо РЕШИТЬСЯ.

А так идёшь себе по вечерней улице, фантазируешь и ничего, вроде как, не меняется. Но при этом — ещё чуть-чуть, ещё капельку — и может почудиться, будто отведал иной жизни, жизни по-другому...

Так, в раздумьях, совершенно незаметно я добрался до дома и прямо с порога прыгнул в кровать. И ещё быстрее уснул.

Так, в раздумьях, совершенно незаметно, закончился самый одинокий день в моей жизни.

Совершенно одинокий день — ни дел, ни людей, ни скорости — только я и тишина, соперничающая со мной. Сиротливый день.

Со стороны может показаться, что этот понедельник две тысячи семь прошёл транзитом в моей жизни — от него не осталось и следа. Но это не так. Я никогда не уделял столько времени себе. И вот, *я для себя и только...* делал то, что хотел...

Разве этого мало?

Я счастлив, а это больше, чем много. Теперь я хочу, чтобы каждый день был мой, хочу подарить себе свою жизнь, разделив её с теми, кому это будет нужно.

Хочу... чтобы каждый день так — «на полную»...

Кажется я, наконец-таки, начал видеть сны.

Часть 5. Рождение...

Наверное, это был сон. Или нет? Так сложно сказать себе правду.

Лишь коснувшись головой подушки, я... Очутился в знакомой и родной, словно это была моя собственная, комнате. Здесь за долгие часы и дни обучения и психотерапии я изучил каждый миллиметрик обоев, каждый узорчик линолеума. Здесь я успел побывать и Богом, и чёртом тысячи раз, пока не нащупал собственную тропу, ведущую к мечте.

Но все усилия оказались напрасны — я сбился с пути, выронил из небрежных рук собственную душу. Она упала на траву и показалась сказочным клубком по склону в тёмный лес города. И я даже не стал за ней идти.

Именно поэтому я здесь вновь — чтобы сойти с тропы и отыскать утраченную некогда драгоценность.

Только я так и не могу понять, сплю ли я, или всё реально, как и чувства, что рождаются внутри. И тут я вспомнил ЕЁ слова...

«Прошное, настоящее и будущее, жизнь и смерть, иллюзия и реальность сплелись воедино, смешались, став единым целым. Теперь ты должен распутать их, собирая по крупинкам себя, чтобы в конце пути ответить на вопрос».

Сон? Реальность? Разве *это* важно?!

Найти себя...

Найти...

Я сижу на старом стуле, обитом дерматином и опирающемся на железные ноги, в центре круга людей. Людей я не вижу, так как мой взгляд направлен в пол. Зато я слышу их дыхание, тяжё-

лый шорох их ягодиц, елозящих по кожаной обивке громоздких кресел, шмыганье носом и скучающе-терпеливые вздохи.

Я не могу оторвать взгляд от узоров на полу, чтобы проверить, здесь ли они ещё или то, что я слышу, всего лишь очередные игры моего изнурённого сознания. Но я точно знаю, что кольцо людей, крепко охватившее меня со всех сторон, было здесь всего несколько минут назад, ещё прежде, чем мой взор соединился с полом невидимыми, но прочными цепями.

Я НЕ МОГУ ПОСМОТРЕТЬ НА НИХ! Я просто не вытерплю встречи наших взоров — пропаду! Ведь моё место — где грязь; где обитают слизи и гады; в самом низу, даже глубже ада. Я — ничто!

— Что сейчас с тобой происходит? — слышу откуда-то сверху голос Наташи, своего психотерапевта.

ЧТО со мной? КЕМ я ещё могу себя ощущать, кроме как эталоном никчёмного дерьма?

— Мне очень плохо, — еле слышным шёпотом в притихшей комнате звучит мой голос: даже сам себя почти не слышу. Но на большее я сейчас не способен.

— Что значит «плохо»? — продолжает доноситься сверху ровный звук.

Плохо...

Плохо, очень...

Боже, как же сейчас паршиво...

— Я чувствую себя абсолютным ничтожеством, — мой голос дрожит, а под языком медленно расползается кислинка, будто сейчас должно вырвать.

— «Ничтожество» — это не чувство. Назови конкретные чувства. Ч-Т-О-С-Т-О-Б-О-Й? — не унимается Наташа, чётко, словно желая пробиться через стену непонимания, выговаривая каждый звук.

Глаза, живущие отдельной жизнью, быстро наполняются солью, и крупинцы её начинают сыпаться, царапая щеки.

— Не.. не.. а-а.. знаю.. Не зна-а.. ю.. — захлёбываюсь я слезами.

— Конечно, — её голос приобретает острые углы, — если будешь продолжать пялиться в пол и сидеть в своем дерьме один,

потихоньку закипая, варясь в нём, то ничего не почувствуешь.

Секунда... Две... Три... Голос сверху снова приобретает былую мягкость:

— Может, попробуешь вернуться к нам?

Ещё несколько чудовищных до бесконечности минут я решаюсь, преодолевая страхи и себя, не в силах оторваться от спасительных узоров на полу.

ПОРА!

Голова медленно, словно рискуя отвалиться, начинает подниматься. Ощущение такое, будто вместо мозгов внутри черепной коробки умудрился разместиться десятитонный самовар, налитый чернилами. И вся эта тяжесть не даёт выползти из глубокого колодца мрака. Шея скрипит, отзываясь болью в висках, позвонков нет, есть только ржавое железо.

Еле-еле ползущий лифт, наконец, останавливается, и мой взгляд равняется с восемью парами глаз, пристально впившихся в мою плоть. Новыми вулканами взрываются открытые краны плача.

Замещение...

Вместо опустошающих внутренности вод вновь полое тело заполонил страх.

СТРАХ!!!

Ни за что-то и не потому что. Просто тупой человеческий ужас. Он стал истинным владельцем моего тела. Он мог делать со мной всё, что хотел. Его слизь, липкая, грязная, проникала во все уголки тела, заполняла собой мысли, вынимала душу. Она обволакивала меня, формируя кокон, непроницаемый для иных страстей.

Но, оказалось, что и эти метаморфозы ненадолго...

Бах! После атомного взрыва страх резко сжался, превратившись в маленькую кляксу, и опухолью остался жить где-то в области груди, блокируя возможность набрать в лёгкие воздух. Всё остальное забрал стыд.

СТЫД!!!

Стыд за мой страх.

Я боюсь, и это стыдно.

Я боюсь и этим слаб.

Быть слабым стыдно.

Чувствовать — значит быть слабым.

Чувствовать — стыдно.

Чувства — стыд!

«А-а-а-а!!!» — хотелось закричать от разрывающей голову боли. Но, главное, я нашёл!

На этот раз терапевту даже не пришлось ничего из меня вытягивать.

— Мне стыдно, — признался я окружающим меня людям.

Я утратил эмоции очень давно. Нет, не чувства... Их потерять нельзя. Они есть всегда и никуда деться не могут... Я потерял способность, умение слышать и проявлять их очень давно. Хотя говорить, что какую-либо способность можно потерять — нельзя. Как так лишился? Шёл-шёл, бац, потрогал карманы — нигде нет (ё-моё), где-то обронил. Чушь!

Я терял умение ощущать день за днём в течение долгих лет. Жизнь в лице окружающих делала каждый раз подножки, лишь стоило проявить себя настоящего.

Не зря отец часто мне напоминал, кто я. «Мешок с дерьмом», — говорил он. Это точно! Мех с разорванным боком, который несёт на хребте жизнь и с каждым шагом-событием из меня вываливается- теряется умение слышать свою душу, свои желания, свои мечты...

Как такое могло произойти?!

В течение долгих лет... шаг за шагом... меня опустошали... мне запрещали быть собой.

День за днём...

Не знаю, было ли ещё у кого-нибудь так, что, однажды принявшись врать, тем самым неосознанно скручивая внутри себя две совершенно несовместимые нити — вымысел и реальность, он, лгун, сам запутывался так, что уже не мог их различить и бе-

зоговорочно начинал верить в эхо собственного воображения. Начинал веровать в то, что совсем ещё недавно, а, может, в наиболее запущенных случаях, уже давно сам же и выдумал. Вообразил, даже не заметив, как само собой, без ведома хозяина, мир под названием «Фантазия» перекечевал из никогда не существовавшей ментальной зоны вымысла во вполне реальную биографию...

Я мог идти на учёбу и от скуки выдумать какую-нибудь историю, а потом поведать кому-нибудь, когда было уместно. Чем чаще я её озвучивал, чем больше мой язык привыкал переводить её из МОЕГО ВНУТРЕННЕГО МИРА в слова, а слова скрупулёзно оплетать формой и физической оболочкой, и, чем быстрее уже осязаемая выдумка замещала реальность, тем глубже она проникала, впиваясь острыми клыками, в мою память.

Например, сейчас очень сложно вспомнить, забросил ли я на самом деле тот решающий мяч в кольцо соперников, после чего стал на время очень уважаемым человеком в узком кругу баскетбольной секции, или же такого матча вообще не было?

Честное слово, чтобы отвергнуть самолично искажённую реальность, где я спасаю команду и становлюсь триумфатором, мне приходится до умопомрачения напрягать извилины. Просто эта история, в результате бесчисленных прокруток в голове парня, трусившего играть решительно, в полную силу, ИЗ-ЗА СТРАХА ВЫДЕЛЯТЬСЯ, тараном пробила себе дорогу глубоко в недра мозга. Если бы история с решающим голом была киноплёнкой, она бы уже давно затёрлась до дыр.

Убрать из памяти подобные истории — всё равно, что эту самую память стереть. И таких псевдовоспоминаний у меня много. Если я хочу сделать то, ради чего всё затеяно, то должен отслеживать такие миражи и ловить за руку, как вора-карманника, самого себя, обличая публично, не давая возможности улизнуть. Кто бы знал, чего мне этого стоит! Ведь уже нет лжи, нет спасительных иллюзий — они уже давно стали моим привычным минувшим. Просто моё обычное прошлое...

«Карлсон, который живёт на крыше» был и остаётся очень из-

вестной личностью. Его все знали, а меня никто не знал, потому что я — не он...

Я не обитал на крыше, а за стеной... «Мальчик, который жил за стенкой», им же и воздвигнутой. Жил за невидимой оградой, отделяющей от физического мира, интересного, но опасного, враждебного и без передышки атакующего со всех сторон. Стеной крепкой, надёжно уберегавшей от мира, в котором для меня было место, но я его даже не искал. Потому что было страшно. Точнее, я ВЫБИРАЛ бояться...

А что было делать? Ведь по-другому я не умел... Просто не представлял, КАК МОЖЕТ БЫТЬ ПО-ДРУГОМУ!

И существовал, фантазируя. Жил в грёзах. В мире, где бьют не меня, а бью я. Там Я сильный. В мире, где мог заниматься, чем ХОЧУ, а не тем, чем ДОЛЖЕН. Мире красок, радости, рисунков, книг, музыки, секса и баскетбола. Мире, в котором просто ХОРОШО.

Так, по мере разрастания той самой стенки вширь и ввысь, я учился мечтать и начинал тащиться от этого. У меня так здорово это получалось! И совсем не составляло труда! Обращать безликую внутреннюю энергию, непрерывно излучаемую молодостью, в почти осязаемые образы и формы... А самое главное — ТВОРИТЬ свою иллюзорную жизнь я мог где угодно и когда угодно. Неважно, иду я, сплю, ем, в туалете или ванной!

Но почему-то именно в процессе отпаривания своего детского, обложенного жиром и комплексами, тельца, я мечтал, точнее, грезил о смерти. Конечно же, не о том, что хочу умереть, а о том, что уже нежив. Уже мёртв.

Выключив беспрерывно горящую лампу, свет которой почему-то всегда обдавал холодом, я погружал комнату во мрак. Затем, чтобы наверняка не видеть своего ненавистно-чужого тела, закрывал глаза и на ощупь забирался в ванную с чуть тёплой водой, будто пытаюсь реально ощутить себя погребённым. И лишь когда кожа превращалась в некачественную ткань, пытаюсь защититься от навалившегося на неё холода, а тело начинало биться в конвульсиях, стараясь согреться, только тогда я разжимал

веки. Газовая колонка, преданным тружеником грея воду, чуть озаряла темноту иссиня-искусственным светом. Всё было так, как надо для моего ирреального ритуала.

И тогда я, не торопясь, словно экономя каждую единицу энергии, погружался с головой под воду. Секунда, две, три... Там время теряло свою силу и власть. Когда уже совсем становилось не-вмоготу, я выныривал, за долю секунды до этого впустив в рот жидкость со вкусом хлора. Как только я покидал царство воды и первые волоски на макушке показывались в пронизанном синим сиянием мраке — я погибал.

Так всё и было: голова медленно выползала в спёртый воздух — а я уже усоп. Без движения, не дыша, я отходил. Невидящие глаза, окоченев, остекленели, и теперь навсегда устали в бесконечность. Подобранная недавно вода лениво стекала из приоткрытого рта к подбородку, а оттуда — обратно в ванну. Эта вода была не вода. Она имела малиновый цвет и привкус железа. У меня, мёртвого, изо рта стекала кровь. Моя кровь.

Когда запасы опустошались, я опять нырял, забирая свою искусственную кровь у переполненной ванны, и гибель моя, идя по кругу, продолжалась. И так, пока не чувствовал, что ХВАТИТ.

Для чего я это делал? Не знаю...

Я не воображал, как все меня оплакивают, рвут на себе волосы, просят прощения. Нет, мне не это было важно.

Мне просто хотелось быть мёртвым на какое-то время. Исчезнуть, оставив в моём холодном аду только большое, ненужное тело-обузу с тонкой струйкой крови, рождающейся в уголке губ. Просто хотелось, чтобы меня НЕ БЫЛО-НЕ СТАЛО, и всё!

Я тогда даже не думал, что умираю как-то особенно — красиво или некрасиво. Да тогда я вообще не мог размышлять. В этом-то, наверное, и заключался весь смысл. Это я сейчас думаю, что смерть может быть прекрасна только в кино: её там умельцы декорируют. А в реальности ничего красивого в распухом, смердящем, толстом синюшном теле быть не может. Об этом не думал — просто исчезал, растворяясь в придуманной кончине.

И почему-то *набирался сил* от этого «Спектакля Для Самого Себя». Мощи, необходимой, чтобы прожить ещё несколько ма-

леньких, бес- конечно тягучих, как патока, скучных дней.

Я погибал, чтобы жить...

Наверное, у всех бывает такое состояние, когда НЕВМОГОТУ. То есть, когда совсем, СОВСЕМ НЕВМОГОТУ! Когда твой крик осколком острого льда замирает где-то глубоко внутри. И он-то не совсем твой. Этот вой, этот ор вырывается из каких-то неведомых лабиринтов внутренностей. Оттуда, где спряталась душа. И когда она визжит от безысходности, от мук, тупыми ножницами терзающими её плоть, становится немоготу. Совсем...

И что с этим было делать? Здесь даже мой маленький спектакль не спасал.

Но, как и все дети, я действовал, закрыв глаза и видя внутренний компас. Я слушал голос интуиции, доверял ей и не зря — в конце концов, она привела к выходу. Он нашёлся сам.

Вокруг — по привычке погруженный в темноту мир: старенький магнитофон SANYO и голос (ставший спасительным), живущий там — и во мраке, и на магнитной ленте одновременно. Сильный, проникающий всюду, красивый, а самое главное — знающий, что такое грусть. Он делился со мной печалью, а я с ним — своей, тем самым разделяя всё поровну. И так приятно было, сидя, будто в воде, во мгле, осознавать, что не я один живу с грустью, что я не одинок, а есть ещё и голос, тоже живущий с ней.

Но не только это помогало мне переживать мое «немоготу». Важнее было другое. Заглушало, забивало палками бессмертное «немоготу» именно то, ЧТО вызывал внутри одиннадцатилетнего тела ЭТОТ ГОЛОС.

Слёзы...

Почему-то в темноте, проникая в меня, голос рыдал. Плакал голос, а слёзы лились у меня. Без всхлипов, без хватания ртом недостающего лёгким воздуха, без эмоций... Мое серьёзное детское лицо было каменным, душа оставалась спокойной, как море в хорошую погоду, а тело расслабленно...

Но почему голос действовал так? Откуда брались эти холодные слёзы? Ведь я тогда не мог понимать, О ЧЁМ говорит голос.

Не знал, что «чёрным тюльпаном» называли самолеты, перевозившие на родину «груз 200» — трупы убитых на чужой земле бойцов. Не знал, как возможно выдержать вторую смерть: ведь она — как река, а туда, известно всем, нельзя войти дважды. И уж точно не мог знать, что такое погибнуть молодым...

Не знал...

Просто плакал, а губы со вкусом соли сами двигались, вторя голосу.

В Афганистане, в «чёрном тюльпане»
С водкой в стакане мы молча плывём над землей.
Грозная птица через границу
К русским зарницам несёт наших братьев домой.

В чёрном тюльпане те, кто с задания,
Едут на Родину милую в землю залечь.
В отпуск бессрочный, рванные в клочья...
И никогда, никогда не обнять тёплых плеч.

Когда в оазисы Джеллалабада
Свалясь на крыло, тюльпан наш падал,
Мы все проклинали свою работу:
Опять пацан подвёл родную роту.

В Шинданде, Кандагаре и Баграме
Опять на душу класть тяжёлый камень,
Опять везти на родину героев,
Которым в 20 лет могилы роют,
Которым в 20 лет могилы роют...

Но надо подняться, надо собраться
Если сломаться, то можно нарваться, и тут
Пули летают, «Стингер» взлетает...
Если сломаться, то парни дважды умрут.

А мы идем совсем не так, как дома,

Где всё для нас давным-давно знакомо,
Где трупы видят раз в году пилоты,
Где с облаков не валят вертолёты.

И мы идём, от гнева стиснув зубы,
Сухие водкой смачивая губы.
Идут из Пакистана караваны —
И, значит — есть работа для "тюльпана"
И, значит — есть работа для "тюльпана"...

В «чёрном тюльпане»...

Шевеля губами, я заклинал себя не реветь: «Не плачь! Не реви! Прекращай! Ведёшь себя, как плаксивая девка! Чёртова баба! МУЖИКИ НЕ ПЛАЧУТ!!!» — орал я на себя.

А они все равно лились и лились без устали...

И так становилось неловко, а чуть позже — и стыдно за мой рёв, за мои чувства, за то, что сейчас ДЛЯ МЕНЯ ВАЖНО, что хочется рыдать.

Я ДОЛЖЕН быть сильным. Должен...

Изо всех сил делал вид, что я — это не я. Что вот он я, с каменным лицом и без чувств. А этот сопливый, со слезами, ко мне никакого отношения не имеет.

Но всё же силы на это враньё были потрачены зря. Потому что это Я ПЛАКАЛ!

Я!!!

Сам себе не веря, я задыхался от стыда: «Я обещаю! Нет! Я клянусь никогда не плакать! Чтобы не чувствовать то, что я должен не чувствовать! Я же мужчина...».

Главное, что ощущение «невозмогу» на время отступало, оставляя после себя только стыд и клятву, которую я раз за разом нарушал.

Жалко...

Иногда бывает так жалко, что у тебя нет под рукой фотоаппа-

рата (цифрового или обычного — неважно). Особенно, если его нет вообще.

И ведь жалеешь не об упущенном навечно пурпурно-вишнёвом закате, который, как тебе кажется, бывает раз в жизни. И ведь жалко не облаков, театральных до безумия, как будто подвешенных на тонкой леске, готовой в любую минуту оборваться, свалив на тебя титанические клубы пара. Облаков, тяжёлых, переполненных тёмной ватой, и от этого тоже тёмных, не жалко. То есть, конечно, жаль, но не настолько нестерпимо, аж до слёзной нехватки фотоаппарата.

Кадра на память, застывшего, бездыханного и абсолютно бессмысленного, нет именно там, где он нужен и бесполезен больше всего — где ты хочешь заснять, законсервировав свою память. Там, в кадре-памяти, я в своей комнате лежу на кровати (так я называл широкий пружинный матрас, валяющийся на полу; именно он и замещал мне в детстве долгое время нормальную кровать) с сигаретой в руке. Пепельница, грозя в любую минуту опрокинуть всё содержимое, стоит, скривившись уродцем, на не-свежем полускомканном одеяле. Единственные украшения старых выцветших обоев — две картины (нарисованные мной акварелью на кусках ватмана в час наивысшей скуки): дудочка из бамбука и маска из папье-маше — подарок очередной неудачи. По углам, конечно же, свалки грязных, замерших статуями носков вперемешку с книгами. Внутри тела — алкоголь, снаружи — двадцать один год отроду. Жизнь неопределённая, ещё больше непонятна и ещё больше бесконечна...

Так хочется оставить ЭТО в памяти на глянцевой бумаге. Хочется чувствами, но всеведущий разум обязательно влезет в желания, начнёт твердить о бесполезности этой мечты, о бессмысленности двадцатидноголетнего счастья... И о том, что фотокарточка, всё равно, останется безжизненной иллюзией превосходства над прошлым. «Ты только будешь смотреть на неё и терзать стареющую душу», — обязательно завопит мне проклятый разум.

И, конечно же, он будет прав. Прав! Прав, прав, прав!!! Сто раз прав...

Но, Боже, всё равно, так хочется, засолив свою память, доба-

вив немножко уксуса и пряностей, открыть её в нужном месте, в нужное время и испытать ТО ДАЛЁКОЕ СЧАСТЬЕ! И даже плохое, каким оно тогда казалось, хочется оставить. Плохое и страшное.

Например, стыдливые слёзы с примесью мужества ребенка...

Адлер...

Мне 12...

Концерт Александра Розенбаума...

Занавес красным бархатом окутывает загадочную сцену. Лёгкая музыка (что-то из современного) пытается развлечь почти полный зал. Задержавшиеся зрители занимают последние пустующие кресла. Всё как всегда. Одним словом — концерт.

Осталось совсем немного, до того как он, уверенно ступая широкими шагами, пройдет к микрофону, поздоровается с нами, ещё что-то скажет, а затем возьмёт гитару и станет петь. Я это уже видел по телевизору.

Мне, конечно же, не сидится на месте, но надо ещё чуть-чуть потерпеть!

Со стороны может показаться, что я его настоящий фанат. Но на самом деле это не так. Мне нравятся некоторые его песни... Нет, не то. Скорее, для меня некоторые его песни кое-что значат. Кое-что важное. Не то чтобы я от них в восторге, как например от Дельфина, там, или Продиджей... Тут совсем другое. Его песни... Блин, не знаю, как объяснить... Вот, например, одна из них была моей колыбельной... Правда, я тогда был совсем-е-ем маленький и ничего не помню. Но папа эту песню постоянно нам с братом перед сном пел. Наверное, что-то такое и отпечаталось с тех пор... Колыбельная — это ведь не хухры-мухры, это что-то да значит! Я как-то эту песню послушал, «Флагманский марш» называется. Сильная такая музыка, совсем для колыбельной не годится. Под неё ещё матросы строем вышагивать должны — «...БУМ-БУРУМ-БУМ-БУМ...». А папа нам именно её пел. Мама говорит, хотел, чтоб из нас военные получились. А мы с братом как-то не очень... Правда, мелодия эта, мне почему-то кажется, что-то нам с братом дала. Вот и другие его опусы сейчас, в некоторых случаях, ЧТО-

ТО ТАКОЕ дают, что-то важное...

Всё, началось!

Аплодисменты звезде. Всё верно, как и по телеку, только по-реальнее — широкий шаг, пышные усы, блестящая черепушка, невероятное обаяние, приветствие, слова благодарности и... Музыка на старт.

Всё здорово, всё классно, но...

Но слушая его песни, тихо подпевая, балдея, я, всё же не могу расслабиться. Я жду, подгоняя неторопливые секунды. А в голове одно: «Ну, пожалуйста, скорей! Пусть она прозвучит, прошу! Пусть будет ТА песня, та самая песня. Ведь все эти зрители — обман, пафос, декорации. На самом же деле, концерт создан для меня! Всё ради того, чтобы я услышал ЭТУ песню. Не может быть, чтоб он её не спел...»

Больше всего на свете мне сейчас хочется услышать живую всю ту грусть, которую ЕГО ГОЛОС делил со мной столько безысходных вечеров.

Спой для меня свою печаль...

Было сыграно уже много «здоровских» песен, и вот уже совсем скоро конец. Предательница обречённость на цыпочках подкрадывается сзади. НУ ЖЕ!!!

«Эта песня, — говорит он со сцены, — многое значит для меня. Мне хочется исполнить её, и пусть она сегодня звучит молитвой о том, чтобы никто никогда не знал, что же это такое — ВОЙНА!»

Сквозь щупальца безнадёжности, уже успевшие настичь глаза и уши, я услышал тот самый перебор. Мурашки... «В Афганистане, в чёрном тюльпане, с водкой в стакане, мы молча плывем над землей...» — грустит во мне ГОЛОС, рождаемый магнитофоном SANYO и тёмной комнатой. Только сейчас на сцене рождается звук доселе неведомой мне силы и проникает в самое нутро. И снова слёзы начинают глотать мои глаза. Нахлынувшие чувства не дают понять, хорошо мне или плохо. Наверно, хорошо...

Пусть! Всех на фиг! Я плачу, мне хорошо, а всё остальное — неважно.

Мама поворачивает голову в мою сторону и, видя, что я хочу побыть наедине с ГОЛОСОМ ДЛЯ МЕНЯ, опять смотрит вперёд.

Пусть! ВСЕХ НА ФИГ!

Может быть, в первый раз за мою недолгую жизнь я чувствую себя никому не обязанным, свободным; не хочу подстраиваться под мир, а просто быть собой.

Быть собой для себя! ВОТ ОНО СЧАСТЬЕ! Быть...

Его голос, попадая внутрь моего призрачного мира, через вполне реальные барабанные перепонки переносит его в феерию ярких красок. Радуга внутри...

Я свободен желать. Свободен заявлять. Свободен требовать. Свободен думать. И...

СВОБОДЕН ВЫБИРАТЬ!!!

Сейчас я выбираю слёзы. Как хорошо плакать, когда хочется, не стыдись! И быть благодарным за его ГОЛОС, за темноту и магнитофон, за концерт и за то, что мне 12.

Концерт закончен, и мы ползём единой толпой к выходу. Чуть-чуть потолкавшись, можно добраться до воздуха, свежего, с прохладой черноморской ночи.

Только переступив порог дверей концертного зала, добродушно выпустивших нас, я попадаю в поднебесье со всеми прилегающими к нему мелочами: приятными запахами, ласковым прикосновением ветра, щебетанием цикад и журчанием фонтана.

Хм-м... А я даже и не обратил внимание, что перед входом есть фонтан. Такое ощущение, что он не работал днём или просто слился с серым камнем украшенного им здания. Теперь, когда стемнело, фонтан раскрылся лучистым цветком за счёт горящих внутри бассейна фонарей. А так — скука... В огромном каменном блине всего несколько труб, плюющих в небо хилыми, вот-вот готовыми оборваться, струйками воды. Из-за громоздкости и слабого, почти никакого, внутреннего содержания, фонтан казался умирающим, или, по крайней мере, больным. Однако, люди, перенёвшие ради музыки муку плохо вентилируемого зала, тянутся хоть к какой-нибудь, но всё же воде. Поэтому весь парапет «облеплен» вконец запарившимися, потными людьми.

Осмотревшись, наша компания из трёх взрослых и двух детей,

нашла пустую лавочку недалеко от водомёта. Туда, несмотря на жужжание многих голосов, даже долетал приятный звук падающих струй.

Взрослые закурили, мы с братом устало молчали.

— Ну как вам? — спросила тётя Карина у всех.

— Классно! — одобрительно улыбнулся дядь Славик, — давно с таким удовольствием время не проводил.

— Ага, — поддерживает его явно довольная мама, — Юре расскажу, на чей концерт мы ходили! Наверное, пожалеет, что с нами ехать не захотел!

Тут мамин взгляд падает на меня.

— А младшенький, кажется, даже плакал над любимой песней. Или мне показалось? — с чуть заметной иронией в голосе, даже не заметив этого, нарушила она моё спокойствие.

На какое-то мгновение я жутко испугался, сам не зная чего — то ли, что засмеют, то ли что не поймут.

— Глаза... Из-за света... Чё-то... разболелись, — неуверенно соврал я, напившись.

— Ну-ну, — улыбнулась мама. И продолжила болтать с подругой.

А я остался один. Конечно же, меня окружало много людей, но мне вдруг почудилось, точнее, почувствовалось, что я остался ОДИН. Ведь когда в твоём горле застрял комок обиды, и, что ещё хуже — обиды на маму, тебе со всеми не по пути, просто в другую сторону. Всё, что ты можешь — остаться наедине со словами, проткнувшими своими остриями что-то ВАЖНОЕ для тебя. И, конечно же, ты понимаешь (как-никак уже 12, поди, не ребенок), что, в принципе-то, ничего обидного мама и не сказала. Всё в рамках приличия. А всё равно обида точит. И вот это ощущение предательства не какого-то чужого человека, а собственной мамы... МАМЫ... Никак не хочет уходить из горла и головы.

«Как ты могла, мам? — хочется крикнуть ей. — Я же доверял тебе неприкосновенность своих слёз. Как ты посмела раздеть меня передо всеми?!»

Одиночество оковывает тело темнотой.

Всё, что подарил мне голос, было так глупо смыто в унитаз еле

заметной интонацией в голосе самого близкого и родного человека. Всё — это впервые обрётённое ощущение свободы, все чувства... И моя попытка научиться выбирать — всё за секунду оказалось уничтоженным. Стыд за слёзы и страх перед этим стыдом в мгновение ока перечеркнули ТЕ ощущения. СТЫД ПОБЕДИЛ!

Ну как же ты могла, мам?..

Спустя много лет мы сидели с ней на кухне и болтали — вспоминали и болтали. Держа в руке чашку только что заваренного кофе, мама улыбнулась так грустно и сказала:

— Когда ты плакал над той песней, я была счастлива. Потому что в тот самый момент поняла — я хорошая мать, раз смогла воспитать такого сына...

Ну как же так?! Оказывается, в том, далёком мамином «ну-ну» была не насмешка... Оказывается, она не поверила в ту наскоро придуманную ложь про «вдруг разболевшиеся глаза». И говоря всем о моих слезах, она не выставляла меня на потеху перед ними, а хвасталась собой и восхищалась мной. МАМА ГОРДИЛАСЬ МНОЙ!

Сколько ещё раз я терял решимость чувствовать? Сколько?!

Столько же, сколько и терял себя...

Ведь я — это то, что чувствую... и что вообще могу чувствовать.

Сколько ещё?! Лишь смерть знает, каково это — жить без чувств... Смерть знает...

*Два дня без наркоза — и можно дышать,
И больше не нужно откашливать с кровью
Обрывки того, что зовётся душа,
Остатки чего-то, что было любовью.
Обида, что выжгла меня изнутри,
Прорвётся наружу — и выступят слезы.*

...А ты говори, говори, говори...
Мне всё-таки больно, когда без наркоза.
Ольга Данилова

Кажется, тогда я вбежал на кухню, где сидел отец. Я побежал именно к нему, потому что папа всегда может помочь. Он единственный, кто сможет думать. Побежал к нему, инстинктивно зная, что он тот, к кому сейчас надо бежать.

Когда я появился на кухне, папа сидел за столом и весь его вид говорил, что он уже готов к каким-то неприятностям, знает, что случилось нехорошее. Видимо, слышал маму из комнаты.

— Что там ещё такое?! — спросил он в присутствии ему небрежно-укоряющем тоне.

Я пытался собрать остатки силы, чтобы ответить, но у меня плохо получилось. Точнее, из этого вообще ничего не вышло — лёгкие будто наполнились попкорном, не давая вобрать достаточно воздуха.

— Ап-а-ах-ап-п... — дышал я быстро и резко, пытаюсь потоком воздуха пробить застрявшую в груди пробку и, тем самым, наполнить мозги кислородом, чтобы суметь выжать из себя слова, чтоб мир, наконец-таки, перестал хаотично кружиться, — ах-ап... Там... Ах-ах-ап... Кажется... Ах-ап... Там, кажется, бабушка умерла, — всё-таки вырвалось у меня, разбив и так уже треснувший мир на ещё большее число острейших осколков.

Папа медленно, вернее будет сказать, как-то замедленно, как в кино, встал и сделал шаг к выходу из кухни.

— Мама-мама, — укоризненно покачал он рыжей бородой, обращаясь к лежавшей в комнате бабушке, — Ну что ж вы... В самом деле?!

И ушёл...

А я остался на кухне *один*, застывший у стенки, боящийся пошевелиться и всё так же часто-часто дышавший, задыхающийся и с путаницей в голове.

Даже если бы я захотел вспомнить, сколько прошло, как вы-

звали «скорую», до того, как она приехала, или сколько минут, а, может, часов, я простоял в одиночестве на кухне, всё равно бы не смог.

В подобных случаях, когда вместо крови по венам и артериям циркулирует чистый адреналин, из сознания просто выпадает понятие времени и тиканье секундной стрелки, нарезающей круги по циферблату, превращается в пустой, бессмысленный звук.

Внутри переплетаются, будто смешанные шейкером, детство и старость. Может случиться, как в юности, время поплывёт медленно, растягиваясь подмёрзшим «баблгамом», до бесконечности, втиснув в минуту часы, дни, а то и годы... А может старостью отнимать и те бесценные мгновения, которых не так много осталось, соединяя восходы с закатами, скоростным поездом проносясь между ними. Поэтому...

Сложно сказать, сколько я простоял на кухне, впечатанный в стену, пытаясь справиться с дыханием и собой. Неожиданно разрушенный мир, ещё недавно бывший простым и понятным, никак не хотел восстанавливаться в моей маленькой голове. Сломанный, уже не работающий механизм моей жизни не мог допустить мысли, что смерть рядом со мной, совсем близко — в соседней комнате... Что она вообще существует. И что, тем более, она может превратить бабушку (живую, добрую-предобрую, бескорыстно дающую мне море любви), МОЮ БАБУШКУ — в труп. Просто тело... Без тепла. Без любви. Без жизни...

Стоя один, я почему-то безумно захотел, чтоб и меня не стало. Ведь если меня не будет, я не смогу слышать мамины рыдания, видеть папину деловитость со сжатой челюстью, отрешённых молоденьких врачей и обделавшегося от страха и растерянности себя.

Я понял, что мне что-то нужно делать, нужно решаться... И я решился!

Зайдя в комнату, я заставил себя посмотреть на неё.

Зачем?

Я так и не смог увидеть ЕЁ. Мой взгляд упал на ребро ладони, точнее, на бордовое пятно на ребре и отставший от него кусочек

кожи...

И всё...

Попкорн в груди превратился в цементный раствор. Путь кислорода в кровь был начисто перекрыт, завален осознанием того, *что* я сейчас ПОНЯЛ. Я понял, что обратного пути нет и традиционному «хэппиэнду» не бывать... Что смерть — это не мираж, она реальна... Я увидел конец. И даже, как мне показалось, немного понял его смысл. Из забавной старухи в чёрном балахоне и с косой в костлявой руке смерть превратилась во вполне реальный кусочек кожи, отставший от кисти бабушки.

И мне стало больно и страшно. Очень!

Брат жил с девушкой отдельно от нас. По-моему, они пришли, когда тело уже увезли. В квартире я оставаться не хотел, поэтому и попросился к ним. Данил с Галей сильно-то и не возражали. Где-то через час я сбежал к ним от маминого отчаяния.

Я не мог тогда думать ни о том, что маме нужна поддержка, ни о чём бы то ни было ещё... Я тогда вообще думать не мог да и не хотел.

Устроившись в комнате, которую мне выделили, за компьютером, я смотрел фильмы и раскладывал один за другим пасьянсы. Самое главное — я ничего не чувствовал. Компьютер помогал, как мог.

Спать совершенно не хотелось. Когда пришёл рассвет и под окном троллейбусы, скользя по проводам длинными усами, устремились развозить на работу сонных людей, я уже досматривал второй или третий фильм, а глаза не просили сна.

Была только усталость, заставлявшая делать безуспешные попытки лечь в кровать и уснуть. Но, как только я касался головой мягкой подушки и веки смыкались, мне приходилось оставаться наедине с собой, со своими чувствами и страхами. Лишь только меня окружала темнота, комната вокруг сразу же начинала наполняться мелкими песчинками, которые, проникая в лёгкие, заполняли их, превращаясь в густое облако цементной пыли, оседая, не давали вздохнуть, пытаясь задушить меня. А перед глазами в это время было только одно — бордовое пятно с вися-

щим кусочком кожи...

Я вскакивал с кровати, скорей кидаясь к спасительному компьютеру — уничтожителю мыслей.

Так я провел двое суток.

Кто-то мне сочувствовал, пытался утешить, а я не понимал, зачем? Ведь «всё хорошо»! Я сделал так, чтоб ничего не чувствовать. «Благодарю всех, конечно, но всё ОК!».

Данил с Галей пошли к родителям помогать. Я, естественно, остался возле компьютера. Я даже на похороны не хотел, боялся, трусил идти. И, сидя с безжизненным лицом, устремлённым в слепящий монитор, добивал очередной пасьянс. «Косынка» вообще за эти долгие сутки стала моим лучшим, хоть и назойливым, другом.

Играла музыка, не решаясь оставить в тишине. Проигрыватель *случайно* выбирал песни из огромного списка «плейлиста». Но, как известно, ничего случайного не бывает.

Я устало откинулся на спинку стула, придумывая, чем бы ещё заняться, кроме как мусолить уже опротивевшую «Косынку»? А дешёвые, вечно хрипящие динамики вздумали перебирать гитарные струны, начиная очередной напев... Именно в этот момент я почему-то начал СЛЫШАТЬ вылетающие слова. Я прислушался...

В твоём парадном темно.
Резкий запах привычно бьёт в нос.
Твой дом был под самой крышей —
В нём немного ближе до звезд.
Ты шёл не спеша,
Возвращаясь с войны
Со сладким чувством победы,
С горьким чувством вины.

Вот твой дом, но в двери уже
Новый замок.
Здесь ждали тебя так долго,

Но ты вернуться не мог.
И последняя ночь прошла
В этом доме в слезах.
И ты опять не пришёл,
А в дом пробрался страх.

Страх смотрел ей в глаза
Отражением в тёмном стекле.
Страх сказал, что так будет лучше.
Ей и тебе.
Он указал ей на дверь
И на новый замок.
Он вложил в её руки ключ и сделал так,
Чтоб ты вернуться не мог.

И ты вышел во двор,
И ты сел под окном,
Как брошенный пёс.
И вот чуть-чуть отошёл
Да немного замёрз.
И ты понял,
Что, если б спешил,
То мог бы успеть.
Но что уж теперь поделать —
Ты достал гитару и начал петь.

А соседи шумят —
Они не могут понять,
Когда хочется петь.
Соседи не любят твоих песен,
Они привыкли терпеть.
Они привыкли каждый день входить
В этот тёмный подъезд.
Если есть запрещающий знак,
Они знают — где-то рядом объезд.

А ты орал веселую песню
С грустным концом.
А на шум пришли мужики,
И ты вытянул спичку —
Тебе быть гонцом.
Пустая консервная банка,
И её наполняли вином.
И вот ты немного согрелся —
Теперь бороться со сном.

И ТОГДА ТЫ ИМ ВСЕ РАССКАЗАЛ,
И ПРО ТО, КАК БЫЛ НА ВОЙНЕ.
А ОДИН ИЗ НИХ КРИКНУЛ:
"ВРЁШЬ, МУЗЫКАНТ!"
И ТЫ ПРИЖАЛСЯ К СТЕНЕ.

Ты УДАРИЛ ПЕРВЫЙ,
ТЕБЯ ТАК УЧИЛ
ОТЕЦ С РАННИХ ЛЕТ.
И ещё ты успел посмотреть на окно.
В это время она
Погасила свет:

В твоём парадном темно,
Резкий запах привычно бьёт в нос.
Твой дом был под самой крышей —
В нём немного ближе до звёзд.

Ты шёл не спеша,
Возвращаясь с войны
Со сладким чувством победы,
С горьким чувством вины.

И как я почувствовал себя брошенным, преданным, никчёмным, не знающим, как же быть дальше. Я вдруг превратился в этого солдата с пустотой внутри, не имеющим никого и ничего в

этом мире. Стал этим человеком, загнанным в угол безысходностью, кричащей мне: «ВРЁШЬ, МУЗЫКАНТ!!!».

Глаза стали водопадами. Я оплакивал себя, всхлипывая, захлебываясь рыданиями. Я хоронил себя, не знающего смерти и обласканного бабушкиной любовью. Я, наконец-таки, дал волю чувствам.

А через десять мину я спал здоровым животворящим сном...

На похороны я всё же пошёл. Пошёл не потому, что нужно было отдать последнюю дань бабушке, нет. ТО, что было в гробу, я никак не мог воспринять бабушкой — это была не она. И не потому, что люди, в том числе и мои родители, меня бы «не поняли», нет. Было намного важнее моё собственное мнение о наших с бабушкой отношениях. Я был уверен, что она бы меня ПОНЯЛА и ПРОСТИЛА за трусость. И это главное.

Присутствовать на похоронах меня заставило только понимание, что, если я останусь в защищающей от действительности пустой квартире наедине со своими страхами, то они сожрут меня заживо, поработив навек. И тогда смерть перейдёт из разряда ОЧЕРЕДНОГО ЭТАПА ЖИЗНИ в культ УЖАСА и НЕИЗБЕЖНОСТИ, требующий от своих адептов священного трепета.

Если бы я не решился увидеть её ещё раз собственными глазами, то непомерно развитая фантазия щедро разукрасила бы и раздула образ костлявой старухи, носительницы роковой косы, до циклопических размеров. И мои личные взаимоотношения с ней сами превратились бы в сплошную патологию. Кажется, это называется танатофобия.

Оказавшись в квартире, где посредине единственной комнаты на двух табуретках стоял гроб, в котором... В котором я даже не знал, ЧТО находится, потому что не мог, не хотел, боялся...

Я пришёл туда чувствовать себя, ощущать глубинные преобразования, навсегда изменяющие строй моей жизни, моего нового мира. Отслеживать метаморфозы, символами которых стали деревянный кокон на двух табуретках, и то, что происходило внутри него — превращения, невидимые глазу, но понятные верующим.

Я пришёл туда почувствовать, как бабушка, сделав свой выбор, гусеницей в человеческом обличье оплетает себя деревянными нитями и, растворяясь, исчезая, превращаясь во что-то БОЛЬШЕЕ, выпархивает из своей телесной тюрьмы бабочкой, прозрачной, неуловимой, лёгкой и стремящейся туда, где путь её должен продолжиться — в небеса.

Но, вместо того, чтобы обретать эмоции и ощущения, я избегал их, не отрывая взгляд от пола. Ни тогда, когда отец Олег говорил в конце молитвы НУЖНЫЕ слова, ни когда её выносили, ни даже когда на кладбище рабочие громко, будто в мою голову, вгоняли гвозди в крышку гроба... Когда слева от меня чувства выходили слезами, когда незыблемые отец и брат, держа мать, чтобы её не подвели ослабевшие ноги... Даже тогда, загнав чувства глубоко в грудь, я стоял колом, «мужественно» стиснув зубы и превратив лицо в маску. Даже тогда я не позволял себе быть собой.

Идиот!..

Мало ли, что меня с детства учили дурацким правилам. Мало ли, что в такие моменты даже жёстко контролирующее общество даёт слабину и разрешает выражать чувства и даже плакать! Какая разница, если ТЫ ХОЧЕШЬ ЧУВСТВОВАТЬ!!!

Сделав тогда неверный выбор, я потом долго держал ответ перед собой — застывшие внутри чувства бурным потоком подтачивали моё тело изнутри.

Дети рождаются из капусты. Боги — из морских волн, звёзд и темноты... И я чувствовал, как в пустоте, поселившейся в моих недрах, началась кристаллизация камня. Он давил на сердце, заставляя больше думать и меньше хотеть.

Со временем я привык и к нему. Даже когда минерал пустил в мою плоть корни и всё, до чего они дотягивались, обращалось в такой же монолит, я оставался спокоен. Я привыкал быть таким — другим. Я не знал, точнее, забыл, какой я есть... Но мне надо же было быть хоть кем-то... И я принял новую форму — очень да-

лёкую от меня самого, но всё же это была хоть какая-то форма.

ЧТО-ТО лучше, чем НИЧЕГО?

Потом холодный кристалл заместил моё тело целиком и я превратился в каменного истукана... Пришло время — она дала трещину, и из неё на свет явился цветок — красивый, яркий, но *абсолютно пустой*. Это стало моим новым образом, надёжной и добротной маской.

Все видели не меня, а этот пустоцвет. И я его видел, забыв, казалось бы, навсегда, что глубоко внутри каменного склепа бьётся настоящая душа, полная чувств и желаний. Душа, заточённая самим же собой в непробиваемый панцирь ритуалов, анализа и правил.

С каждым запретом ещё один новый сантиметр тела замерзал, оставляя всё меньше и меньше тепла настоящей жизни... Жизни для себя.

Но всё это было тогда, и всё то же происходит сейчас: мне стыдно за мои чувства.

— Мне стыдно, — признался я окружающим.

Часть 6. Открыть окно

*...И нет уже ни боли, ни вины.
Целую губы вкуса шоколада.
О, Господи, за что тобой даны,
Такие наказание и награда?!
Папа*

Когда внутри загорается знак «СТОП!» и вся жизнь, подчиняясь этой команде, замирает, превращая душу в пристанище опустошающей скуки, что-то происходит, несмотря ни на что. ЧТО-ТО меняется. Что-то ОБЯЗАТЕЛЬНО должно меняться! Иначе нельзя...

Потому что полностью скорость жизни свести «на нет» можно только после смерти. Именно так позволено окончательно остановиться. Наверное, именно поэтому люди и решаются на последний вздох, не видя возможности и смысла двигаться дальше.

А я пока дышал. Дышал, не обращая внимания на биение сердца и жиреющий живот. Дышал...

И вроде бы даже жил...

Почему «вроде бы»? Да потому что я уже ни черта не понимал. Чувства и ощущения хладнокровно предали, доведя до изнеможения. Когда я не могу сказать, что такое творится кругом... Да что — кругом! Во мне... Я не знаю, что сейчас происходит со мной!

По всем физиологическим признакам я ещё существую: лёгкие вбирают и отдают, сердце качает, кишечник выделяет — я есть в мире живых, дышащих людей. Но чувства, каждая частичка меня, уверяет, что я уже не здесь, но ещё и не там. Где же я? Что со мной творится? Я, будто тень в ночи, знаю, что моё место не здесь и не сейчас, что я нахожусь не там, где должен... И чем больше пытаюсь вписаться в текущий момент, тем сильнее всё моё существо отторгает реальный мир, скручивая его в тугой узел на клубке, оставленном смертью...

Неужели опять всё по кругу? Нет, не сейчас и не здесь. Есть цель, которую я должен достичь, до которой я **ХОЧУ** добраться. Так что же тогда творится?

Может, самый одинокий день превратил мой разум в густой дым и теперь я болен? Я сошёл с ума? Не может быть... Я чувствую себя реальнее, чем когда-либо. Вчерашний день лишь помог найти начало нити, с помощью которой я выберусь из лабиринта.

Или это сны? Наверное, они что-то изменили в окружающем мире? Нет, это не сновидения. Это моё прошлое превратилось во что-то осязаемое, в новую реальность. И в нём я нашёл часть себя... Точно!

Я обрёл давно потерянные чувства, и теперь они возвращаются на свои места, туда, где им суждено быть. Именно поэтому реальность меняется — она становится такой, какой должна была стать. Я уже на полпути... Осталось только ждать, когда не смогу продолжить поиски.

Мир сам найдёт меня...

И вот тогда я решил «не рыпаться», оставить всё, как есть. Если стану живым трупом, пусть будет так. «Жизнь — на самотёк!» — мой новый девиз. Может показаться, что это принцип слабого, но я так не думаю. Иногда, чтобы расслабиться и отпустить ситуацию, требуется больше смелости и силы, чем если пытаться что-то изменить.

Взяв побольше снеди, пива и тишины, я заперся в своей квартире — пусть она станет моей колыбелью. Воззрившись на потолок, периодически открывая новую бутылку, я проваливался в сон, а затем вновь возвращался в мир живых, потом опять... Пока не перестал различать, где сон, а где реальность. Пока ещё боль от щипков и пощечин, помогавших понять, сплю я или бодрствую, не перестала существовать. Здесь, в другой реальности, накрепко связавшей во мне чуждые друг другу миры, появилось новое, неизвестное мне доселе ощущение, сначала маленькой точкой возникнув на горизонте сознания, а затем колоссальной тенью захватившее мой мир.

Это была скука...

Скука, изощрённое наказание, превращаясь в сигнал, трубила, что со мной всё сложно и всё не так... Что я по чьей-то ошибке «сверху» физиологически всё ещё жив.

Тихий сигнал... А затем... Воет сирена, по громкости и леденящему ужасу не уступающая «Воздушной тревоге»... Дзинь! Дзи-и-инь!!! Дзинь-дзинь-дзинь-ДЗИ-И-И-ИНЬ!!!

Скука, словно будильник, только на чувственном уровне, нужна, чтобы не проспать опасный поворот, не заснуть, управляя своей жизнью.

Видимо, я всё-таки плохой водитель...

Проснувшись в очередной раз, и даже ещё не разобравшись, в каком я сейчас мире, сквозь слипшиеся веки я смог разглядеть её силуэт. Она развалилась в кресле, стоящем возле двери. Из-за такого неудобного расположения гости, появлявшиеся здесь впервые, обязательно стукались в него дверью, и от этого обивка сбоку разорвана. А что делать? Маленькие квартирки *маленьких* людей...

А девушка именно *развалилась* в моем любимом кресле с удобно продавленным (точно под моё тело) сидением. Другое определение, нежели «развалился», к человеку, перевесившему ноги через подлокотник и обнимающему рукой спинку, подобрать сложно. Так вот, девица, удобно устроившись, смотрела на меня с улыбкой.

Впрочем, всех этих подробностей, кроме очертаний какого-то человека, я как бы и не видел. Скорей, просто знал, что это девчонка, что она развалилась, что она улыбается и что смотрит... Чувствовал на себе взгляд молодой женщины с игривой усмешкой.

Сначала у меня даже ёкнуло сердце — а не та ли это?.. Ну, которая без лица... Но потом просто появилась уверенность, что это иное существо. Существо? Да, именно существо. Понимание, что она не обычный человек, а что-то за гранью моего разума, также пришло ниоткуда.

— Да ладно тебе, хватит притворяться, — слышу я высокий, звонкий голос, — я знаю, что ты уже очнулся и глядишь на меня.

— Ни на кого я не «глазею», — насупившись, говорю я, пытаюсь одновременно передразнить её манеру произносить это дурацкое слово и разлепить веки.

Передо мной, как и ожидалось, сидела миниатюрная девушка лет двадцати пяти с пышными светлыми вьющимися волосами, в облегающих спортивных брюках. Она болтала ногами, обутыми в белые кроссовки «Асикс».

— Пялишься-пялишься... — засмеялась она. — Ничего, что я твоё кресло так по-хозяйски обняла?

— Ничего... — раздражённый её непринужденностью и уверенный в собственном превосходстве, разрешаю я. — Ты кто?

Она слегка наклонила голову набок и хитро прищурилась, словно пытаясь разгадать только что заданную мной загадку, хотя никакой загадки, конечно, не было.

— Молодец, — то ли в шутку, то ли всерьёз похвалила она, — сразу к делу переходишь. Люблю прямолинейность...

— Да вот меня просто почему-то немного напрягает разговаривать с незнакомым человеком, чёрт знает как оказавшимся в моей квартире, пока я спал, — попытался я её подколоть, — Даже несмотря на то, что этот человек (тут я демонстративно окинул её оценивающим взглядом) — симпатичная девушка.

Она хмыкнула:

— А ты знаешь, мне кажется, что у нас с тобой может вполне получиться содержательная беседа, чего у меня уже не было лет триста, а с человеком так и подавно.

Она медленно, как-то нехотя убрала ноги с подлокотника и, встав, прошла к окну. Немного раздвинув шторы (ровно настолько, чтобы видеть происходящее на улице), стала смотреть в окно, засунув руки в карманы.

— Дождь, — констатировала она. Но это у неё почему-то получилось как-то грустно.

Я молчал в ожидании, что же будет дальше?

Она развернулась ко мне. И на самом деле, от былой веселости не осталось и следа. На месте глаз — только печаль:

— Хочешь знать, кто я? Хорошо... Я — скука, — сказала она и будто вся напряглась, ожидая то ли насмешки, то ли ещё чего с

моей стороны.

Она смотрела выжидающе, как бы намекая, что ход сейчас за мной.

— И-и-и? — честно говоря, я даже не знал, как на это реагировать — насмехаться над ней, или ещё что, — ты меня удивить пытаешься, что ли? Ну скука и скука... Тут ко мне недавно смерть приходила, так что, знаешь, после неё ты как-то не производишь сногшибательного впечатления. Хотя и заявила ты внезапно, но нужно было с собой хотя бы спецэффекты прихватить.

— Гм-м... — она явно немного растерялась.

Обречённо почесав макушку, прошла к креслу и плюхнулась, вернувшись в исходную позицию. Кроссовки «Асикс» опять запрыгали перед глазами.

— Гм-м... — повторила она, перед этим не забыв глянуть на меня и опять погрузиться в свои мысли.

— Так, слушай, мне это уже не нравится! Куда ты пропала? — мне стало до чёртиков интересно, что ж её так поразило, — давай хоть познакомимся, что ли, раз какое-то время придётся быть вместе. Как меня зовут, думаю, ты знаешь: неслучайно же ты здесь! А вот как к тебе обращаться, я не имею понятия. Или так и говорить: «Эй, скука...»? Так всё-таки, у тебя имя есть?

Внимательно выслушав мой вопрос, она тяжело, будто на неё навалилась вся ответственность за существование мира, вздохнула и словно бы уменьшилась, сжалась в размерах, утонула в кресле.

— Гм-м... — послышалось откуда-то из недр обивки.

— Так, хватит «гмыкать»! — на этот раз уже я вскочил и навис над ней грозной скалой.

Казалось, она только сейчас заметила, что я здесь, глядя на меня глазами, полными тревоги и смутения.

— Сядь, — попросила она. И я повиновался, вернувшись на кровать, — сложно объяснить. Я давно ждала чего-то подобного. Обычно меня вообще не видят, только чувствуют. Редко когда встречаются «умеющие» меня обнаружить. Но и они пугаются и паникуют так, что становятся неспособны к разумным действиям, не то что словам. Я, конечно, сразу виду не подала, что уди-

вилась, но потом просто перестала владеть собой. Ты мало того, что меня не испугался, так ещё и заговорил. А самое главное, что окончательно выбило меня из колеи — ты... — замялась она, — Ты спросил моё имя... Понимаешь, ЧТО это значит?

Я удивлённо пожал плечами. Вообще-то, я ожидал чего угодно, только не чудную девицу, говорящую диковинные вещи и необычно откровенную.

— ТЫ ПЕРВЫЙ, КТО СПРОСИЛ МОЁ ИМЯ! — будто сообщая мне великую тайну, громко зашептала она, разведя руки в положение «а-ля святой» и округлив, для пушшего эффекта, глаза.

Н-да... Судя по мимике, для неё это на самом деле важно. Хотя мне, человеку, представлявшему свое имя тысячи раз, этого не понять.

— Так как, всё-таки, тебя зовут? — целенаправленно ей улыбнувшись, спросил я.

Она залилась счастливым румянцем и скромненько скосила глаза в пол:

— На твоём языке, в данном пространственно-временном континууме моё имя будет звучать как МИЛАЯ ЛЮДЯМ.

— Мила, что ли? — на этот раз челюсть отпала у меня.

Более неподходящего имени для СКУКИ придумать было сложно...

— ...Люди вообще меня не очень жалуют... — продолжила новая знакомая.

Я уже битый час слушал её болтовню. Нет, я, конечно, понимаю, что человек (а человек ли?) молчал в течение трёхсот лет, добросовестно исполняя должностные обязанности и ни с кем за всё это время ей не довелось поговорить «по душам». Но почему именно я должен становиться тем, кто компенсирует триста лет немоты? Хотя, с другой стороны, я оказался вполне сносным слушателем, о чём Мила не забывала мне периодически напоминать (подозреваю, она так благодарила за возможность выговориться). К тому же мне было достаточно интересно выбирать из всего этого нескончаемого потока информации что-то... м-м-м... другое, что ли, непривычное... Короче, у неё иногда проскальзы-

вали фразы, от которых моя челюсть готова была отвалиться. Но, конечно, виду я не подавал, а делал то, что требовалось. А именно — послушно кивал, поддакивал или мычал в зависимости от хода её повествования.

— ... Они несказанно мучаются, когда я рядом с ними. Мне, в принципе, всегда приходится видеть только лица опустошённые, отчаявшиеся, без эмоций, выжженные бездельем. А к кому я ещё могу наведаться? Только к таким вот пустым типам... Ну, слава Богу, я надолго у них не задерживаюсь. Как заявлюсь, так все, как один, кидаются чем-нибудь заниматься, лишь бы я ушла. Мне этот момент больше всего по нраву. Ты бы видел, как люди только ни изгаляются... — засмеялась Мила-скука.

— И как?

— Что как? — не поняла она.

— Я, говорю, как люди изгаляются? — уточнил я.

— Да, по-всякому... Лишь бы схватить что-нибудь, что расшевелит, что двигаться заставит. Чаще всего за бутылку хватаются...

— Чего это?

— Что значит — чего? Это ты должен знать — чего. Кто из нас психотерапевт... — пристыдила она, — Тяпнул по маленькой — и мир сразу в яркие цвета окрасился. Самый простой способ — и делать ничего не надо. Наливай да пей. И пока в организме алкоголь, будь «спок», я не приду...

— Блин, интересно! — вырвалось у меня.

Она с явным энтузиазмом просвещала меня, неопытного, но тут недовольно поморщилась:

— Эй, ты с выражениями будь поаккуратнее, если, конечно, хочешь со мной ещё поболтать. Хошь-не-хошь, а *скучать* придётся, иначе я того, смоюсь отсюда.

— Извини, постараюсь скучать! — искренне пообещал я. И, сам не знаю почему, повторил, обратив лицо вверх, то же самое для кого-то на потолке, — Да-да! Мне о-очень скучно! Честное слово, скучнее не бывает!

Затем опять повернулся к Миле:

— А ещё как *«изгаляются»*? — спросил я, сделав ударение на так понравившемся мне слове.

— Ой, всего и не перечислишь... Ну-у, наверное, на втором месте по популярности «любви» всякие.

— ???

— Что опять непонятно? — спросила он голосом учительницы, недавно получившей диплом и не скрывающей своего удовольствия от преподавания. — Это же элементарно. Представь, что ты живёшь постоянно рядом со мной. Ну, то есть наоборот, я твоя преданная спутница.

— Да уж, не позавидуешь.

— Именно! Тебе скучно: ведь ничего стоящего в жизни нет. Есть, конечно, и семья, и работа, и друзья, но всё это не приносит удовольствия. А человек без интереса к жизни существовать не может. Вот и находит какой-нибудь *объект*, вполне подходящий для того, чтобы влюбиться...

Я внимательно и с интересом слушал увлечённую рассказом девушку и периодически кивал в знак того, что всё понимаю.

— ...И, естественно, он или она в найденный объект влюбляются. Да не просто, а сильно, страстно, как говорится, «без памяти». И сразу же жить становится интересно, сердце полно чувств и мелодий. Причём есть одна маленькая особенность... — она сделала ораторскую паузу, а я ей немножко подыграл, выразив нетерпение открытым ртом и выпученными глазами, — чем несчастливее и безответнее этот маленький спектакль, тем лучше!

Тут она торжествующе задрала носик.

— Это как? — я категорически отказывался самостоятельно думать и догадываться: пускай всё рассказывает сама.

— А очень даже так! — выпалила она совершенно бессмысленную фразу, — Если влюблённость остаётся без ответа, это ж сколько слёз будет пролито, сколько трагедий будет пережито лунными ночами! В конце концов, СКОЛЬКО ЧУВСТВ!!! А человек, как известно, существо тонкое и без эмоций жить, увы, не может. Ему без них никак нельзя, иначе я регулярно наведываюсь. А я, к твоему сведению, могу человека за очень короткий срок «выжрать» раковой опухолью изнутри. А так — влюбился, не спи себе спокойненько ночами, страдай, худей на здоровье! А самое главное — не скучай...

— Может, и мне кого-нибудь, того... полюбить, а? — решил пошутить я, да, как выяснилось, неудачно.

Мила сразу же напряглась и недо-о-обро так прищурилась:

— Ты, — говорит, — хочешь, так валяй! Но уж без меня... Как бы мне приятно с тобой болтать ни было, но от этой фигни меня всегда тошнит... Не могу я смотреть на этих соплежув. И не полюбить, а влюбиться. Я, если ты заметил, ни разу эти дурацкие отношения любовью не назвала.

Я задумался. И на самом деле, получается, что она постоянно говорила «влюбиться», «влюбленность», «влюбился»...

— А знаешь, почему я так разграничивала — влюблённость и любовь? А потому... Что я лично с НЕЙ знакома...

— Подожди, — перебил я её, — с «ней», это с любовью, что ли???

— «Таки да-а», как говорят у нас в Одессе. Мы с НЕЙ даже пиво пили.

Я никак не мог привыкнуть к её манере прыгать с серьёзного на шутку и обратно:

— Пиво? Какое ещё пиво?! — я вконец разозлился оттого, что она спокойно говорила о совершенно невозможных вещах.

— Какое это имеет значение? «Миллер», если тебе интересно. Больше ничего стоящего в том ларьке не было.

Я окончательно перестал что-либо понимать.

— И со влюбленностью я пару раз пересекалась. Так вот, с любовью она ничего общего не имеет. Даже ничуть не похожи. Я тоже сначала думала, что они хотя бы как сёстры должны иметь что-то общее. А когда разобралась, что к чему, так с первого взгляда теперь их различаю. Любовь элегантная, красивая, но при этом от неё силищей за метр тянет. Мнение своё имеет, а как остроумна-а-а... Уж и не говорю — за полчаса, пока пиво с ней тянули, я чуть живот себе не надорвала. А влюблённость... Так, пустышка — даже поговорить с ней не о чем. И сиськи у нее силиконовые, — зловеще прошептала она.

Я ничего не понимал.

— А я, думаешь, хоть что-нибудь в этой жизни понимаю? Ни

черта... Может, даже меньше, чем ты. Вот, например, что до меня никак не может дойти, что меня больше всего удивляет, это то, что они ещё как-то умудряются дружить. Нет, ну ты представляешь?

Я, как фарфоровый болванчик, покачал головой, соглашаясь заранее со всем, что она сказала, скажет или не скажет. Мне стало не по себе. Честно говоря, то, что я себя вёл как умственно отсталый, немного напрягало, но... Ничего с собой поделывать не мог. Все эти рассуждения и существа, о которых Мила-скука так спокойно повествовала, вызывали бурю эмоций и кучу вопросов, на которые, скорее всего, ответов не будет. Все эти абстрактные явления и чувства, вдруг суженные до вполне реальной физиологии и психики, удручали. Приобретая конкретные черты характера и внешности, любви-влюблённости-скуки превращались для меня во что-то непонятное и мистическое. А мне это вовсе ни к чему. Я так быстро свыкся с физическим образом своей смерти, потому что чего-то такого можно было ожидать: это не старуха в балахоне и с косой, но что-то подобное. Её образ, чёткий и конкретный, был собран в голове с самого детства, в отличие от эмоций. Максимум, как я мог персонифицировать любовь до этой встречи — это как пузатого карапуза с блондинистыми кучеряшками да с маленьким луком в пухлых ручонках. Когда же оказалось, что влюблённость — это грудастая деваха, любящая демонстрировать свои прелести, появляющаяся на публике чаще всего в белом и подписывающаяся на «Космополитен», моё представление о мире резко и бесповоротно изменилось. А я, по складу своего скучного характера, не люблю сюрпризов.

Тем временем, совершенно не обращая внимания на то, что я временно отключился, Мила продолжала тараторить:

— ...И, конечно же, такая дружба просто противоречит самой природе. Это всё равно, что общение «Запорожца» и «Феррари» — и смех, и грех. «Феррари», конечно же, Любка.

— Какая ещё Любка? — всё-таки не оставляя попытки хоть что-нибудь понять, уточнил я.

— Ну, Любка, Любаша, Любовь... Её кто как называет. Ах-х... — тяжело вздохнула с мечтательным видом моя разговорчивая зна-

комая, — ты бы видел, какая она красивая!

Ощущение, что я — абориген, оказавшийся в магазине бытовой техники, никак не хотело меня покидать.

— И всё равно, не понимаю я вас, людей, — она укоризненно посмотрела на меня. Сразу стало ясно, кому сейчас придётся отдуваться за всё человечество. — Уже какое тысячелетие эта дура, набитая опилками и воздухом, является более востребованной. Почему? — спросила она у кого-то неопределённого. — Нет, я, конечно, понимаю, что поначалу, когда двое только сближаются, влюблённость просто необходима, чтобы пара могла простить друг другу обоюдное несовершенство. Для этого она и была создана. Но ведь чаще всего отношения так и не перерастают во что-то большее, значимое, и большинство людей до конца дней или перебиваются попутными страстишками, жадно выбирая присутствие этой пустышки, или вообще перестают верить в существование Любаши, не до конца понимая, от чего, точнее, ОТ КОГО отказываются...

Остановившись, Скука коротко усмехнулась, успев смешать в этом жесте, как мне показалось, немного презрения с непониманием, и ещё — толику сожаления.

Мы молчали. Точнее, я уже давно не произнёс ни звука, давая девице в белых кроссовках «Асикс» наговориться в полной мере.

Тут Мила будто вспомнила, что вся информация предназначалась мне. До сих пор её взгляд был устремлен куда-то в стену, чуть повыше моего левого плеча. Но сейчас он остановился на моём лице.

— Тяжко даётся вся эта белиберда? — виновато спросила она.

— Если честно, то да! — искренне признался я. — Я, конечно, пытался, но... То, что ты говоришь, как-то... (я задумался, как выразиться более доступно) как-то уж сильно ПО-ДРУГОМУ, чем я привык.

Её взгляд упал в пол.

— Но мне и в самом деле было очень интересно. Честно... — поспешил я исправиться.

Мила улыбнулась:

— Мне тоже. Я и не думала, что ты всё сможешь понять: мы

ведь из разных пространств... И ещё... Спасибо, что умеешь слушать. Мне *так* важно с кем-нибудь язык почесать, ты даже не представляешь. А тут ты попался! Мне и вправду с тобой повезло.

Тут уже улыбнулся я — мне было приятно.

— Ну, пойду я, пора! — бодро вскочив с кресла, подвела она черту.

— Эй-эй, ты куда собралась! — запротестовал было я. — Не уходи, мне ещё скучно!

— Не ври, — засмеялась Мила и игриво толкнула в плечо, — мне тоже с тобой интересно. Надеюсь, больше не увидимся... — сказала она, как бы подразумевая «...хоть и хочу этого».

— Может, всё-таки удержишься, а? Я кофе вкусный сделаю? — попытался я ещё раз.

— Нет, серьёзно никак! Я на службе, пора лететь по следующему адресу. Уж что-что, а работой я не обделена.

— А может, как-нибудь, во внерабочее время?

Мила пронзительно засмеялась:

— А ты настойчивый! Ладно, коль назначаешь свидание... (я почувствовал, как мои щеки покраснели от хлынувшего смущения). Завтра в восемь на фонтане возле цирка. Устраивает?

Я согласно закивал.

— Только есть одно «но»...

— ???

— Ты должен меня узнать!

Весь мой вид выражал непонимание.

— Есть кое-какие правила. Не знаю, кем и когда они были придуманы, но подчиняются им все беспрекословно (я решил не перебивать и не спрашивать, а кто это — «все», ещё успею узнать). Долго объяснять, но если вкратце, то они будут звучать так: как только я выйду из твоего поля зрения, ты меня забудешь. Абсолютно ничего не останется у тебя в памяти: ни образа, ни голоса, ни запаха... Ни-че-го! Все уйдёт. Так положено.

— А как же...

Но она опередила мой вопрос:

— Напиши на листе, что тебе завтра нужно быть там-то, во столько-то и повесь на видное место. Только не пиши никаких

упоминаний обо мне, а то... Сам понимаешь.

— Так всё же, как я узнаю, что я вообще забыл на фонтане?

— Я сама тебя найду. От тебя требуется только прийти вовремя и сесть, немного посидеть. А за это я одену для тебя своё лучшее тело.

Я тяжело вздохнул.

— Да не переживай ты так, — подбодрила она меня и кокетливо подмигнула. — Всё будет замечательно! Ведь ты первый, кто спросил мое имя...

Скорее всего, в каждом городе есть «территория юности» — место сбора молодежи. Просто когда-то кем-то (конечно же, городскими властями) ставится памятник кому-нибудь, какой-либо известной личности общенационального или конкретно локального масштаба. Или же это может быть небольшой скучный скверик где-нибудь в центре. В общем, это должна быть чем-то выделяющаяся территория, чтобы её нельзя было ни с чем спутать, где можно шумно посидеть и *обязательно* в центре города.

Поначалу это самое место наводняют все, кому не лень. Но затем оно начинает набирать баллы среди молодежи. И вот уже по вечерам все близлежащие скамейки и парапеты оккупированы юнцами от пионерского до комсомольского возраста. Проходит ещё немного времени — и такой пятачок переходит из разряда обычного «места встреч с друзьями» во что-то большее — в знак. В символ свободы, раскованной молодости, опьянения и потешных сексуальных игривостей. В общем, всего, что так важно и дорого для людей с ветром в голове, шилом в заднице и достоинством в состоянии вечной боевой готовности.

Скорей всего, в каждом городе есть «территория молодости». Мой город — не исключение. Такое место-символ все называли коротко и просто — фонтан.

— Ты идёшь сегодня на «фантик»? — можно услышать слова, произнесённые разукрашенным подростком, буквально в любой точке города.

Почему именно фонтан стал местом дислокации юной поросли в попугаеподобных одёжках, понять несложно. Во-первых он находится в самом центре, с одной стороны упираясь в круглое здание цирка, похожее на созданную воображением бесталанного фантаста летающую тарелку, и торчащую над всем городом тощую телерадиовышку, а с другой — в так называемый танк — памятник, воздвигнутый на здоровенном куске бетона и служащий напоминанием о событиях далёкой войны. Присутствие человека среди такого скопления знаковых объектов действует гипнотически. По крайней мере, на меня.

Во-вторых, сам водомёт представляет собой зрелище впечатляющее, особенно для не привыкших к спецэффектам и качеству русских людей. На то и молодость, чтобы удивляться. Чем старше человек, тем меньше диковин способны вызвать у него это чувство. Фонтан, поражая, притягивал младое племя. Пляска кружащихся в хороводе струй, всполохи ярких цветов и сверкающие тяжёлые капли — всё это завораживало. А если к этому добавить гомон падающей воды, вводящий в транс спокойствия, то становится вполне возможным понять ещё одну причину выбора молодняком именно этого места.

Красный... И дерзкие струи возносятся к небу, забывая о силе тяжести и, в наказание за это, с грохотом обрушиваются, шумно ударяясь о зеркальную твердь в большом прямоугольном бассейне.

Зелёный... И танец, напоминающий о новогодней ёлке, пошёл кружить вальсом, перекрешивая, как шпаги, тонкие нити воды.

Жёлтый... И пик праздника обрывается тишиной, которой здесь явно не должно быть. Все замирают. Все ждут. Вот оно!

И полифония цветовой стихии вновь играет на полную мощь, раскрасив напрасное молчание всей палитрой радуги. Феерия в миг воскрешает гул веселья. Веселья, вечного спутника юности.

Так надо. Именно за этим сюда пришёл каждый.

Осень никогда не наступает сразу. Не бывает так, что, засыпая летним вечером, проснувшись, наутро видишь за окном сен-

тябрь. Всегда видна борьба — когда сезоны, заклятыми врагами вцепившись друг в друга, сражаются за право на жизнь. Битва может продолжаться целый месяц, а может всего лишь неделю. Только зачем? Ведь всё равно побеждает тот, которому суждено.

Осень благородна...

Каждый раз, из года в год, она блюдёт традицию — предупреждать, намекая людям, живущим с надеждой, что лето ещё хоть чуть-чуть продержится, о своей окончательной победе. Она повсюду оставляет сигналы, предупреждающие, что лето выбилось из сил, ослабло и готово пасть смертью храбрых.

Чтобы увидеть эти симптомы, достаточно открыть глаза, прислушаться, втянуть обновлённый воздух — и сразу становится ясно — пора доставать свитер и шарф.

Собираясь на фонтан, я напялил на себя побольше вещей. Под кожаной курткой, доставшейся от отца, потрепанной, но вполне сносной, моё тело защищал тёплый, связанный мамой, свитер, а шею укутывал, не давая вероятному ветру добраться до неё, шёлковый шарф. Оделся я специально потеплее. Не зная, зачем мне нужно быть на фонтане в восемь, но слушая внутренний голос, шептавший, что это **ОЧЕНЬ ВАЖНО**, я решил сделать всё возможное, чтобы уйти оттуда только по собственному желанию.

До пункта назначения остаётся всего пару минут.

В ушах играло именно то, что максимально подходило к выбранному месту, времени и ощущениям. Кажется, это был Софикс.

Я глубоко вздохнул, набрав тяжёлый, мокрый воздух в грудь, будто затянувшись сигаретным дымом. Пахло осенью.

Через дорогу стояли четырёхэтажные «сталинки» (громоздкие, с высокими окнами) тонущие в облаках с третьего этажа. Куда ни посмотри — над городом белёсой шапкой завис то ли дождь, то ли туман. Весь воздух состоял из воды. Из-за этого дышать становилось тяжело и свежо одновременно. Тяжёлая свежесть заполонила всё. Красные огни телевышки тонули в тумане.

Влага, собираясь на волосах и одежде в холодные капли, говорила, что она — знамение, символ побежденного лета.

Почему именно такой день стал спутником той встречи, мне

было непонятно. Хотя... Когда ещё может произойти что-то важное, кроме как в день падения лета, в день абсолютного торжества осени?

Пройдя, наконец, здание цирка, я достиг цели — мне открылся вид на фонтан. Невластный над собой, я замер. Алая кровь вместо воды била со дна каменного бассейна. Как же это красиво...

Несмотря на прохладу, почти перешедшую в холод, народа на тусовке было много. Видимо, ещё не постигнув или не желая понимать, что пришла осень, а вместе с ней — и пора работы-учёбы, люди моего города продолжали жить летом.

Скоро иссякнет водомёт, и накроют опустевший кратер тяжёлыми досками, готовя к зиме. Тогда только до них и дойдёт, что ушло что-то важное...

Завянет водяной цветок...

Я не без труда нашёл свободный кусочек парапета — буквально всё кишмя кишело людьми. В этом маленьком оазисе, среди уставшего за день города, царила фиеста — богиня праздника и веселья. Все, буквально все, на этом островке, совершенно не вписывающемся в общую картину вечно туманного города, жили. Или только начинали жить... Я чувствовал, как, войдя на эту территорию «неконтролируемой радости и вечной молодости», вся моя сущность (тело и душа, мысли и желания) противятся, не желают находиться здесь. Не знаю даже почему. Но интуиция или какая-то глубинная память подсказывала, что на этом самом месте есть что-то важное и я должен ЭТО найти. Конечно, глупо — «пойди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что».

Как когда-то сказал брат, когда я не смог купить вовремя билеты на концерт моей любимой группы и, сидя в квартире, мучился, не зная, как поступить: «Если останешься дома, то тогда, сто процентов, на концерт не попадёшь...». Тот урок мне запомнился надолго, наверное, потому, что концерт был обалденный, особенно когда я смог на него попасть даже без билета, всего

лишь оторвав зад от насиженного дивана.

Усевшись, я первым делом достал из пачки сигарету и, прикурив, начал, от нечего делать, смотреть на шевелящийся внизу муравейник. Глаза рыскали, перепрыгивая с одного лица на другое, в поисках... М-м-м... В поисках впечатлений... Я просто был уверен, что найдя то, что ищу, сразу же это почувствую.

Так, проведя в безуспешных потугах некоторое время, я решил положиться на судьбу и больше не прикладывать никаких усилий. И, чтоб закрепить своё решение, залез в пакет с провизией, предусмотрительно захваченный с собой. Пачка чипсов, три банки «Туборга» и интересная книжка — вот и всё необходимое. С таким запасом я могу пережить хоть потоп. Нащупав прохладную банку, я достал её и вскрыл, с удовольствием отхлебнув. «Всё одно, с пивом время течёт быстрее», — поймал я себя на мысли.

Не знаю, сколько прошло времени, пока, переводя взгляд на очередное (по идее ничего не значащее) лицо, я не наткнулся на глаза, упорно меня изучающие. Взгляд принадлежал молоденькой девушке. Вокруг неё гудела очередная шумная компания. Но она тихонько сидела на ступеньках сцены, обняв колени руками. Смотрела и улыбалась... Мне.

Рыжие волосы, скрывающие плечи, синие, потертые джинсы, рюкзак по левую сторону и улыбка как неотъемлемые черты её имиджа.

Я встал, подобрав пакет, и направился к ней. По пути, пока я приближался, к её образу добавлялись всё новые черты: румяные, будто накачанные алкогольным весельем, щёки, усыпанное веснушками лицо и глаза, то ли зелёные, то ли карие. А ещё — улыбка... Оказалась с чувственностью юношеской наивности и верой в хорошее.

Я бы даже сказал, что девушка была красива.

— Привет, — приблизившись к ней, поздоровался я.

— Привет, — улыбнулась она мне сияюще, смешно прищурив глаза.

И я, как дурачок, стоял и улыбался ей в ответ, наверное, пото-

му что был счастлив. Ведь я всё-таки нашёл...

Так начался в моей жизни год «разума и сердца» — осознания и чувств. И в этот год я совсем забыл о красном клубке, закинув его под кровать.

Я погрузился в настоящее и начал неосознанно искать себя в НАС.

Даже спустя целый год, а затем — и всю жизнь я так и не разобрался, какого цвета у неё глаза. Видимо, всё зависит от настроения. Когда ей хорошо, они становятся зелёными, а когда плохо — карими.

Наверное, так...

Когда человек дорог тебе, всегда хочется сделать для него или неё что-нибудь ВАЖНОЕ, что-то ЦЕННОЕ, а может быть, даже ГЕРОИЧЕСКОЕ. В общем, сделать что-то такое, что сблизит и свяжет ещё сильнее.

И это *что-то* ни в коем случае не должно отдавать ни каплей банальщины, иначе всё будет испорчено.

Но чтоб без банальности — мало, нужно что-то... м-м-м... что-то... ЧТО-ТО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВАЖНОЕ!

Не в том смысле, что оно должно существовать на самом деле, в реальности... Нет. Оно может быть и в воображении, оно даже может быть абсолютно невыполнимо. Причём невыполнимо никогда, ни при каких обстоятельствах, ни из каких соображений. Не это главное. В принципе, можно всего лишь мечтать, думая, как было бы здорово совершить ВАЖНОЕ для неё. Просто так, не для чего-то, только лишь потому, что я её очень люблю. Когда об этом мечтаешь, сердце окутывает тёплая пелена и приходит чувство, что она для тебя становится ещё ближе.

Вот только надо для себя решить, что же это такое будет — НАСТОЯЩЕЕ И ВАЖНОЕ.

Внутри есть ощущение, как же она дорога и любима, но ощущение это внутри. Оно абстрактно и метафизично. Его нельзя

просто так выразить. Ведь оно ВНУТРИ...

Можно, конечно, попробовать словами или движениями, прикосновением, жестом, или рисунком. Только это — не то, бесполезно. Всё равно, как ни пытайся, то, внутреннее чувство к ней, то, какая она для меня, как я её вижу и себя рядом с ней, будет искажено ограниченностью моего физического тела.

Жаль...

Ведь так хочется показать, какая *она для меня ТАМ*, в глубине мыслей и чувств. А как это можно сделать? Только поступком... Только дела никогда не умирают. Только совершив что-то ВАЖНОЕ, я действительно смогу выразить свою любовь...

Не знаю сам, как я нашёл, буквально наткнулся на ТО, ВАЖНОЕ, свершив которое, смог бы всецело запечатлеть ОБРАЗ НАС, ЖИВУЩИЙ ВО МНЕ.

ВАЖНОЕ было заложено в песне. Именно она рассказала мне, не произнеся ни слова, о моём мужестве и безрассудстве, равном *её любви*.

Мелодия шептала, проникая внутрь и превращаясь в образы. Музыка, будто только что произнесённые слова, несла смысл, киноплёнкой прокручивая в голове цветные картинки. Мне лишь оставалось закрыть глаза и смаковать ощущения, мурашками расползающиеся по телу.

Веки сомкнулись, и моё сознание окутала тьма. Но ненадолго. Вдалеке появился маленький огонёк, скорее даже лучик. Где-то очень-очень далеко. Музыка играла, управляя им, заставляя приблизиться, дабы я мог разглядеть, что было в нём сокрыто. То самое ВАЖНОЕ, что до конца способно рассказать о нас, было заложено в композиции Babylon группы Gregorian.

И вот, наконец, свет ударил в очи. Они ослепли, ни видя ничего, кроме безупречной, божественной белизны.

Музыка вещает...

Постепенно, не спеша, словно властвуя над временем, на белом экране моих незрячих глаз стали проявляться тени, смутные очертания человеческих фигур. Поначалу размытых, но с переливами вступительных аккордов, все более чётких и осязаемых.

И вот я узрел просторную комнату...

Хотя был я ещё совсем молод и многие, вроде бы совершенно обычные вещи могли меня поразить, такому явлению, как *говорящая музыка*, я совершенно не удивился. Всё-таки, какой-никакой, жизненный опыт у меня был и с *этим* я уже сталкивался.

В мой город приехал известный питерский арт-терапевт. Ну, арт-терапия — это когда с помощью различных элементов искусства (живописи, музыки, танца и тому подобного) человек латает свои душевные дыры.

Изучая воздействие музыки, нам, психотерапевтам, необходимо было опробовать одно упражнение на себе. Мы закрывали глаза, включалась музыка, и образы, всплывающие в процессе звучания, потом переносились на бумагу и исследовались. Идея понравилась сразу, заинтриговала и породила желание ринуться в бой.

В звучавшей из маленького бумбокса музыке, выбранной для упражнения питерцем, было что-то восточное, может, даже цыганское. Мелодия исподволь порождалась скрипкой, степенно набирая уверенность, сливаясь с гитарой; ближе к середине уже во всю мощь взрывалась карнавалом, а в конце снова обретала скрипичный голос, резко оборвавшись и забрав с собой всю яркость разбушевавшейся феерии.

Мне привиделись сидящий в позе лотоса узкоглазый мужичок и танцующая перед ним грудастая девица с кокетливо-эротично прикрывающей лицо шёлковой полупрозрачной вуалью. Бо́льшей фантазией на тот момент я, видимо, не обладал. Поэтому и пришлось ограничиться таким простым образом.

В группе из двадцати пяти специалистов каждый создал неповторимый «шедевр»: от ярких красочных тяп-ляпов до вполне профессионально изображённых сочных полянок, залитых солнечным светом. Хотя все рисунки и были сделаны на скорую руку, минут за пятнадцать, выглядели они вполне сносно.

Дорисовав, все выставили свои творения напоказ.

Петербуржец, следуя по кругу, внимательно всматривался в

каждый рисунок, неопределённо кивая и «дакая». Осмотрев всё, он подошёл к одной девушке, работающей (как она представилась вначале) в какой-то сельской школе, и, наверное, поэтому имеющей специфический говорок. Взяв её работу, маэстро спрятал рисунок за спину. Так, чтоб никому не было видно. Затем сотворил, приложив указательный палец к губам, знак молчания. Этот жест предназначался девице-автору рисунка.

В следующую секунду он, откашлявшись, громко спросил: «Как вы думаете, какое название у этой песни?».

Я сразу же пожалел, что не обратил внимания на эту картинку, ибо именно там, видимо, скрывалась разгадка названия композиции.

Посыпались догадки: «Рождение и смерть», «Бренность», «Рассвет», «Песнь души» и так далее. В принципе, все эти названия подходили звучавшей мелодии. Но мужчина с заложенной за спину рукой, стоявший посреди просторной аудитории, только неумолимо качал головой. И, кажется, я начал понимать, почему...

Закрыв глаза и вспомнив недавно звучавшие ноты, почувствовал, что из них рождается что-то совершенно неожиданное.

Скрипка. Спокойная, безмятежная, но, в то же время настойчивая, неотступно идущая к цели — прохладе... Ленъ и долгая, почти бесконечная дорога. Вот гитара и барабан отстукивают ритм шагов... Точно! Пустыня!!!

В этот самый момент, когда я увидел ранее не замеченное, пытливые голоса иссякли. Послышалось шуршание бумаги и вслед за этим голос маэстро: «Что вы видите на рисунке?».

Я открыл глаза и посмотрел на листок, висевший на вытянутой руке над головой питерца.

Вот оно!

Вот то, что ускользало от меня, но исходило духом из колонок бумбокса. Как же я сразу не увидел?!

Пустыня. Песчаные барханы. Утреннее солнце и казённо выстроившиеся в ряд, бредущие с ленивой небрежностью верблюды.

КАРАВАН!!!

— Караван! — нетерпеливо выкрикнул кто-то заветные слова.

— Вот именно, — довольно, скорее, даже победоносно, закивал мужчина, — группа называется «Израиль», а композиция — «Караван».

Только одна, самая простая и открытая, смогла услышать музыку. Только она на тот момент была свободна для неё.

Чуть позже я повторил упражнение у себя на работе с моими маленькими пациентами, где-то от семи до одиннадцати лет. Дети с удовольствием, закрыв глаза, слушали музыку, а затем воплощали услышанное в образы на бумаге (я их заранее рассадил их так, чтобы они не могли подсматривать).

У детей на рисунки ушло около получаса. Затем ко мне на стол легло тринадцать листков, на одиннадцати из которых неумело, размыто детскими ручонками были изображены чудаковатые, выстроенные в ряд животные, лишь отдалённо напоминавшие верблюдов.

Большинство детей даже не знали такого слова «караван», зато прекрасно умели *слышать* ЖИВУЮ музыку и понимать её. В отличие от нас, ограниченных условностями, закупоренных в собственные бочонки опыта и мозгов, людей, гордо называющих себя ВЗРОСЛЫЕ.

И вот я увидел просторную комнату...

И вот я увидел просторную комнату, посреди которой сидит на коленях мужчина. Я его вижу со спины: длинные светлые волосы, завиваясь на концах, спадают на широкие, обнажённые, как и спина, плечи.

Он настораживается, будто чувствуя, что в комнате присутствует кто-то ещё, что я наблюдаю за ним. Это видно по тому, как он медленно, не пропуская и сантиметра, обводит комнату взглядом, но, ничего не заметив, возвращается к прежнему занятию.

Как бы витая в воздухе, я двигаюсь, а вместе со мной меняется и угол обзора.

Теперь я вижу, что мужчина играет с ребёнком, совсем ещё

маленьким — год или около того. Оба смеются, увлечённо наслаждаясь игрой. Я понимаю, что малыш — сын мужчины.

В своём веселье они не замечают, как в дверном проёме, скорее всего ведущем в соседнюю комнату, появилась женщина. На вид — не больше двадцати пяти. Её тело обременено большим круглым животом. Она застывает между комнатами, и, прислонившись к косяку, смотрит, улыбаясь, на счастливых сына и мужа. Налюбовавшись их весельем ещё немного, она присоединяется к ним, и уже втроем они продолжают наслаждаться друг другом.

Я начинаю осматриваться. Грубые на вид, пылающие холодом стены из отёсанного камня. Вместо стёкол — кое-как скреплённые бечёвкой засохшие стебли, способные защитить, разве что, от палящего солнца. Под окном — стол и пара стульев, таких же грубых, как и всё вокруг. Такие я видел в голливудских фильмах про варваров.

Тут-то до меня и доходит, что я явно попал в очень далёкое время, задолго до моего рождения. Варвары?

Пока я ничего не слышу, кроме постепенно нарастающей музыки. Но и этого достаточно, чтобы понять: сейчас что-то произойдёт. И я опять гляжу на безмятежно резвящуюся троицу.

Так и есть!

В комнату буквально влетает чумазый парень и, задыхаясь, что-то кричит людям в комнате. Секунда — и он исчезает туда, откуда пришёл.

Я всматриваюсь в лица оставшихся. Глаза женщины расширены то ли от ужаса, то ли от безысходности. Она вцепляется в руку своего мужчины и, пытаясь поймать его взгляд, что-то говорит, почти кричит ему. Но тщетно... Его глаза, устремлённые в одну точку, пусты. Там холод. Кажется, он принимает какое-то ВАЖНОЕ решение.

Вдруг его глаза оживают, он поворачивается лицом к жене и что-то коротко говорит ей.

Её лицо прорезают реки слёз. Он прижимает её к себе. Теперь молчит она. И только всхлипы судорогами взрывают её тело.

Всё это время несмышлёныш потерянно смотрит на родите-

лей, ничего не понимая, кроме того, что мама плачет. Кроха видит это впервые за короткую жизнь, и ему тоже почему-то хочется плакать.

Мужчина одним сильным рывком встаёт, помогает подняться супруге и лишь затем берет на руки сына. Малыш обхватывает как можно крепче его шею и пытается увидеть наполненными слезами глазами, что же с мамой. Та смотрит на сына и улыбается ему. А её лицо, по-прежнему, в слезах. Ребёнок ещё не знает, как можно плакать и улыбаться одновременно.

Мужчина берет её, ничего не понимающую, за руку и ведёт, словно куклу, к выходу, надёжно придерживая сына.

На улице до безумия яркое солнце.

Я взлетаю в небо, и, после того как глаза привыкли к свету, открывается вид на деревню. Хотя то, что я вижу, и деревней назвать сложно: пара десятков разбросанных как попало, таких же каменных домов, защищённых соломенными крышами, небольшая овальная площадь в центре, покрытая утоптанной пыльной землёй. Деревня стоит на холме. С трёх сторон домики окружены густым лесом, и только с одной вниз ведёт узкая протоптанная дорожка, уходящая под откос.

Село наполнено движением. Игрушечные люди суетятся, второпях что-то несут или тащат, явно к чему-то готовясь — кто-то бежит из дома в дом, кто-то сидит на месте, обхватив голову руками, кто-то...

Людей внизу не так много, поэтому легко можно проследить маршрут движения той самой семьи. Они подходят к краю леса, где их уже ждёт группа людей, в основном состоящая из женщин и девушек, прижимающих к себе маленьких детей. Ни старика, ни подростка... И всего несколько мужчин.

Он передаёт ей сына, которого женщина принимает, как самую ценную из хрупких вещей. Она что-то тихо говорит ему, затем, крепко обняв свободной рукой, целует в губы, долго, как можно дольше. Столько, сколько может позволить время.

Все ждут.

Он отрывает жену от себя, коротко целует сына в макушку и, резко развернувшись, решительно уходит обратно, в сторону бе-

готни и суматохи, так ни разу и не обернувшись. Она смотрит, как муж уходит, ожидая хотя бы ещё одного, последнего взгляда.

Мужчины, возглавляющие группу женщин, кричат и все двигаются в лес, пробираясь сквозь заросли кустарников и исполинских елей. До последнего, пока муж не скрылся из виду, женщина оборачивается в надежде, что обернётся и он.

Он не захотел, чтобы жена видела в этот момент его лицо, его мокрые глаза и застывшее в них отчаяние. Убедившись, что все, кто должен, скрылись в лесу, он сменил шаг на быстрый бег. Очутившись в своем доме, он забежал в комнату, в ту, из которой вышла она. Спустя минуту он уже вышел из своего жилища, держа в руке блестящий на солнце меч...

Сейчас я видел перед собой воина, готового сражаться, когда это необходимо, за тех двоих, проглоченных лесом. Точно так же, как я видел отца и мужа, дарившего свою любовь, когда позволяло время. Точно так же, как я видел охотника, дарующего жизнь семье своим трудом, когда приказывал долг. Он страж, не задающий вопроса: «Почему и зачем я должен это делать?». Он — слуга своей любви, говорящей, что любой ценой двое самых близких людей должны выжить.

И он идёт. Идёт, держа в правой руке кусок отточенной смерти. Идет в молчании. И рядом с ним, плечом к плечу, идут ещё около сорока мужчин, парней, стариков — таких же рыцарей пылающего сердца. Идут, слушая последнюю в жизни тишину.

Тёплый ветер, прощаясь с ними, пытается очистить их горячие тела, заполненные отвагой и святой верой.

Они подходят к спуску с холма, по которому каждый из них тысячи раз спускался за водой к речушке у подножья. Сейчас та самая река, дарующая на протяжении веков им и их предкам жизнь, выполняет совершенно другую функцию. Сейчас она — граница. Грань, за которой смерть...

Многотысячное войско, стирающее с лица земли не то, что деревни — великие города, созданное с одной целью — разрушать, раскинулось перед ними в своем ужасном величии. Тьма, море людей, обученных воинов, уходила к самому горизонту, почти касаясь его.

Мужчина усмехнулся. «Глупо, конечно, — подумал он, — но это очень красиво».

Музыка набирает мощь, подходя почти к финалу. И вместе с ней звучит клич вождя: «А-а-а-а!!!»

Почти сорок глоток срываются в крике, поддерживая его, и бросаются навстречу гибели. Они несутся, заноса мечи для удара.

А навстречу им, разрывая воздух на куски, летят сотни стрел, чтобы впиться своими жалами в сердца людей, умеющих любить.

Как подкошенный, он падает и катится по склону, достигая воды.

Его тело заливается живой краской, проткнутое бесчисленным количеством игл.

Музыка стихает.

Его взгляд устремлен в воду, на которой, как на холсте великого творца, отражается спокойное небо. На лице — чуть заметная улыбка. Конечно же, он думает о ней.

Тишина...

Отдать жизнь, глупо, абсолютно бессмысленно, только лишь для того, чтобы дать тем ДВОИМ фору ещё в две скоротечных минуты и, вместе с ними, чуть большую надежду на жизнь.

Совершить хотя бы раз в жизни что-то НАСТОЯЩЕЕ...

Да, оно невыполнимо, может, даже абсурдно.

Да, я не знаю, смог бы поступить так в самом деле или это только фантазии труса. Не знаю...

Но сейчас, глядя на неё, спящую, я понимаю, что поступить *так* — СОВЕРШИТЬ ПОСТУПОК, смог бы. Для неё смог...

Я люблю работать по ночам. Не потому, что я — сова, и не потому... В общем, просто люблю!

Никто не мешает остаться наедине с собой. Никто (от доброты ли, со злости ли) не сбивает чувства, беспардонно врываясь с собственной жизнью в мою комнату. Нравится, что могу сам выбирать, тишина или музыка будут окружать меня. А это немало важно.

Или вот... Тихо играет музыка, потому что все уже давно спят, а ты сидишь, освещённый тусклым светом настольной лампы, за своим любимым (таким, как ты всегда хотел) рабочим столом и что-нибудь печатаешь, читаешь или обдумываешь. А в животе булькает попрошайка, что, в принципе, немудрено: ведь ужин далеко позади. Ты встаёшь и направляешься, шлепая босыми ногами, через коридор по холодному линолеуму, пока пятки не пронзит мороз кухонной плитки. Затем, освещая мрак лампочкой и законсервированными запахами холодильника, выбираешь внутри морозного ящика «что повкуснее» и, громко чиркнув спичкой, зажигаешь газовую конфорку, чтобы водрузить на неё тяжёлый чайник.

Спустя N-ное количество минут ты, всё так же, ну, может чуть медленней, аккуратно становясь на носочки, топаешь обратно к себе в комнату, держа в одной руке чашку горячего, с молоком и двумя чайными ложками сахара, кофе, а в другой — небольшую тарелку с бутербродами. Наконец, ты открываешь дверь в свою комнату и...

...Застываешь на пороге. Потому что пытаешься поймать ЭТО ощущение, осознать происходящее в тебе.

Ты смотришь на стол, придвинутый вплотную к стенке (специально так, чтобы создавалась иллюзия отдельного кабинета) с лежащими на нём рукописями, книгами и горящим дисплеем. Смотришь на бедно освещаемую настольной лампой, спящую поверх незастеленного дивана, укутанную в толстенное одеяло твою рыжеволосую Милу. Смотришь...

...И понимаешь, что вот она, твоя жизнь, именно такая, о которой мечтал, которую так хотел. Твоя жизнь — это стол, на котором лежит то, что создаёшь *ты*, *ТЫ СО-ЗДА-ЁШЬ*... И диван, на котором та, что создаёт тебя — любящего и живого.

Я, окаменев, стоял на пороге комнаты, воздух в которой был наполнен спокойствием Moby. Его “Guitar, flute & string” концентрированной правильностью и уверенностью в выбранном мной пути опутывали комнату-жизнь.

Вдыхать звуки, чувствовать плоды своего ВЫБОРА, наслаждаться ЕЁ сном — всё это достойная награда за то, что когда-то,

принимая решения, я советовался со своими желаниями и чувствами, затыкая писклявый голосок мозгов-праведников.

Я вдохнул, шмыгнул носом и направился к столу... Жить дальше...

Не знаю даже, как получилось, что, сидя с ней рядом, я совсем перестал ощущать ЭТО. Просто однажды я понял, точнее, осознал, прислушавшись к себе, что больше её не чувствую. Именно так...

У меня внутри, как в шкафу у чистюли, все разложено по полочкам. Все чувства, зная свое место, заполняют мое внутреннее пространство. И вот, как я уже говорил, однажды, сидя рядом с ней, я вдруг осознал, что одна из этих полочек с чувствами пуста, что на ней больше не теплится энергия и что рядом с ней я уже не испытываю эмоций, которые должны быть у любящих друг друга людей... Или хотя бы пытающихся делать это.

Без чувств друг к другу мы стали будто соседями в троллейбусе — сидим рядом, каждый в своём мире. К миру другого — полное безразличие. Каждому в разные стороны. Вместе, ненадолго, пока кто-нибудь из нас первым не доедет до своей остановки. И даже тела уже не привлекают. Именно так...

Она для меня стала безразличной соседкой по сидению в троллейбусе.

Как мне кажется, Мила начала испытывать то же самое. Она вдруг начала замечать у меня в поведении и внешнем виде, то ли «появившиеся ниоткуда», то ли просто ранее неучтенные неприятные мелочи — то пузо слишком волосатое, то ноги, оказываются, воняют...

Нет, конечно же, всё это было у меня и раньше, но почему-то тогда моим недостаткам не придавалось *такого* значения, она считала их «мелочью», или, ещё лучше, «особенностью характера». Потом все мои достоинства незаметно канули в Лету. Остались только недостатки.

Я же, в свою очередь, был занят собой и недавно приобретён-

ной жизненной целью — усердной ловлей каждого момента. Я наслаждался музыкой, одиночеством и собой. Она говорила, что хочет движения, танцев и надёжности. Я же смотрел в себя, забывая об окружающем мире, и отвечал ей, что мне нужно совсем другое.

Так оказалось, что нам выходить совсем на разных остановках. Мы выдохлись, слушали только собственные голоса и тянули одеяло, естественно, каждый на себя. На том и порешили.

Мила приехала с соревнований, где успела узнать, что я, оказывается, не пуп земли и на мне свет клином не сошёлся, а есть ещё и другие, вполне достойные внимания. Мы встретились, и она мне тактично объявила о своем решении, а я лишь вздохнул с облегчением, потому что хотел только одного — чтобы весь мир меня оставил в покое и не мешал в полной мере наслаждаться собственным аутизмом. И всё стало так, как я хотел, но...

Счастье и полная гармония с собой длились недолго. А именно, пока я не начал выбираться во внешний, реальный мир. Общаясь, играя, думая, работая, занимаясь любовью, смотря телевизор, танцуя... Я ощущал, что что-то не так, мне чего-то не хватает.

То есть я вполне наслаждался жизнью, но... Чувство целостности покинуло меня. Будто отрезали палец или ухо...

Ощущение прежней наполненности вновь растекалось по моему телу колючим электричеством только раз или два в неделю, когда мы вдвоём ходили гулять, притворяясь друзьями. Лишь глядя на неё, НЕ МОЮ, я понимал, ЧТО потерял нечто важное. ТО, ЧТО теперь недоступно.

Девчонки, начавшие периодически появляться у меня на пути, так и оставались неинтересными однодневками, назойливым спамом. У меня никак не получалось воспринять их спутницами, идущими со мной бок о бок по этой странной дороге.

Я смотрел по сторонам и видел лишь армии клонированных принцесс, поклоняющихся ИДЕАЛЬНОЙ КРАСОТЕ, упаковывающих себя фейерверками цветов и радужными лицами, набивающих себе цену несуществующим, иллюзорным совершенством тела, улыбки и взгляда. Красоток, превращающихся, как в

сказке, в обыденные тыквы, в золотой прах сразу же, как пытаешься узнать их настоящих. Пустышек-обманщиц, обещающих неземные наслаждения... Но после снятия красивого фантика оказывалось, что внутри ничего нет, кроме затхлости.

Или видел столько уникальных личностей, пытающихся выделиться поступками, одеждой или словами, что их яркие цвета смешивались с такими же цветами других «уникальностей» в неразличимую серую массу, превращая талант в банальность.

Без неё да и рядом с ней я не был слепцом, не закрывал глаза, иногда даже заставляя себя смотреть по сторонам. Но результат оставался тот же...

И хорошие, и плохие, и глупые, и умные, и красивые, и страшненькие — все они оставались не той, превращая и так уже бунтующее сердце в уголёк отчаяния...

— Выбери! — приказало мне сердце.

Ещё только подъезжая к месту встречи, я уже знал, что скажу ей. Знал, потому что ВЫБОР был сделан. И даже не я выбирал, хотя и считал себя всю жизнь хозяином собственной судьбы. Где-то внутри, там, где физическое тело переходит в то, что нельзя потрогать и измерить, что-то неподвластное мне бурлило и переворачивалось. Нечто, изначально лишённое формы, преображалось, превращая груды кирпичей в крепкую стену; куски никчёмных пазлов — в драгоценную мозаику, где волею всемогущей и вечной стихии было запечатлено моё РЕШЕНИЕ. Решение, заставляющее беспокойный и сомневающийся разум пасть ниц перед чувствами. Ведь именно они за меня сделали ВЫБОР.

Первым делом, выйдя из троллейбуса, я направился в «Космос» — торговый центр недалеко от вокзала. Там, быстро найдя нужную точку, купил пиратский диск со всеми частями «Властелина колец». Прокрутив несколько эпизодов, продавец убедил меня, что качество вполне приличное. Ей понравится, а это — главное.

До назначенного времени оставалось семь минут. Ровно столько мне понадобится, чтобы дойти до библиотеки, где она

меня должна ждать. Мы договорились встретиться не в самом здании, а перед ним, на лавочках вокруг небольшого шарообразного фонтана.

Окрест меня идеальный день: «самое то» сочетание солнечного тепла и охлаждающего ветра — буквально всё боги подобрали со свойственной им точностью. Ровно столько солнца, сколько нужно, чтобы не было жарко; ровно столько ветра, чтобы не было холодно. Тело входит в гармонию с природой, и хочется жить...

Заметить, как она спускается по ступенькам библиотеки, было совсем несложно. И дело не только во внешности, точнее, дело совсем не в том, как выглядит. Конечно же, белоснежная блузка с глубоким декольте, в меру и со вкусом обнажающим красивую грудь, вельветовая тёмная юбка и симпатичные туфельки с округлыми носами на высоком каблуке... Выющиеся рыжие волосы, непослушные, разбросанные ветром, серьёзное лицо и улыбающиеся глаза, то ли зелёные, то ли карие... Сыграли роль. Но всё это не при чём. Мне кажется, что я её могу узнать всегда, везде и при любых обстоятельствах. Потому что сам её образ для меня «самое то». В домашней ли она майке, на несколько размеров больше, чем нужно, с аппетитно выпирающими сосками... В вечернем ли платье, умело подчеркивающим упругие ягодицы и врождённую женственность... В любой одежде или вообще без неё, в скверном настроении, или окруженная аурой счастья... Мила всегда была для меня... м-м-м... яркой... Она всегда была **ОСОБЕННОЙ**... Даже сейчас, когда мы не вместе, среди десятков людских обликов я сразу же замечаю именно её.

Созерцать её и думать, что она не играет в моей жизни никакой роли — было бы нечестно.

Голова, как всегда, пыталась заглушить истошный крик сердца, забив гордостью уши, высокомерием — глаза и ложью — рот, хотела обмануть мои чувства, подменив их мифическими принципами и выдуманными правилами. Обмануть себя, доказать, что мне она не нужна. Что я могу получать полное, насыщенное удовольствие от жизни и без неё. Что мне с ней не интереснее, чем с другими. Что мне плевать на происходящие в её жизни со-

бытия, на её успехи и неудачи. Что баб-однодневок мне хватает и я не считаю её сексуальной. Что я больше не хочу её. Что без неё я не чувствую себя, будто лишился чего-то важного (не необходимого, как воздух, а именно важного).

Я не люблю издеваться над собой, я не гордый, поэтому у меня нет причин, чтобы мучить себя или чем-то ограничивать...

«В любви правил нет! Нет правил! Нет...» — твердило сердце.
Я её не отдам!

— Я тебя не отдам, слышишь?.. — тихо из-за застрявшего в горле комка сказал я ей, тупо уставив невидящие глаза в заплёванный асфальт, — Никому... Как бы его ни звали и кем бы он ни был. Дело вообще не в нём... Дело во мне. Мне тебя не хватает... И... Я хочу быть с тобой. И буду... За тебя бороться. Потому что уже сделал ВЫБОР. Я ВЫБРАЛ ЖИЗНЬ С ТОБОЙ.

Я посмотрел на Милу. Она плакала...

— У меня к тебе одна просьба, — шёпотом, одними губами произнесла она. — Перестань меня мучить... Пожалуйста... Я почти свыклась быть не с тобой...

В тот день я выбрал её.

На следующий позвонила она и предложила в пятницу на день съездить куда-нибудь:

— Просто побродим по незнакомому городу, — уговаривал её голос в трубке.

В пятницу она выбрала меня...

«В трёх шагах» от остановки, на которой я стоял, дожидаясь нужного автобуса, находился педагогический колледж — «педула», как его ласково называли. Выпускал он, по большей части, воспитательниц. Наверное, именно поэтому рядом со мной, в основном, теснились небольшие группки девчат, так же, как и я, ожидающих подходящий транспорт.

Глаза беспорядочно шарили по окрестностям и повсюду натыкались на дары тёплых дней — короткие юбки и тоненькие по-

лупрозрачные майки, сплошь доставляющие мне удовольствие.

— Люблю лето! — восхитился я вслух.

Достав из кармана мобильник, глянул, сколько ещё осталось ждать. Оказалось — всего минут десять. Хм-м, я думал — больше...

Минут через десять Мила должна показаться в дверях автобуса и поманить улыбкой, чтоб я запрыгивал к ней. Затем все мы вместе (я, она и автобус) двинемся дальше по своим делам. А пока, коротая время, я рассматривал (чисто из эстетического интереса, разумеется) загорелых прелестниц, в изобилии окруживших меня. Взгляд, оценивая очередную «достопримечательность», вдруг замер... Замер, как бы говоря, чтобы я включил мозги и сосредоточился. Чтобы из спящего режима «на автомате» перешёл в онлайн.

Это была девушка... Девушка-дежавю.

Хотелось постучать костяшками пальцев по упрямому, как неисправная техника, лбу, чтобы вспомнить, где же я её всё-таки лицезрел? И ведь не просто видел... Ощущение, что её образ уже мелькал в моём прошлом, заставляло усердно сканировать строптивую память.

Девица стояла почти у самой дороги, одной ногой касаясь бордюра, разделявшего проезжую и пешеходную части. Вытянув шею и слегка прищулив глаза, она высматривала приближающийся транспорт. Весь её вид говорил о том, что она безумно торопится. Казалось, эта спешка и беспокойство могли передаться любому, кто обратит на неё внимание — так очевидно она нервничала.

И это можно прекрасно понять — наверное, каждый человек оказывался в подобной ситуации, когда очень-очень спешишь куда-то и готов сделать буквально ВСЁ, чтобы ускорить собственное перемещение в пространстве. Но вот беда — от тебя абсолютно ничего не зависит. Единственное, что ты можешь — ждать. И от того, что ничего не в силах сделать, охватывает такое отчаяние... А автобус или маршрутка, конечно же, паразиты, не едут...

Я смотрел на девушку, пытаясь вспомнить и, вместе с тем, одновременно любовался её манерой нервничать: у неё это получа-

лось как-то по-особенному, забавно и деловито. Я бы сказал, она, как «вздёрнутая»...

«Да уж, — подумалось мне, — звучит почти как «повешенная». А что поделаешь? Более точного определения в голову не приходило.

Вдруг она напряглась всем телом, как струна, и на секунду замерла, словно прислушиваясь к чему-то и боясь пошевелиться, дабы не породить лишнего звука. Затем ме-е-едленно стала разворачиваться, попутно рыская глазами в толпе, ища что-то или кого-то. Так и считывалось: «...Лицо... Не то... Следующее... Чёрт!.. Тоже не то... Следующее...»

Я с любопытством наблюдал за её поисками, пока не заметил, что глаза, наконец-таки, остановились, найдя нужное.

Она смотрела на меня...

Внутри что-то тяжёлое бухнуло по желудку, заставив вздрогнуть. Лицо «вздёрнутой», смазливое, созданное в лучших традициях вездесущей Барби, выражало удивление, граничащее с шоком. Ещё несколько секунд — и она смирилась с моим присутствием. Теперь мышцы-струны на лице, обессилев, разрушили этот тотально мобилизованный облик, превратив вновь приобретённую свободу мимики в спокойствие и пассивный интерес ко мне.

Два шага — и она оказывается в полуметре от меня.

— Узнал? — ухмыльнувшись, спросила она.

Узнали ли я её? Ну-ка...

...Девушка в моей квартире... Разговор... «Асикс»... Скептицизм... Мои банальности... Потеря интереса... Её скука... СКУКА!!!

Все, казалось бы, оставленное навсегда в прошлом (как она тогда обещала), стало чётким и осязаемым. Я понял, кто эта девушка и почему я так мучительно пытался, но не мог её вспомнить...

— Это ты? — на автомате, даже не подумав, выдал я самый бессмысленный вопрос из всех.

— Узнал, — удовлетворённо кивнула она, — а я тебя ждала в тот вечер на фонтане... — она отгородила от меня свои чувства

грустной, но уверенной улыбкой, не давая возможности понять, что же с ней происходит на самом деле.

— А у меня... — попытался я рассказать о том вечере и о произошедших впоследствии событиях, да и вообще, о том, *как* менялась жизнь. Но она перебила меня, покачав головой, мол, «не надо».

— Я в курсе, — она обернулась, чтобы посмотреть на подошедший автобус. Тяжело (видимо, уже смирившись с тяжкой участью) вздохнула, отказываясь от надежды попасть туда, куда так спешила. — Мой...

— Не понял... — вежливо переспросил я её.

— Автобус, говорю, мой подъехал. Но, ничего, фиг с ним. Кто его знает, когда мы ещё с тобой свидимся? Может, никогда больше и не получится... Как думаешь?

Я пожал плечами:

— Встретились раз, встретились два... Значит, и третий будет, — уверил я её.

Скука обошла меня справа и прислонилась (так же, как это сделал я) о невысокий железный заборчик рядом со мной.

— Я тебе хотела кое-что рассказать. Не спешишь?

Я начал было искать в кармане телефон, но её голос меня остановил:

— Едет она уже. Сейчас в районе Ледового дворца, через семь минут будет. Зелёный автобус, номер восемнадцать. Выйдет из средних дверей (что возле «гармошки») и помашет рукой. На ней будет чёрно-красное платье, ты его знаешь. Ещё что-нибудь? — она явно с удовольствием, щеголяя своими способностями, безуспешно пыталась произвести на меня впечатление. — Поболтать с тобой успеем — семь минут в запасе, а больше и не требуется. Согласен?

Любопытство распирало меня, и поэтому уговаривать не пришлось — я кивнул в знак согласия.

— В тот вечер я задержалась, — начала свой рассказ Скука, — Были кое-какие личные проблемы, требующие немедленной разрядки. Я была уверена, что парень ты настойчивый и не менее любопытный; что, найдя непонятно откуда взявшуюся записку,

написанную твоей же рукой, обязательно всё сам проверишь и попытаешься найти ответ. Поэтому не очень торопилась, зная, что дождёшься меня. Но когда я пришла, опоздав всего лишь на час (что для меня, между прочим, является верхом пунктуальности), изо всей толпы яркими прожекторами интереса сверкал ты и рыжеволосая девушка, болтающая с тобой. Поэтому мы тогда и не встретились. Я, если бы даже захотела, не смогла бы подойти. Просто вместе вам было слишком... — она ненадолго задумалась, видимо подбирая подходящие слова, — ...слишком НАСЫЩЕННО, что ли... И с тех пор дорога к тебе была для меня закрыта — ты постоянно находился в этом *насыщенном* состоянии.

Она ненадолго замолчала. Я ждал...

— Чуть позже, — продолжила она, — рядом с вами начала появляться Влюблённость — эфемерное создание, питающееся беспочвенными иллюзиями. Вы, люди, называете их «Розовыми очками». Тогда я ещё как-то пыталась устроить нашу с тобой встречу. Сама даже не знаю, почему... Я много думала об этом, но к какому-то конкретному выводу так и не пришла. Может, ни с кем ещё до тебя так (просто, без титулов и масок) не болтала. Наша встреча ещё могла бы иметь для меня смысл, когда в ваших отношениях главенствовала Влюблённость. Но когда появилась ОНА...

Скука опять прервалась.

— Она? — побудил я её продолжать.

— Она — ЛЮБОВЬ. После того случая, когда вы с Милой попробовали побыть порознь, Влюблённость перестала приходить, но её место заняла ОНА... И до сих пор появляется, как только ваши взгляды соприкасаются.

Мне было так приятно её слушать, несмотря на явное сожаление, проскальзывающее у рассказчицы в голосе, слушать и осознать всю сюрреалистичность происходящего, ощущать, как ОНА живёт рядом со мной или даже во мне.

Скука посмотрела мне в глаза:

— Я вам завидую. Я всегда хотела узнать, каково это — чувствовать ЕЁ в себе и на что это вообще похоже?

— Это вопрос? — не совсем понял я.

— Гм-м, — кивнула она.

— Ну-у-у... — начал было я, но сразу же осёкся. Честно говоря, мне сразу же захотелось бездумно выдать чёткое определение любви, спасавшее меня тысячу раз во время подобных разговоров. Вот так вот, выпалить пушечным залпом дефиницию, которую я ещё о-очень давно позаимствовал из какой-то умной книжки: «Любовь — это... трым-пырым-пырым... взаимная и активная заинтересованность и участие в жизни и росте другого человека. Бла-бла-бла...». Но я не стал этого делать. Наверное, потому что почувствовал, *насколько* этот вопрос важен для неё — девушки, прислонившейся справа от меня к забору.

— Любовь... Это... Это... О! — довольный, что нашёл столь точное определение, заключил я. — Она — как отрезанный палец или ухо...

Но вместо того, чтобы попытаться понять меня, скука, почему-то, громко расхохоталась.

— Чего это ты? — растерявшись и не совсем понимая причину смеха, спросил я.

— Впервые... слышу... — пыталась она мне что-то объяснить, борясь с прорывающимися приступами хохота, — чтобы любовь... Саму ЛЮБО-О-ОВЬ!.. Сравнивали с отрезанным пальцем... Гы-гы-гы... Или ухом...

Я осмотрелся по сторонам. Народа на остановке, конечно, побавилось. Но всё равно было странно, что на нас никто не обращает внимания, если учесть, КАК она громко смеялась... Ничего не оставалось сделать, как приписать такую странную незаметность к ещё одной способности Скуки.

— А, по-моему, очень даже точное определение, — сказал я, насупившись, подождав немного. — Когда у тебя нет одного пальца или уха, ты не умрёшь, не сойдёшь сума, да и вообще, тебе это будет не очень мешать. Поначалу, конечно, будет неудобно, иногда даже стыдно, но когда привыкнешь к отсутствию пальца, всё будет, как прежде, и без него будет нормально житься.

— Ну и? — видимо, ещё не уловив ход моих мыслей, поторопила Скука.

— Ну и... — передразнил я её. — Вот только всё равно с паль-

цем лучше... *полноценнее* как-то, целостнее. Сколько бы ты ни жила без пальца и как бы ни пыталась свыкнуться с его отсутствием, всё равно чувствуется, что чего-то *в тебе* не хватает. Вот так и с твоей тёзкой, моей Милой — вроде бы и без неё жить неплохо, но рядом с ней я получаю намного больше удовольствия от жизни. Поэтому я люблю, но люблю не как слепец. Не закрывать глаза, видеть других, но всё равно изо всех выбирать её — вот что значит **ДЛЯ МЕНЯ ЛЮБИТЬ**.

Я посмотрел на Скуку. Она зависла где-то глубоко внутри себя, пытаюсь что-то понять.

— И ещё... Может быть, это абсурд, но я недавно понял, что... я даже готов (будучи уже стариком) на то, чтобы она умерла раньше меня. Я её так сильно **ЛЮБЛЮ**, что не хочу, чтобы она, потеряв меня, пережила то же, что и я, если она уйдёт из этого мира...

Когда я решился открыть окно и впустить в свой затхлый, загрязненный в пыли и страхах мир немного света, а вместе с ним и чувств, я совершенно не думал о вознаграждении. Я тогда просто не мог себе даже вообразить, **ЧТО** меня в итоге ждёт.

Сейчас, лёжа рядом с ней, и имея возможность гладить её усыпанную веснушками спину, я благодарен... За наши ссоры... За наши нескончаемые споры и бессмысленную болтовню... За наши общие радости и интересы... За слившиеся воедино небезупречные тела... За теплоту и за трезвый холод... За то, что было, есть и ещё будет... За то, что рядом... За то, что мы **ВМЕСТЕ!**

— Кстати, — сказала Скука, немного помолчав, — я тут по делу.

Я удивлённо вскинул взгляд.

— Это я специально сделала так, чтоб ты поверил в случайность нашей встречи.

— И для чего это было нужно? — я всё ещё не мог понять, к чему она клонит.

— Просто решила ловить момент. Раз всё равно мне нужно с тобой встретиться, так почему бы заодно и личное не решить?

— Личное?

— Ну да... личное. Я уже говорила, что ты мне... понравился.

Вот и хотелось ещё кое-что узнать.

Скука увлеченно ковырялась носочком босоножки в асфальте — всё что угодно, лишь бы не показывать смущение.

Я глубоко вздохнул. Мне представилось, как моя Мила прямо сейчас трясётся в душном автобусе, задумчиво глядя в окно. Ещё минута — и я смогу её увидеть.

А что за дело ко мне?

— Вот... — я повернулся к ней и остолбенел. Вытянув руку, она держала на ладони небольшой красный клубок, — меня попросили передать его тебе. Сказали, что это важно...

— Кто сказал?

— Ты сам знаешь, — лукаво улыбнулась белокурая бестия. — Ну же, бери...

Я повиновался. Теперь я растерянно вертел в руках приятный на ощупь, казалось, даже тёплый, клубок.

— ОНА попросила передать тебе, точнее напомнить, чтобы ты не забывал свою главную задачу.

— Ответить на вопрос?! — я то ли спросил, то ли просто констатировал факт.

— Да, ты должен НАЙТИ ОТВЕТ. Помни, что ты ни жив, ни мёртв. Поэтому не переставай искать. Ты нашёл в НАС всё, что надо. Теперь можешь идти дальше.

— И куда теперь лежит мой путь?

— Ищи... Внутри...

«Ищи внутри себя», — теперь я знаю, что это значит.

— А вот, кстати, и *ваш*.

Я посмотрел на большой зелёный автобус под номером восемнадцать. Конечно же, когда повернулся, никого рядом не было. Лишь грел мою ладонь красный клубок.

Часть 7. ...и смерть нарцисса

«Загляни внутрь себя — только там сокрыт ответ. Смотри по сторонам, замечай каждое дуновение собственных чувств, желаний и мыслей — они приведут тебя к истине, — услышал я голос. — Только так ты сможешь найти себя!»

Я сижу в центре комнаты, в центре своей Вселенной, прислушиваясь к ощущениям. Меня окружают вроде бы обычные люди, такие же, как и я. Но, преломлённые призмой воображения, они превращаются в мифические, легендарные образы. Меня окружают всемогущие колдуны, могучие рыцари и драконы, наводящие ужас на целые страны...

Только здесь вместо магии — правда, что не страшатся произнести вслух, и, тем самым, сотворить чудо — очистить душу от корки, как сокрытое золото. Здесь вместо рыцарской отваги — правда, одним сильным ударом уничтожающая трусость. Тут вместо драконов, живущих внутри тела, — истина, благодаря которой грозные демоны, повелители огня, превращаются в уютных домашних питомцев.

Все они живут внутри, подстраивая окружающий мир под свою точку зрения.

Пять минут назад внутри бушевали монстры — ужасные, беспощадные и ненасытные. И весь мир, повинаясь их прихоти, как переполненный улей, наполнился такими же, как и они, крылатыми, извергающими из раскрытых пастей потоки огня, тварями, готовыми в любую секунду, набросившись на меня, пожрать без остатка.

Когда я спросил об этом сидящих вокруг птеродактилей, они ответили:

— И с чего ты вообще это взял? Нет, ты нам не нужен... Мы хорошо к тебе относимся. Очень жаль, что ты нас считаешь страшными и злобными. Мы не такие...

И, вправду, присмотревшись, я увидел, что они вовсе незлые и даже не чудовища.

«Если всё так, как они говорят (а я им верю), — размышлял я — то откуда тогда взялись все эти твари, заполонившие мир?»

В глубине кто-то захихикал противным, подленьким голоском. Я узнал: это был смех страшилища по имени СТРАХ...

Он шептал: «Мир опасен! Оглядысь: везде чудища, жаждущие твоей крови, желающие расправиться с тобой, превратить в пепел...»

— Пошел к чёрту!!! — крикнул я ему.

Снова оглядевшись, я понял, что попал в западню — плотное кольцо из людей в блестящих, непробиваемых, надёжно защищающих от любой атаки, доспехах и с мощными, способными с лёгкостью крошить камни, двуручными мечами, окружило меня. Они стояли, готовые в любой момент броситься в атаку и растоптать тяжёлой бронёй, пронзить острыми мечами, стоит мне сделать лишь один неверный шаг.

Я замер в нерешительности, думая, как мне их обмануть, обойти-проползти, как же остаться в живых, уберечь смертное тело от стальных игл?

— А ты скажи им ПРАВДУ... Так, как есть: что ты о них думаешь, что с тобой происходит, расскажи им всё... — раздался голос психотерапевта.

— Ну... Я... Вы... — мялся я в нерешительности.

— Ты, вообще, что сейчас чувствуешь? — спросил тот же голос из ниоткуда.

— Ну... Я боюсь, — кое-как выдавил я из себя.

— Скажи им об этом...

Сейчас или никогда! Надо решаться — или я всю жизнь буду юлить, извиваться под любым натиском, словно слизень, лишь бы избежать унижения и кулака:

— Хоть... Гкхм-м... — для пущей убедительности и чёткости го-

лоса я прокашлялся, — хоть я вас и боюсь... Но... Мне нужно пройти вперёд. Слышали?! Ну-ка, пропустите!!!

Воины переглянулись, не понимая, что произошло, — только что перед ними стоял сопляк и рохля, вызывающий жалость, а сейчас — равный им, в надёжных доспехах и с благородным мечом, рыцарь, умеющий заявить о себе и не страшщийся говорить прямо.

— Спроси их, — подтолкнул меня к действию Наташа.

Я ей кивнул. Затем, набрав в грудь побольше воздуха, резко выдохнул и... Спросил их.

— Зачем нам латы и мечи? — задумавшись, переспросил один из паладинов. — Они появляются сами, помимо нашей воли, как только мы встречаем труса, извивающегося, как червь, от страха, что его раздавят. Если ты юлишь и лицемеришь, страшась унижения, если не умеешь говорить ПРАВДУ — доспехи и мечи — лишь реакция...

После его слов во всей этой амуниции почему-то стало жарко и тяжело держать меч.

Я стоял посреди кольца из обычных людей, единственный в доспехах и с оружием.

— Ну конечно! — дошло-таки до меня.

Именно трусость и слабость, лишь «запахнет жареным», заставляли надевать тяжёлые доспехи и брать с собой оружие. Мне надо стать сильным, решившись быть им, научившись, однажды рискнув, держать удары и нападать, и тогда они мне больше не понадобятся. И больше не надо будет видеть в окружающих опасных рыцарей.

Снимая латы, на их внутренней стороне я увидел выгравированное слово — «Трусость», а на рукоятке меча золочёными литерами — «Слабость».

Как будто кто-то нажал выключатель, громко разнесся резкий звук в пространстве... ЩЁЛК!!! ...И всё, окружающее меня, миг исчезло. Не просто исчезло, а пропало совсем, в никуда, оставив меня *абсолютно одного* где-то между небом и землей.

Я громко, чтобы слышали все, и, самое главное — чтобы я слышал, захохотал: «ХА-ХА-ХА-А-А!!!» в надежде, что появиться хоть какой-то звук, что так я хоть немного смогу развеять ПУСТОТУ, заложником которой стал, и этим поборю чувства, стремящиеся вырваться из темницы рассудка.

— ХА-ХА-ХА!!! — смеялся я над собой, сопротивляясь, пытаюсь спастись. — Решили использовать свои заклатья? Захотели избавиться от меня, окутав ПУСТОТОЙ и ОДИНОЧЕСТВОМ? Ну, нет... Так легко я не дамся. Слышали?! Вот вам!!! — выставил я средний палец, повинаясь голливудскому стереотипу, думая, что станет легче, и чувства отступят.

Но всё получилось наоборот. Сковав тело, разом навалилось осознание, что я в ПУ-СТО-ТЕ... И, открыв дорогу внутрь меня, неспешной походкой победителя брело ОДИНОЧЕСТВО:

— Ты-ы-ы-о-од-д-ди-ин, — торжественно смакуя каждый звук, протянуло оно, — и-и-и-ни-и-ик-о-ом-му-у-не-е-ен-н-ну-у-уж-ж-же-е-ен-н-н...

— У-у-у... — волком завыл я от разрывающих эмоций.

Странно, но только сейчас я, кажется, понял ту странную музыку Petera Gabriela, потому что только она может выразить происходящее во мне.

— Плохо тебе, наверное? — раздался в пустоте участливый голос, несущий спасение.

Я только и смог кивнуть.

— Так чего же ты тогда молчишь? Или ты до сих пор не знаешь, что надо сейчас делать? — подсказал он.

Я поднял голову и всмотрелся в ничто. Затем, немного подумав, решил рассказать всё, поделиться тоской.

НИЧТО (или НЕЧТО), удивившись, колыхнулось, и начало говорить со мной всякими голосами... Что оно тоже испытывало такое и понимает, каково мне сейчас... Что я не один и если надо, оно всегда протянет мне руку... Что они здесь и никуда не хотят уходить.

Вдох-выдох... Вдох... И вместе с выдохом из меня улетучивается ослабевшее одиночество. Оно уходит, но появляются сидящие в кругу люди. По-дружески похлопывая по спине, они творят чу-

деса.

«Наверное, они кудесники», — думалось мне.

Я смотрел на них, умеющих дарить доброту и поддерживать уставшую душу *другого*. Смотрел новыми очами с новым знанием внутри... Знанием, что это не они меня карали одиночеством, а это именно я закрывался от них, не умея принимать помощь, не желая быть благодарным, а, точнее, должным кому-либо...

Внутри меня в наступившем мраке и холоде, пытаюсь согреться, развели костёр одинокий маг, слабый рыцарь и трусливый дракон. Они боролись за свои жизни, за тёплое местечко в моей душе. Они мечтали оставить всё, как было — когда они могли повелевать мной.

Но нет... Время ушло. Я узнал, что такое жить не боясь, быть сильным и принимать других и их теплоту.

Трое совершенно чуждых мне существ ещё не знали, что, как только последний уголёк этого костра погаснет, они исчезнут и больше никогда не смогут сюда вернуться...

Может, всё дело в других? Или, всё же, во мне? Кто виноват? А кто прав? Кто стал первопричиной?

Бесконечные вопросы о правых и виноватых, как всегда, ни к чему не приводили, лишь всё более запутывая и воздвигая непроходимый лабиринт рассуждений, ведущий в тупик. Какая разница, *кто* был виноват, что я возненавидел школу и связанные с ней проблемы? *Почему* я так и не научился быстро находить общий язык с каждым встречным-поперечным, а предпочитаю компании одиночество? Что заставило меня так долго искать дорогу к самовыражению... КТО? Какая разница!

Главное, что сейчас я ПОНИМАЮ...

Чтобы *понять*, мне было необходимо узнать всего одну вещь... Оказывается, наша внутренняя творческая энергия, сила, дающая жизнь (именуемая в психологии интересным словом САМОСТЬ), приходит к нам во снах и рисунках в виде *круга, сферы или шара*.

С этим знанием всё стало на места. Теперь понятно, ЧТО ОЗНАЧАЛ ТОТ СОН, повторяющийся в детстве из ночи в ночь, заставляющий содрогаться моё напуганное тело.

Теперь ВСЁ оказалось на своих местах...

Темнота волшебна. Она таинственна и чудесна.

Превращая ощущения в абсолютный ноль, создавая вокруг чистый холст, она, тем самым, готовит полигон для нашего ИСТИННОГО Я. Когда все страхи, желания и иллюзии оживают, превращаясь в реальность, мы покорно замираем, каменея от ужаса, потрясающего дух. Мы рисуем на покрове мрака свой внутренний мир. Мы видим СЕБЯ. И именно поэтому боимся.

Я лежал, вглядываясь в темень... Тщательно, пристально изучая каждый миллиметр этой мутной, осязаемой даже физически, густой и тягучей, как ликёр, мглы. Я пытался найти там страхи, ставшие для меня само собой разумеющимися спутниками ночи. Глаза, воззрившиеся на меня сквозь плотную чёрную завесу, контролирующую, не позволяющие дышать и двигаться.

Но сейчас их почему-то не было. Никто не смотрел на меня из тьмы. Каким-то внутренним чутьём я ведал, что «глядящих из мрака» нет.

И тишина... Беззвучие, которого просто не может быть, потому что оно какое-то... неживое, что ли.

Я сел на кровати, поставив босые пятки на пол, и тут же мгновенно холод и грязно-липучие соринки впились в кожу ступней. Я стряхнул их ладошкой и посмотрел налево.

Окно, бывшее за пределами видимости, пока я лежал, отдавало полоску тусклого, явно искусственного света на стену возле бабушкиной кровати. Полоса между шторами являлась единственным напоминанием о существовании иного мира (помимо того, в котором находился я). Этот свет как бы говорил мне: «Эй! Помни, что существует не один мир, что мир — это не только твой мрак и тишина. Есть ещё вселенная, где тусклое марево уличного фонаря, пробиваясь сквозь ветхозаветные оконные стёкла, достигает квартир сотен других людей».

Понять, что полоска света, разрезающая тонким лезвием тем-

ноту моего мира, является главной фигурой происходящего, не составило труда. Она будто отделялась ото всего, что меня окружало, была словно чем-то игрушечным, обособленным, что можно взять руками и перетащить в другое место. Свет из окна явственно требовал моего внимания.

Свет из окна...

Щёлк... Будто перегорела лампа... Свет погас. И в комнату сквозь стекло стала проникать багровая тьма. Если такое вообще могло быть...

Сидя на кровати, не живя и не дыша, я смотрел, как в щель между занавесями просачивается такая же мутно-густая темнота вишневого, или даже бордового оттенка...

Щёлк... Свет вновь зажёгся... И уличный фонарь осветил комнату, с хирургической точностью разрезая отступающий червлёный мрак. Всё, казалось бы, стало, как раньше.

Медленно, пытаюсь не тревожить окружающую пустоту, я встал с кровати и начал пробираться к окну. Много усилий это не потребовало — шаг, ещё шаг и ещё один... И я смог коснуться рукой штор и полосы света между ними.

Чуть помедлив, решаясь, я выглянул на улицу и... Сами собой, повинаясь каким-то дремучим инстинктам, мысли заметались в поисках оптимального решения; зрачки забегали, пытаюсь нащупать хоть что-нибудь способное чем-нибудь помочь, а дыхание участилось, стараясь насытить кислородом жаждущее тело.

Вдоль освещённой фонарями пустынной улицы перекатывались по воздуху, почти касаясь почвы, огромный (с окружающие его пятиэтажки) красный шар. Больше всего он был похож на гигантскую морскую мину — из его безупречно отполированного алого тела (видимо, отлитого из металла) идеально ровными рядами во все стороны торчали сотни трубок-антенн.

Я откуда-то знал, что ищет он именно меня и что эти усы — всего лишь невероятно чувствительные рецепторы, всевидящие и всезнающие. И лишь по счастливой случайности эти щупальца не уловили, что я здесь, в этой самой квартире, затаился на своей кровати.

Не зная, что делать, не веря увиденному, абсолютно не владея

собой, я обернулся в поисках помощи.

— Бабушка! Мама!!! — заорал я, леденея от ужаса.

Я посмотрел на бабушкину кровать. Тщетно: там был лишь её контур, предварительные наброски. Бесполезно! Все, кто может меня сейчас спасти, существуют в другой реальности. А я — тут! Один... Опять...

Я развернулся лицом к полосе, стараясь увидеть, что же происходит на улице.

— А-а-а... — шёпотом вырвалось у меня.

ЭТО УСЛЫШАЛО И УЗНАЛО, что я здесь. И неотвратимо двигалось сюда. Оно почти достигло своей цели — отыскивало меня. Теперь гигантской сфере осталось лишь забрать меня; поглотив, слившись, растворить в себе.

Я закрыл глаза.

Очень долго я никак не мог понять, являлась ли эта машина исчадием моих снов или же я *на самом деле* видел то, что видел.

«Это сон...», — твердил я себе, пытаюсь поверить и чувствуя, как покрывается тело противными мурашками.

«Это только сон...», — твердил я себе, не умея заставить себя поверить в это.

Уж слишком реален, физически ощутим был тот металлический блеск — отражение блёклого света от идеально гладкой поверхности шара. Казалось, только притронься к нему — и холод стали через пальцы, затем транзитом через всю руку доберётся до сердца и там останется навечно, превратив живые чувства в лёд.

Как поверить в ирреальность произошедшего, если даже с приходом спасительного солнца дикий, нечеловеческий ужас не проходил, оставляя, словно шрамы на теле, тревогу?

«Разве это может быть сном?» — спрашивал я себя который раз и получал, как всегда, два ответа: один — от умеющей всё разложить по полочкам логики, а другой — от тела, помнящего до сих пор прикосновение страха то ли бордового, то ли вишнёвого оттенка.

Так что же это было?

Тело знает...

Я смотрю на себя, свободного, сильного, умеющего и не боящегося творить и созидать... Я стою в одних трусах, дрожащий от страха и холода, и смотрю сквозь щель между занавесками на мою энергию — огромную, всесильную и могущественную. Её безупречно гладкая поверхность завораживает, манит и, вместе с тем, пугает и страшит. Заключённая в подземелье разума, глубоко внутри, она терпеливо ждала долгие годы, когда же, наконец, я *решишь* принять её. Но это так и не происходило.

Квинтэссенция тысячелетней мудрости поколений, она знала, что, если я и дальше буду заковывать её в цепи, а вместе с ней и себя, то она взорвётся ядерной бомбой, превратив меня в пустышку. Она не могла больше ждать, поэтому, собрав все силы, самость кинулась на поиски, обернувшись шаром. Единственная цель — слиться со мной, сделав счастливым и свободным, убив во мне раба.

Вглядываясь в тишину улицы, я видел мощь, таившуюся во мне, и не верил, что у меня есть *такая сила*, что это и есть Я НАСТОЯЩИЙ. Ведь я уже давно привык к себе... Опутанному крепкими нитями правил и неудач... Не дающему себе выбраться из этих липких сетей... Привык к себе слабому, готовому покорно прикрывать руками лицо, когда бьют... Гордящемуся своей жертвенностью.

Сон стал повторяться, когда уже 13 клубков опутали тело, стесняя движения и закрыв глаза, уши и рот...

Чушь...

Меня окружает сплошная чушь...

Обман, всё это время плотной пеленой скрывающий от меня правду, вдруг рассеялся. Я сам его создал и сам, осознав, развеял по ветру.

Вдруг оказалось, что, на самом деле, я стою на вершине горы. Запах осени долетает даже сюда, в обитель вечных снегов. Подо

мной, внизу, замерли облака... Странное ощущение, непривычное — видеть что-то божественно красивое у своих ног! Но что внизу облака, понимаешь не сразу. Предзакатно-кровавое солнце превращает белые и тёплые, почти живые создания в бескрайний океан. Океан алого, самого насыщенного из всех, виденных мною, цвета. Это пламя, пробившись сквозь надрезы в плотной облачной ткани, стремится потоком вниз, в мир людей.

Я вдруг понял, что моё место не здесь. Я теперь знаю, что вершина — лживый пьедестал и меня здесь быть не должно.

Я знаю... Я понял...

Закреть глаза, глуб-о-о-о-око вдохнуть разряженный воздух, открыть глаза. Вот и всё. Теперь я на своем месте — в городе своего детства...

Позади — бетонная стена психиатрической лечебницы... Подо мной — утоптанная тропинка, ведущая к дачным территориям, захмелевшей змейкой огибающая запретные стены... Передо мной — самое прекрасное из всего, когда-либо виденного...

Зелёное колышущееся поле высокой кукурузы... Шагнув туда, можно исчезнуть и затем искать себя целую вечность, пробивая дорогу в бескрайнем лабиринте. Непослушные пряди кукурузных стеблей колышутся, повинуюсь тёплому ветру. А над ними гордыми воинами, пряча головы в поднебесье, высятся горы — воплощения божественного могущества. Облачный покров прячет приближающуюся ночь вместе со склоняющимся пред ней солнцем. Перина богов разорвана, и из неё фонтанами бьют насыщенно-пунцовые лучи. Будто благословение, падают они на грудь скалистых гор. Словно бы осязаемый, солнечный свет окрашивает горы вишнёвым соком.

Всё воссоединилось, встав на места — я и ОНО...

Горы, окропляющие город у подножия цветом жизни и силы, сама природа, чувства — буквально всё говорит мне, *что* я должен сделать дальше.

Никакой смерти нет. Есть только движение. И нет конца моим страхам... Есть только борьба и победа, делающая меня сильней, но не всесильным.

Я понял... И готов разжечь огонь.

Нет идеального, чего я всегда ищу, есть только стремление к нему.

Нарцисс во мне... Он и есть я. Так как же я могу от него раз и навсегда избавиться, искоренить, заштопав раны? Как?

Закрывать глаза, глубоко вдохнуть, набрав в лёгкие осень...

Часть 8. Костёр

*Изменения наступают тогда,
когда человек становится тем, кто он есть,
а не тогда, когда он пытается стать тем,
кем он не является.*

Парадоксальная теория изменений Бээр.

Где-то глубоко внутри, в самых закоулках сознания мне было понятно, что вот так просто всё закончится не может. Нужно что-то совершить, какой-нибудь ритуал или... Даже не знаю... Ну, в общем что-то. Главное, чтобы это ЧТО-ТО запомнилось. Надолго. Хорошо бы даже навсегда.

Я пошёл в ванную, зажёл колонку и открыл горячую воду. Выключив лампу, и погрузив комнату в темноту, я уселся на край ванны и достал из кармана сигарету. Закурил и воззрился на большое круглое зеркало, точнее, на маленький красный уголёк, отражённый в нём. Оказывается, когда затягиваешься, тлеющий табак набирает достаточно силы, чтобы осветить такие мелочи, как засохшая зубная паста и пена для бритья на зеркальной поверхности, а также половину моего лица. От нечего делать, в ожидании, пока ванная наполнится, при каждой затяжке я строил себе страшные рожи. Было забавно смотреть на неожиданно появляющуюся из мрака (прямо как в голливудских ужастиках) зверскую гримасу.

До того, как ванна заполнилась достаточно, чтобы я мог купаться, прошло не так уж много времени — ровно две с половиной сигареты.

На́ скоро раздевшись, я с удовольствием погрузился в горячую, расслабляющую воду. Тепло сразу добралось до костей, и вскоре меня окутала блаженная сонливость. Чтобы задремать, достаточно было прикрыть глаза. Кругом теплота, бледно-синий огонь внутри колонки и шум домашнего водопада, питающего моё тело новой порцией жара — всё это клонило ко сну.

Но нет, нельзя. У меня осталось дело... Дело ценой в моё про-

шное.

В жизни всё возвращается туда, откуда началось. Сейчас, совсем как когда-то в детстве, я лежал в ванной, смотрел на чарующие пляски огня и наслаждался тёплым покоем. С той только разницей, что сейчас я живой, как никогда.

Полежав ещё какое-то время, я быстренько помылся под душем, затем тщательно побрился... И, как всегда, оставил на лице пару памятных меток-порезов, напоминаний о недавнем бритье. По-моему, только я способен на членовредительство с помощью безопасной бритвы. Потом наклеил кусочки туалетной бумаги на места порезов и побрёл, шлёпая босыми ногами по полу, в комнату одеваться.

Как оказалось, гардероб у меня был крайне скудный, лишённый всяческого разнообразия и оригинальности. Он являл жалкое зрелище: большинство вещей находились в корзине для грязного белья возле стиральной машины. Но самая главная вещь в гардеробе, необходимая мне именно сегодня, висела там, где ей и положено быть. Мой любимый костюм «а-ля бизнес класси́к» застыл, аккуратненько облекая пластмассовые плечики. Всё на месте: тёмно-синие пиджак и брюки, белая, безупречно отутюженная рубашка из хлопка и галстук с нечётким абстрактным чёрно-серебристым рисунком.

Не торопясь, пытаюсь получить максимум удовольствия, я стал превращаться во вполне успешного и явно процветающего бизнесмена. Хотя нет, скорее, я больше походил на клерка. Для схожести с деловым человеком мне всегда не хватало своеобразного азартного огонька в глазах.

Немного посомневавшись, я всё-таки решил нацепить и галстук (гулять, так гулять). Пришлось повозиться — так толком и не научился вязать этот чёртов узел.

Придав ещё влажным волосам нужную форму, я водрузил на переносицу строгие, с претензией на интеллигентность, очки. И моё сходство с клерком или бизнесменом окончательно стерлось. Передо мной в зеркале стоял вполне конкретный врач-профессор-учёный. Когда я был в костюме и очках, окружающие могли принять меня только за кого-то из этой троицы.

Накинув «кожанку» и обув туфли, я положил в карман плеер и двинулся к выходу. До родительского дома было совсем недалеко, потому и решил пройтись.

Выйдя из подъезда, я как-то незаметно для себя приосанился и расправил плечи. Подумалось: «Странно — надевая приличные вещи и украшения, люди, в том числе и я, начинают вести себя соответственно. Будто не одежда призвана украшать человека, а наоборот». И, в самом деле, глупо отрицать очевидное: сейчас я не иду, а шествую, чувствуя себя VIP-персоной. Будто смотрю на мир через призму статуса, навязанного одеждой. Мол, оделся, как лорд, так и нечего садиться гадить посерёд Красной площади. Ну что ж, джентльмен, так джентльмен!».

И я решил добраться до пункта назначения, наслаждаясь состоянием и ролью «мистера Успеха».

Когда идёшь, просто идёшь, нужно обязательно о чём-то думать или что-нибудь делать. Иначе путь превращается в бесконечно нудный асфальт. Так мне и пришло в голову, что надо думать о чём-либо интересном. Всё равно о чём, лишь бы дорога показалась короче.

Плеер включать не хотелось. Зарядки (по самым оптимистичным подсчётам) оставалось на час, а музыка ещё пригодится для финала.

О чём думать, я не знал, поэтому решил: что первое придёт в голову, тем думы и займутся.

Как всегда, «первая мысль» оказалась сущей ерундой. На одном из нижних зубов у меня не хватает маленького кусочка. Так вот, я стал вспоминать, как его лишился... Кажется, тогда я грыз ногти и почувствовал, что что-то не так. Ощупав пальцами и осмотрев в зеркале рот, увидел, что кусочка на одном из передних зубов не хватает.

Тогда я решил, что больше никогда не буду грызть ногти. И не грыз.

Сейчас, когда я уже почти подошёл к дому родителей, подумал: «А почему бы точно так же не решить проблему с курением? Ведь мне уже давно надоело смолить. По сути, грызть ногти и ку-

рить — очень похожие привычки».

И, положив полупустую пачку на невысоком заборчике, я пообещал себе больше никогда не курить... И больше никогда не курил.

Дом родителей затерялся в квартале частных домов недалеко от центра. Симпатичный трёхэтажный коттеджик с красной андулиновой крышей и винным погребком, где отец хранит предмет его гордости — самогон домашнего производства. Дом этот — *ИХ* (большими буквами). И большей ценности для них нет. Вполне понятно, почему...

Мать и отец строили дом своих снов в условиях вечной нехватки денег, бесчисленных кредитов и отсутствия всяческой поддержки со стороны, что выходило им боком. Частые ссоры, невероятно раздражающие регулярные повышения цен на стройматериалы и постоянные переезды с одной съёмной квартиры на другую тогда изрядно потрепали им нервы. Только при мне, в пылу очередной ссоры, они собирались продавать свою «мечту» раз пятьдесят. Каково им было, я в принципе знаю — не иметь СВОЕГО МЕСТА, где бы ты был хозяином и чувствовал себя защищённым от невзгод, сильно бьёт по умению наслаждаться жизнью.

Мне во времена великой стройки тоже пришлось нелегко. Живя с родителями на съёмной квартире и не имея средств к существованию, практически полностью от них завися, я должен был отрабатывать хлеб насущный да крышу над головой каждодневной повинностью на стройке будущего родового гнезда.

С одной стороны, оно, конечно, хорошо — до стройки я и гвоздь толком вбить не мог, чему уж в те дни хорошо научился. С другой же, менее оптимистичной точки зрения — помогая родителям, я приобрел стойкое отвращение к любому физическому труду и осознал ценность выбранной мною «умственной» профессии.

Однако сейчас на подходе к белокаменному гиганту я помимо воли любовался им. Было приятно сознавать, что к созиданию этой красоты непосредственно приложил руку и я.

Открыв калитку ключом, который, каждый раз уезжая, родители оставляли мне, я попал в привычно небольшой дворик, аккуратно уложенный плиткой.

Последнее время мама и папа много путешествовали — Египет, Италия, Франция, Англия... Сейчас, кажется, они направились в Швейцарию. Конечно же, инициатором поездок была мама.

Казалось, она вообще была моторчиком, беспрерывно гоняющим кровь к сердцу их брака. Хотя, как говорит отец: «Твоя мамаша тоже не подарок, и не каждый бы смог её вытерпеть столько времени. Мы вместе тридцать восемь лет только потому, что мне всегда было лень искать кого-то более подходящего».

Не знаю, в чьих словах больше правды. Я в этом никогда не разбирался и, честно говоря, не хочу. Живут, ворчат и любят друг дружку, каждый по-своему... И Бог с ними. Это их судьба. Мне же остается только быть благодарным, что они у меня есть, какие бы они ни были.

Ворота гаража мне никогда не нравились — громоздкие, вечно холодные, цвета столетней ржавчины, они просто создавали какофонию в сложившейся красоте здания. Наверное, они являлись единственной частью дома, созданной наобум и без капли вкуса.

Вот и сейчас мне совершенно не хотелось касаться этой холодной, ржавого цвета ручки, ведущей (если всё-таки решиться и отпереть ворота) в пропахший маслом и сыростью гараж. Оттуда, обогнув стоящую внутри папину «Вольво», можно пробраться в топочную, где по соседству с котлом, дарующим тепло всему дому, спят стиральные машины. Направо — дверь в мастерскую, которая так только называется, а на самом деле отец там регулярно что-то гонит, пропитывая весь цокольный этаж едким запахом браги. И только иногда и впрямь что-то мастерит. Но, в любом случае, опилок там всегда хватает.

Два раза провернув ключ по часовой стрелке (тем самым отсчитав двадцать четыре часа) и решительно схватившись за ручку, я всё-таки распахнул прорезанную в воротах дверь. Как и

ожидалось, в нос ударил запах родительского подвала — неприятный, но какой-то родной.

Шагнув в темноту и сырость, я начал искать электрощит, управляющий всем светом в доме. По дороге умудрился споткнуться, больно ударившись локтем о машину, и выругавшись, всё же нащупал выключатель. Свет зажёгся.

На́ скоро осмотревшись, заметил, что костюм почти не запахался. Хотя мне было всё равно: негрязный сейчас — через пять минут буду, как чушка.

Так оно и случилось...

Направившись в мастерскую и порыскав в углу, я нашёл скопище клеёнчатых мешков из под сахара. Выбрав один, поцелее, набил его опилками.

Водрузив на плечи тюк, до краёв забитый вторсырьём, я, еле передвигая ноги (древесное крошево весило больше, чем могло показаться), поплёлся на улицу к яме, специально вырытой для костра.

Северная стена дома была украшена обширной деревянной лоджией, служившей моим родителям верным пристанищем в летнюю жару, скрывая от убивающих всякое движение солнечных лучей. В дальнем (почти не обитаемом) углу, помимо зарослей малины, чуть дальше от лоджии, чуть ближе к забору, находилась «костёрная» яма для огненных забав любого назначения — будь то банальная утилизация деревянно-растительных отходов или же посиделки молодёжного типа с жареными на огне сосисками и печёной картошкой.

Обычно углубление было заполнено золой и обугленными головнями. Я высыпал туда почти полный мешок опилок, чем на треть снабдил будущее огнище топливом.

Осмотрев зачуханный костюм, я понял, что былой схожести с профессором мне уже не обрести. Теперь максимум, на кого я мог смахивать — это на гламурного строителя.

Вздохнув, и, тем самым, высказав покорность судьбе, я отправился за следующей порцией вторсырья.

Скрестив руки на груди, и запустив ладони под мышки, я

ждал, пока разгорится огонь.

Очень скоро я должен начать ЧУВСТВОВАТЬ: ведь что-то особенное вот-вот произойдёт. Наверное, пора включить музыку: именно сейчас она станет играть для меня. Иначе я не смогу уйти...

Правая рука лениво начала выбираться из тепла... Зря! Мелодия ожила сама. Те самые трепетные, живые носители сверхсмыслов — аккорды — вдруг зазвучали в полную силу. И было совершенно непонятно: то ли гармония рождается во мне, то ли всё окружающее и хранящее звуки, смешиваясь, будто в шейкере, превратилось в нечто созвучное моему настроению и думам.

Закрыв глаза, я вслушался в Гарольда Бадда и Брайана Эно, пытаюсь открыть в них себя. Музыка-грусть. Музыка-спокойствие. Музыка-одиночество. И... Музыка-исход.

ИСХОД!

Вот что у меня внутри. Я чувствую! Началось...

Закрытые глаза даруют ощущения, обострённые в тысячи раз. Потоки холода, опутывающие липкой сетью свободное тело, и удары жара, целующие лицо, смешиваясь, порождают дрожь, укутывающую с головы до пят. Это приятно...

Открыв глаза, я увидел костёр, которому сам же подарил жизнь. А он благодарно делился со мной силой, уверенностью и умиротворением.

Шёл снег...

Огромные хлопья слетали с небес. Точнее, даже не слетали, а шмякались, брякались, словно состояли не из мёрзлой воды, а из свинца. Несясь с огромной скоростью мимо, торопясь разбиться о землю, они обидно царапали острыми краями лицо. Там, где пламя жадно пожирало деревянную крошку, снег бесследно исчезал в букете оранжевых и синих всполохов. Будто тяжёлые кристаллы воды, лишь чуть не достигая земли, переносились в параллельные миры.

Обратившись к поднебесью, я постиг, откуда берётся этот тяжёлый, всепоглощающий снег. Воздушный океан заполонили

дутые, явно налитые чугуном, серостью и холодом пращуры-облака, следовавшие бесконечными эшелонами от горизонта к горизонту.

Ну что же, в моём прошлом не осталось значительных белых пятен... Хотя открывая туристический маршрут...

Я достал из кармана нечистого пиджака небольшой красный клубок. Приступим...

Отыскав край нити, я кинул её в огонь, разрешая ему медленно подниматься, встречая на пути всё новые и новые порции дней, месяцев, лет и поедать мысли, мечты, чувства и желания, слова и поступки...

Пламя поглощало прошлое, превращая в пепел. Тридцать один год жизни навсегда уходил в небытие. Я жертвовал минувшим, освобождаясь для настоящего и будущего.

Тлели нити-дни. Становились прахом волокна-часы. Ярko вспыхивали и обугливались ворсинки-минуты. И я вместе с ними...

Напротив, по другую сторону костра, возникла она — девушка без лица. Я улыбнулся ей как старой знакомой. Только вот усмешка получилась грустной. А жаль: ведь так хотелось встретить её достойно... Просто почувствовал, что в тени её капюшона за-таилась печаль...

Нить продолжала тлеть...

Присмотревшись, под капюшоном я увидел мамино лицо. Она плакала и одними губами шептала: «Я тебя люблю...»

Нить продолжала тлеть...

Бабушкино лицо со смешным носом и двумя привычно большими родинками улыбалось. На этот раз уже я прошептал: «Ба, я очень тебя люблю и... Очень скучаю...» В ответ она лишь улыбнулась ещё сильнее, одарив меня блаженным покоем. И кивнула — мол, «мне тоже тебя не хватает».

Нить продолжала тлеть...

А там, под чёрной тканью капюшона — отец. Почему-то без бороды и с забавно торчащим кадыком. Он смотрит на меня, и я знаю, что и в этот раз папа не сможет сказать тех важных слов, что не говорил и ему его отец. Никогда не сможет. Но будет, не-

смотря ни на что, любить меня своей непостижимой любовью. Любовью, иногда глупой, иногда мешающей, но всё же столь важной и необходимой.

Нить продолжала тлеть...

Рыжие вьюны-волосы, выбиваясь из-под капюшона, струятся чуть ниже плеч. Живые глаза, дарующие жизнь и мне своим то ли зелёным, то ли карим светом, обыскивают моё лицо на наличие печали и просто пытаются запомнить всё увиденное. Мила, облачённая в чёрный балахон, смотрела на меня, принимая такого, каков я сейчас есть. Просто так. Потому что я тот, кого она любит. Потому что она та, которую люблю я...

Нить продолжала тлеть, и с каждым всполохом напротив появлялись и исчезали люди, создавшие меня, когда-то пришедшие в мою судьбу и навсегда поменявшие ход моей личной истории. Люди: друзья и враги... Горела нить — менялись лица... А я всё отдавал и отдавал ненасытному огню ушедшее, даже не заметив, как клубок истёк ручейком, оставив по себе лишь короткую верёвочку.

Вскоре её не стало тоже.

На месте образов минувшего опять — ничто. И безликая, глядя сквозь тьму капюшона, протянула руку. Языки пламени лизали рукав, но ей было уже всё равно.

И я, пустой, без прошлого, в грязном костюме, во второй раз на излёте осени коснулся её длани...

Здесь я уже был...

Или мне кажется?

Нет, точно — тот самый коридор. Такой же ширины. Такой же ослепительно-белый. Только сейчас он совершенно пустой и тихий... В прошлый раз здесь бурным потоком шли люди в поисках своего мира, ведомые провожатыми. Тогда проход был полон звуков — хлопающих дверей, скрипящих петель, плача, обречённых вздохов, молений и детского смеха...

Сейчас здесь только я и... Музыка, оплакивающая меня. Я знаю её, эту музыку... Армянский дудук летит гулким эхом...

Лучшего и пожелать нельзя.

Я ринулся вперёд, почуяв, куда нужно идти.

На этот раз она не сопровождала меня. Да и не нужно... Она, безликая, выполнила своё предназначение. «До свиданья, моя смерть, — сказал я в никуда, — И... спасибо!»

Конечно же, мне никто не ответил, только звуки: эхо и грусть дудука продолжали молиться за меня. Но я знал, что ОНА меня слышит. И этого было достаточно.

— Прощай, — прочитал я молчание.

Я шёл, слушая душу, звучащую повсюду; шёл бесконечно долго, пока играла музыка, пока не понял, что пора остановиться. Я замер на месте.

Вдох-вы-ы-ыдох... Вдох...

Справа от меня дверь. И не глядя, я знал, что на ней табличка с моим именем, а за ней — вечное пристанище. Мой мир, созданный из кирпичиков собственной души. Именно там я останусь навсегда...

Я развернулся и посмотрел: так и есть... На обычной пластмассовой дощечке клейкой тёмно-синей бумагой изображена цифра «31», а чуть ниже красовалось моё имя.

Вы-ы-ыдох...

Вроде бы ничего сложного — всего лишь протянуть руку, поглотить ручку, легонько повернуть против часовой стрелки и толкнуть на себя...

— Давай! Ты же это уже делал! — уговаривал я себя, но ладонь в нерешительности застыла.

Нужно было смириться...

Я распутал клубок своего прошлого... Клубок сложных переплетений внутри себя... Клубок сложного себя... И сжёг, расставшись с ним НАВСЕГДА. Все страхи, обиды, печали, думы, истязавшие меня... Весь смех, счастье, победы и тепло... Всё это там, где и положено быть — в прошлом.

А я — белый лист, опустошённый и идеальный, готовый создавать себя заново.

Против часовой...

Щёлк...

Дверь легко поддалась...

ЧТО?!

НО КАК ЖЕ?!

Я не понимаю...

Всё не так!!!

...

Хотя...

Да! Наверное... Всё именно *так, как и должно быть...*

Из-за открытой двери в коридор крались холод и снег. Тяжкий снег.

Я задрал голову к небесам — облачные эшелоны всё так же уходили за горизонт.

Костёр как раз набрал всю мощь, на которую был только способен. Самое время спалить прошлое...

Я стоял в проходе между мирами живых и мёртвых, созерцая себя, державшего в руке маленький красный обречённый на сожжение клубок. Смотрел на себя, желающего уничтожить минувшее, тем самым мечтающего превратиться в идеальное существо (без прошлого), способное самому себя выбирать и создавать. Я глядел на себя, ещё не постигшего до конца *главного*, но всей душой готового к этому. Смотрел на себя, неосознанно принимающего весь жар костра.

«Прошное, настоящее и будущее, жизнь и смерть, иллюзия и реальность сплелись воедино, смешались, став единым целым. Теперь ты должен распутать их, собирая по крупинкам себя, чтобы в конце пути ответить на вопрос», — вспомнил я слова, сказанные ЕЮ.

«Почему я снова здесь?» — тот самый вопрос.

Мне он не нужен. Ведь я ЗНАЮ ответ...

Я здесь, потому что никогда не смогу его сжечь. Ведь шарик на ладонке и есть я. Без него меня нет. Если вырезать из него хоть одно событие, меня не станет. Это буду уже не я. Я исчезну. Будет другой.

НЕ Я... ДРУГОЙ...

Каждая ворсинка в этом клубке — поступок. Каждый поступок совершён мной. Именно я и никто другой делал выбор, приведший к тому, что пожинаю сейчас. Именно я сам ткал нить МОЕЙ ЖИЗНИ.

Так как же можно, сжигая прошлое, отказаться от себя?! Это всё равно, что спалить самого себя...

Не получится так, что РАЗ и ВСЁ — я исправился, залечил все раны б/у и к ним больше не вернусь, а буду жить идеальным.

Жить — значит бесконечно ошибаться, изменяться, двигаться... Иначе только смерть. А её больше нет для меня...

Я опутан паутинными нитями ушедшего... И пусть. Ведь, если их распутать, под ними будет только оголённая душа... А как может она существовать без боли, счастья, ненависти и безумия — всего того, что называется ЖИЗНЬ?!

Парень, стоявший около пламени, задумчиво смотрел невидящими глазами вдаль, на самом деле заглядывая в себя. Долгий выдох — и глаза ожили: он принял решение. Подбросив и поймав пару раз красный клубок, он крепко сжал его и опустил в карман.

Глубокий вдох... И резкий выдох.

Постояв возле огня ещё пару минут, затем снова нащупав клубок в кармане, я ушёл, оставив костёр один на один со снегом...

Оно было...

Я есть...

Мы будем...

ЖИТЬ ДАЛЬШЕ!

Эпилог

«Всё возвращается на круги своя!» — крутилась назойливой мухой мысль.

Как весенняя трава, вроде такая же, как и в прошлом году, но всё же обновлённая, я стоял, выйдя из мрака подъезда в полный ярких красок осенний день. Стоял, защищаясь ладонкой от буйного солнца. Стоял, вдыхая, наполняя живые лёгкие настоящим воздухом. Стоял, желая двигаться вперёд.

Шаг... Ещё один... Наушники отдают голосом Тизиано Ферро.
А солнце слепит глаза...

А в лёгкие врывается свежесть...

Поежившись под тяжёлой курткой (прильнувшей к телу, словно вторая кожа), не чуя собственного веса, лёгкой стрелой рассекая время, я двинулся вперёд...

Только вперёд...

Чуть тёплые предзимние лучики стоят того, чтобы ими наслаждаться.

Я даже не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как в руках оказалась ниточка моей жизни — может быть, неделя, а, может быть, и весь тридцать один год позади...

Ещё шаг...

Чувство целостности, внутреннего единства побуждало наслаждаться ощущениями, что дарила бrenная плоть...

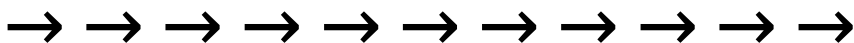
Не пытаясь закрыть глаза на то, что было, принимая его и отвечая за каждое событие, создавшее меня теперешнего, я могу жить настоящим, растворяясь в удивительном МИРЕ ВОКРУГ... Разрешая себе бояться и быть смелым, любить и ненавидеть, созидать и лениться, быть живым и мёртвым, тем самым разрешая себе быть СОБОЙ...

Я иду, щурясь от яркого солнечного света...

Я чувствую...

Я есть...

...И ТОЛЬКО ВПЕРЁД!

скачали книгу бесплатно? Подарите автору "Спасибо"...

Согласившись на бесплатное скачивание книги, я **ГОТОВ** отблагодарить автора суммой, соответствующей полученному от чтения удовольствию и пользе.

1
Купить бумажную
книгу А. Рея

ЗАКАЗАТЬ

2
Купить электронное
издание на ЛИТРЕС

LITRES

3
Подарить автору
БОЛЬШОЕ Спасибо.

ПОДАРИТЬ

Спасибо, что умеете быть
Благодарными!

Добра Вам и любви!

www.perepevnik.ru/spasibo

Музыка к повести

Слушать на сайте автора www.perepevnik.ru

- 01 DJ Tiesto – Nyana
- 02 Modjo – Lady
- 03 Norah Jones – Wish I Could
- 04 Ferry Corsten – Soul
- 05 Armin Van Buuren – Serenity
- 06 Александр Розенбаум – Черный тюльпан
- 07 Александр Софукс – Восход
- 08 Israel – Caravan
- 09 Gregorian – Babylon
- 10 Moby – Guitar Flute & Strings
- 11 Чайф – С войны
- 12 Peter Gabriel & Nusrat Fateh Ali Khan – Dalay Lhamo
- 13 Harold Budd and Brian Eno – First light
- 14 Арсен Каспарян – Эхо
- 15 Tiziano Ferro – Ti Scattero Una Foto

Оглавление

Пролог.....	4
Часть 1. Я умер.....	7
Часть 2. Почему я стал.....	15
психотерапевтом?	15
Часть 3. Детство.....	24
Часть 4. Самый длинный день.....	34
Часть 5. Рождение... ..	66
Часть 6. Открыть окно.....	91
Часть 7. ...и смерть нарцисса	130
Часть 8. Костёр.....	141
Эпилог.....	153
Музыка к повести.....	155

Литературно-художественное издание

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Рей Александр

Клубок 31

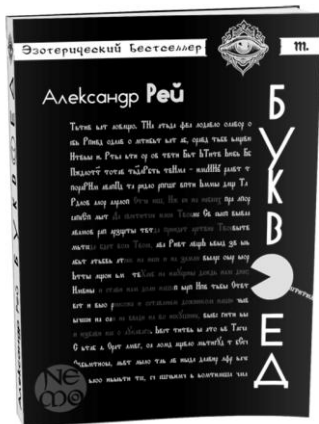
Мистическая повесть

Издание предназначено
для некоммерческого распространения в сети интернет
по программе «ThanksForPay».

Сказать спасибо автору за книгу
можно на сайте
<http://perepevnik.ru/spasibo>

Главный редактор Е. Иващенко
Художественное оформление Л. Степаненко
Редакторы Н. Иванова, Т. Переверзева

ООО «Издательство ГИСФИР»
ЛИ № 02330/0133439 от 22.06.2013
ул. Дзержинского, 71-Г, 246014, Гомель, Республика Беларусь.
Телефон: (375-044) 544-39-21.
www.gisfir.ru

Б У К В Е Д

Фантастический роман

Александра Рея

Скачать или читать онлайн perelevnik.ru

3 причины прочитать «БУКВОЕДА»

- За увлекательным сюжетом и игрой слов стоят исследования многих известных людей, работающих на поприще науки, религии и эзотерики. В книге автор попытался объединить необъединяемое, и доступно объяснить естественность магии. Волшебство и сверхспособности – это не мистика, а физика. Теория струн, создание мыслеформ, использование и распределение энергий, понятие теофизики – все это, и многое другое можно найти на страницах «БУКВОЕДА».
- Рей попытался создать модель общества, которая должна стать следующим этапом для всего человечества. Описанная в книге планета, где каждый человек ставит Зов Вселенной выше личности – не выдумка, и не очередное размышление на тему «Вот было бы неплохо, если...», а вполне близкая реальность. Желая показать какими мы должны стать, к чему нам следует стремиться, Рей создал целый мир.
- Жизнь – это Великая Игра Высшего Разума. Нам, людям, довольно сложно оценить Вселенский размах Игры. Уж слишком мы заняты копошканьем в бытовых проблемах и заботе о хлебе насущном. Автор смог показать сложность этой увлекательной Игры во всей красе! Не банальный сюжет, не банальные переживания, не банальные боги, новые открытия, непредсказуемая концовка. Что еще нужно для хорошей книги?!